

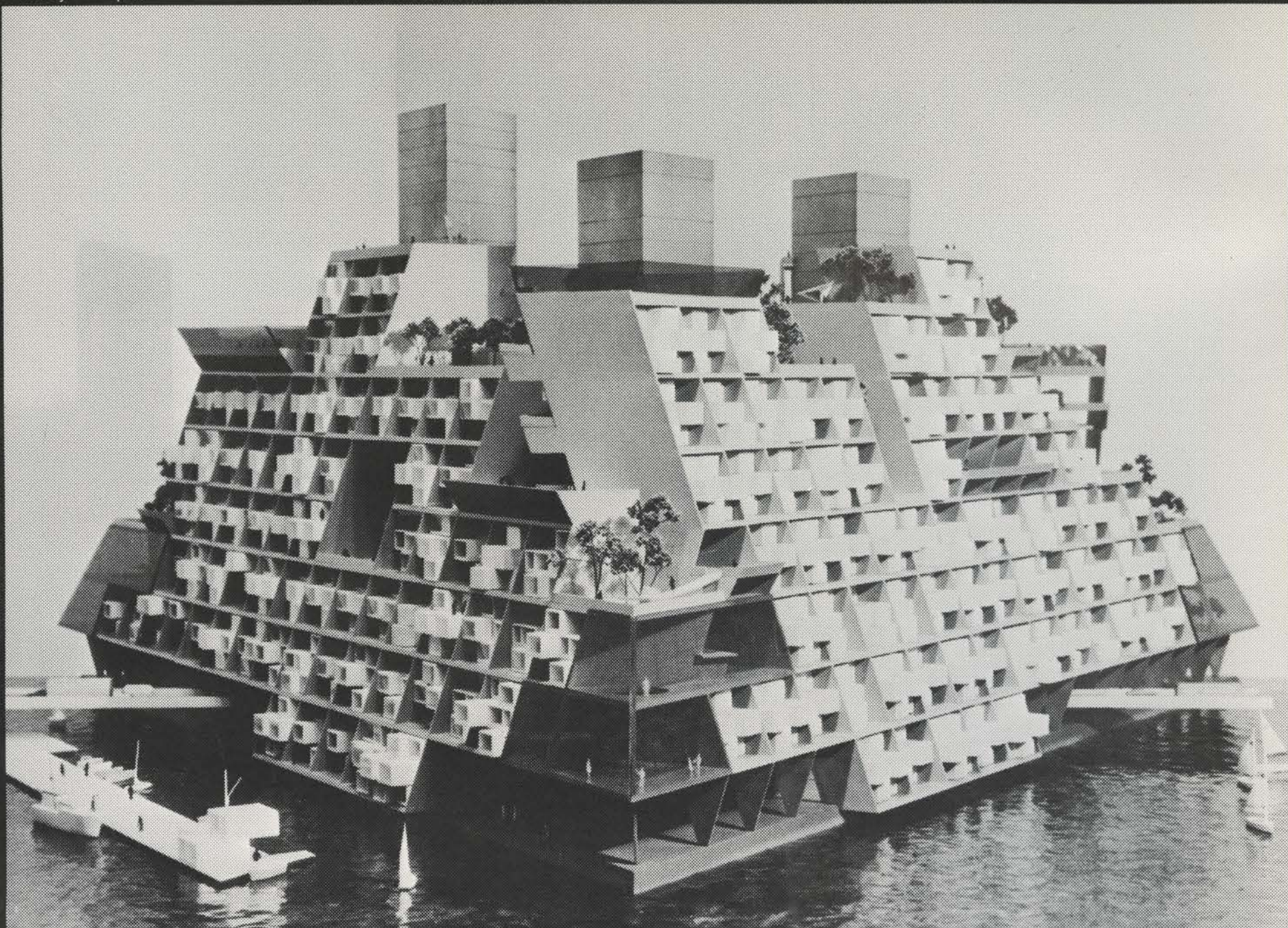
Америка

АВГУСТ 1971 / № 178 • 50 коп.

ВИДЕОКАССЕТА
ДЛЯ ДОМАШНЕГО
ТЕЛЕВИЗОРА:
ЧТО УГОДНО,
КОГДА УГОДНО

1. Плавающий город.

2. Из Эрмитажа в Нью-Йорк.

ФОТОВИТРИНА

1. Одна из возможностей разрешения проблемы перенаселенности: плавающий город будущего с населением до 5000 человек. Сооруженные на стальных понтонах, они будут стоять на якорях близ крупных приморских центров.

2. В нью-йоркском Музее современного искусства экспонируются две ранние работы Пикассо «Три женщины» и «Фабрика в Хорта-де-Эбро». Это первые картины из коллекции Государственного Эрмитажа, одолженные

американскому музею.

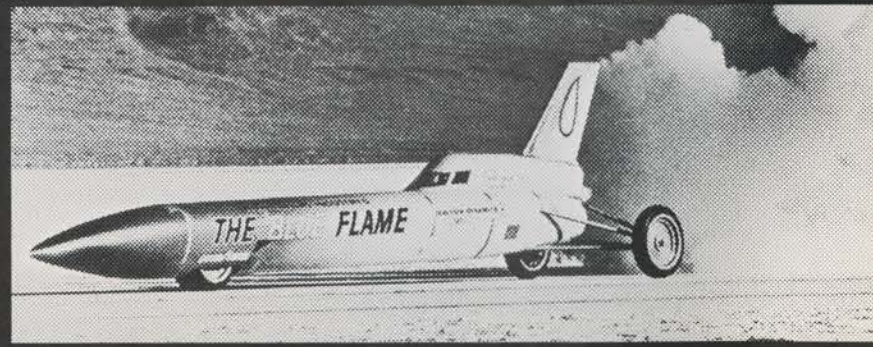
3. На сцене нью-йоркской оперы «Метрополитэн» британский музыкальный коллектив поставил в стиле «рок» оперу «Томми». Два спектакля — дневной и вечерний — прошли с аншлагом.

4. На треке высохшего соленого озера Бонневилл в штате Юта после месяца попыток гонщик Гарри Габелич, развив на своей реактивной машине 1001,253 км/час, установил новый рекорд скорости. Автомобиль-ракета работает на смеси перекиси водорода и сжиженного природного газа.

3. Опера в стиле «рок».

4. Самый быстрый на земле.

Covers Front: The dawn of the age of video cassettes. Photograph by David Attie. Back: Tongue in cheek, cartoonists suggest that ecology also has its humorous side.

Picture Parade Several firsts highlight this month's roundup from the American scene: The latest in proposed solutions to overcrowded cities of the future is a self-contained complex constructed on a steel raft which would be anchored off waterfronts of existing cities; two early Picasso paintings, on display at the Museum of Modern Art, are the first loan ever made by Leningrad's Hermitage to the United States; the British rock group, The Who, filled New York's revered Met with an original rock opera; and Gary Gabelich drove The Blue Flame, a rocket car, to a new land speed record of 622.407 miles per hour.

- 1 **About This Issue.** . . . Biographical notes introduce three of this month's contributors to our readers: Photographer Carl Purcell ("It's All in the Family"); free-lance writer Isa Kapp ("Black-and-White Movies"); and adventurer Norman Baker ("The Voyage of Ra II").
- 2 **Video Cassettes Spark a TV Revolution** By Edward Kern. "For almost twenty years, television has dominated American leisure time and dictated home entertainment — for a staggering national average of five hours a day. Now a new gadget promises to rescue the medium and the viewer from the wilderness of mass programming." With this promising opener, the author goes on to examine the exciting, limitless field of cassette TV, whereby viewers will be able to insert pre-packaged programs into their home sets. Rival manufacturers, in the best tradition of competitive enterprise, are racing to be first with the highest-quality cassette system. Though prices will be high at first, and the question still remains whether people will take the trouble to buy or rent cassettes, once they catch on, says Kern, "their impact on America's viewing habits and life-styles may be greater than anything since the advent of television itself." Courtesy of LIFE.
- 8 **The Voyage of Ra II** By Norman Baker. Norwegian Thor Heyerdahl of 1947 "Kon-Tiki" fame and his crew failed in their first attempt two years ago to sail 3,200 miles across the Atlantic in a papyrus boat, the Ra I, as proof that ancient Egyptian sailors could have reached the Americas long before Columbus. Undaunted, Heyerdahl and a seven-man crew — from Egypt, Italy, Japan, Mexico, Morocco, the Soviet Union and the United States — set out in 1970 to try again in Ra II. American crewman Norman Baker relates the whole harrowing, but exhilarating, experience, and concludes that the international crew, at journey's end, "each in his own way was bigger than when he'd started out, having grown with hardships borne and hazards overcome in the kinship of other men."
- 11 **It's All in the Family** Photographs by Carl Purcell. For three days last summer, four generations of the Sonnenschein family of St. Louis gathered there to take part in a rousing family reunion. Coming from as far away as Washington, D.C. and California, members of the gregarious Hungarian/American clan converged to have fun and, incidentally, to reaffirm familial values and ties in the best tradition of American immigrant families, who were drawn close together through their common adventure in a new land.
- 16 **Looking at Man** By Lawrence Lessing. The recent rise of the "behavioral" approach — studying how people actually behave — is bringing a bubbling new ferment to the social sciences and radically transforming man's view of himself and what he can do to improve his society. From a starting point in psychology, the behavioral scientists range far afield with pioneering studies in conditioned learning, effects of crowding, group dynamics, and the genetic and instinctual bases of behavior. "More and more," says the author of this report, "practical men as well as social scientists are looking to these new findings and new currents of thought for help in coping with our current perplexities." Courtesy of FORTUNE.
- 19 **Westward by Wagon — Again** Photographs by Curt Gunther. Russell Oliver, an enterprising ex-construction worker from Ohio, built a covered wagon, hitched it to a team of horses, then set out with his family of five to retrace the steps of pioneers of a century ago who sought a new life in the West.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Карл Пэрселл с семьей.

Фотограф и журналист Карл Пэрселл принадлежит к семье Зонненшейнов (см. «Вся семья в сборе», стр. 11) — он женат на Кэрол Макинтайр, внучке Луиса и Лауры Зонненшейн. Поначалу он немного побаивался, что на семейном съезде окажется чужим. Однако венгерские родственники оказали ему столь сердечный прием, что фотограф чуть не захлебнулся в поцелуях и объятиях. Сотрудник Агентства международного развития, которое оказывает помощь развивающимся странам, мистер Пэрселл по долгу службы несколько раз облетел вокруг света. Он очень любит путешествовать — и всегда с фотоаппаратом, который считает орудием, несущим с собой социальные перемены. Его снимки появляются во многих ведущих газетах и журналах мира.

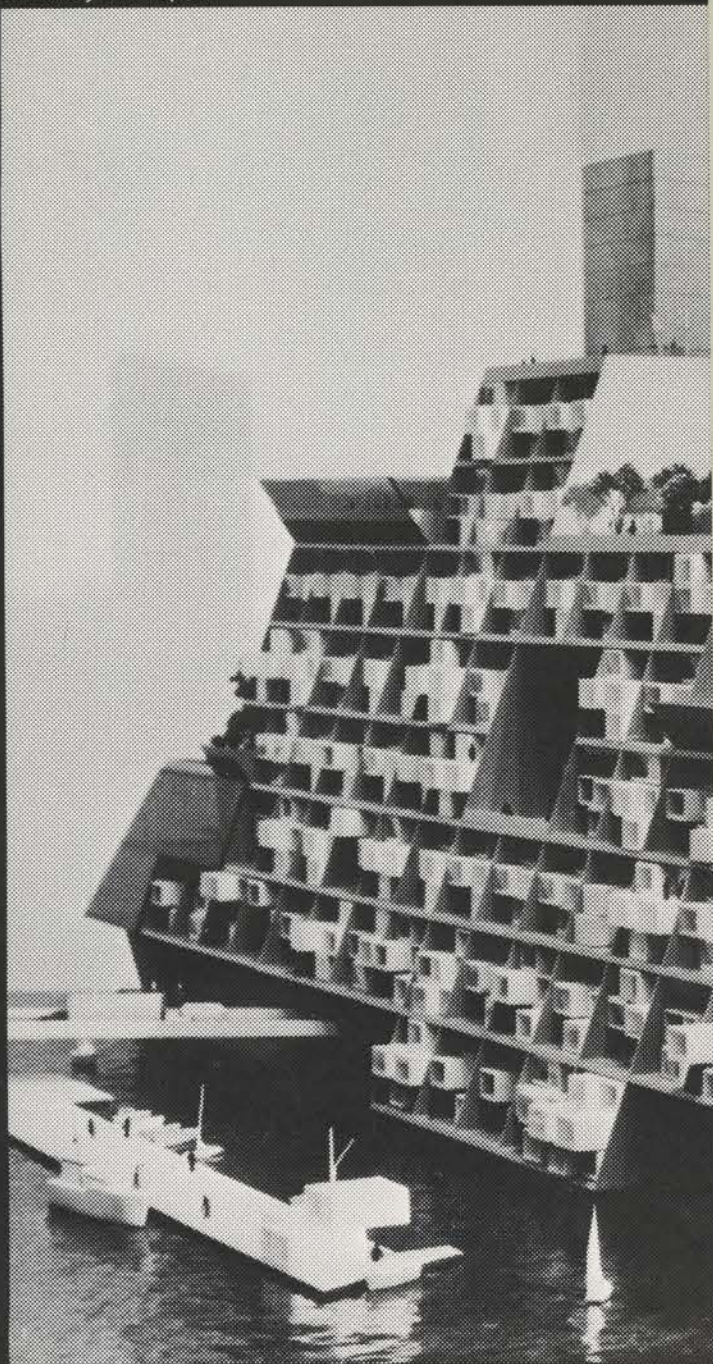
Иза Капп, автор статьи «Черные и белые в кино», работает внештатным сотрудником целого ряда серьезных американских журналов, специализируясь на социально-культурной тематике. Сейчас она пишет книгу «Любовь среди представителей среднего класса». Уроженка Брест-Литовска, миссис Капп росла в семье, где постоянно слышалась польская и русская речь. В Брест-Литовске ее отец заведовал детской больницей. Переехав в Соединенные Штаты, он стал работать кардиологом, а по выходе на пенсию начал преподавать русский язык в городских школах Нью-Йорка. Миссис Капп окончила Хантер-колледж и занималась в аспирантуре Колумбийского университета. Сейчас она с мужем, тоже журналистом, живут в Арлингтоне (Вирджиния). С дочерью-студенткой они охотно делятся журналистическим опытом.

Норман Бейкер, автор статьи «Экспедиция Ра-2», — большой любитель приключений. В тринадцать лет он записался на курсы самолетовождения, а в 17 лет уже совершил свой первый самостоятельный полет. Когда он учился в Корнеллском университете, он был президентом Корнеллского авиаклуба, играл в футбольной команде, состоял в первой университетской команде гребцов и удостоился ряда наград за верховую езду. По окончании университета он получил диплом инженера. Несмотря на высшее образование, Бейкер поступил простым рабочим на аляскинские золотые прииски, однако очень скоро стал там же работать инженером. Оттуда он отправился в пустынные районы Колорадо и Нью-Мексико, где занимался топографической съемкой для межевания границы между штатами — единственной, еще твердо не установленной в стране. Во время корейского конфликта он служил в вооруженных силах в Корее, затем вернулся в Соединенные Штаты и в 1955 году в качестве палубного матроса участвовал в Транстихоокеанской регате. Он плавал по Тихому океану и научился нырянию с аквалангом, когда работал у морского биолога, который познакомил его с Туром Хейердалом. В 1960 году Бейкер женился и свой медовый месяц провел в Швейцарии, где ему удалось осуществить мечту детских лет — совершить восхождение на Маттергорн. Сейчас у него трое детей, живет он неподалеку от Нью-Йорка и вместе с братом, тоже инженером, возглавляет строительную фирму, которую они открыли в 1958 году. Но этим дело не ограничивается. Норман Бейкер пишет статьи для журналов, состоит старшим членом Национального лыжного патруля и преподает океанографию в военно-морском запасе США.

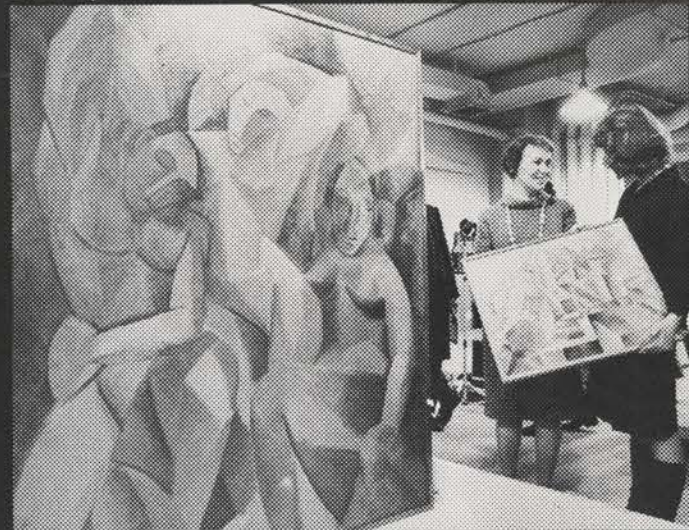

Слева направо: Юрий Сенкевич, Норман Бейкер и Тур Хейердал.

1. Плавающий город.

2. Из Эрмитажа в Нью-Йорк.

ФОТОВИТРИНА

1. Одна из возможностей разрешения проблемы перенаселенности: плавающий город будущего с населением до 5000 человек. Сооруженные на стальных понтонах, они будут стоять на якорях близ крупных приморских центров.

2. В нью-йоркском Музее современного искусства экспонируются две ранние работы Пикассо «Три женщины» и «Фабрика в Хорта-де-Эбро». Это первые картины из коллекции Государственного Эрмитажа, одолженные

американскому музею.

3. На сцене нью-йоркской оперы «Метрополитэн» британский музыкальный коллектив поставил в стиле «рок» оперу «Томми». Два спектакля — дневной и вечерний — прошли с аншлагом.

4. На треке высохшего соленого озера Бонневилл в штате Юта после месяца попыток гонщик Гарри Габелич, развиг на своей реактивной машине 1001,253 км/час, установил новый рекорд скорости. Автомобиль-ракета работает на смеси перекиси водорода и сжиженного природного газа.

22 **Class Consciousness and the American Worker** By Harold L. Wilensky. A sociologist scrutinizes the phenomenon of class consciousness as it obtains in the United States and concludes that education, religion, nationality and race are more important than "class" in determining the ways Americans behave and think. His analysis of the American experience shows that a clearly defined working class no longer exists and that "instead of class struggle, we find a much more complicated fluid accommodation among shifting coalitions of interest groups."

26 **The Unexpected Glamour of Minneapolis, Minnesota** Photographer Don Getsug discovers the vitality, excitement and sophistication of life in Minneapolis, Minnesota. A medium-sized industrial city in the heart of America's Midwest, Minneapolis gives its residents a wealth of cultural attractions, urban modernity and outdoor recreation that would kindle the envy of those in cities twice its size.

33 **Will a Future Chess Master Be a Computer?** By John C. Devlin. Despite their vaunted "mental" capabilities, six computers proved themselves no better chess players than their programmers last year in the first major chess tournament for the electronic brains. As sophistication of programming increases, however, future matches may tell a different tale. Courtesy of THE NEW YORK TIMES.

34 **Black-and-White Movies** By Isa Kapp. On racial matters, the tone of today's films parallels the progress of the civil rights movement and reflects the mounting recognition that black/white problems are more than simply political or legal. Such recent pictures as *Medium Cool*, *The Landlord*, *Putney Swope* and others now deal with Negro characters as complete human beings instead of the stereotypes of a few decades ago, and raise questions far beyond any posed by the vague charitableness and condescension of the early films about Negroes and race relations.

38 **Relaxing in Style** Photographs by Arnaud De Rosnay. Three fetching summer fashions evoke sunshine and leisure, not to mention a second glance from male admirers. Courtesy of VOGUE.

41 **Robert Penn Warren: Vivid Moralist of the Human Heart** By Louis D. Rubin, Jr. "One would have to go all the way back to Edgar Allan Poe to find another American writer as versatile as Robert Penn Warren," asserts University of North Carolina professor Louis Rubin in his wide-ranging assessment of this remarkably productive and accomplished man of letters — Pulitzer Prize-winner in both novel writing and poetry, an essayist, critic, textbook author, editor and teacher. Here also, under the title "A Poet Probes the Fragility of Irrelevance," is Warren's acceptance speech for the 1970 National Medal for Literature, in which he tells why man needs so desperately the singers in prose and poetry who chasten him with "a keener awareness of human possibility of salvation or disaster." Three of Warren's poems illustrate his sensitivity and scope.

47 **Taking Jazz Back to the Streets** Photographs by Margot Granitsas. No reservations are needed for New York City's Jazzmobile concerts — and what's more, the music seeks out the audience. Originally a project of the Harlem Cultural Council, the Jazzmobile began seven years ago as outdoor concerts and has since added lecture programs in the public schools and a workshop for aspiring young musicians.

50 **The Search for Nonpolluting Automobiles** By Daniel B. Moskowitz. The need is obvious: cars that don't befool the atmosphere. The question is, which, if any, of the many proposed solutions — steam, propane, kerosene, electricity, etc. — will work. For the last three years, an attention-getting test of antipollution ideas has been a cross-country Clean Air Car Race. At first a friendly competition between students at Cal Tech and MIT, last summer it had grown to fifty entries, many aided by major manufacturers and the federal government. And though no one alternative to the present internal-combustion engine proved vastly superior, the race did indicate some of the most likely paths for engineers and scientists to follow in their search for ecologically acceptable vehicles.

54 **Teens Judge Teens** Teen-agers arrested for misdemeanors in Dunkirk, New York, are given the opportunity to be heard by and receive sentencing from a jury of their peers. The defendants, most of whom are traffic offenders, have already pleaded guilty in regular city courtroom proceedings, so the youthful jurors do not establish guilt or innocence — they merely recommend penalties. Youth jury punishments fit the crime, usually entailing city maintenance chores or a written report. Courtesy of AMERICAN YOUTH.

55 **Reviews: Books-Theater** Beginning this month, the regular reviews feature changes its emphasis, with more extensive appraisals of fewer subjects from the cultural scene. This issue's section is devoted to Lewis Mumford's harsh, yet optimistic critique of modern technology, *The Pentagon of Power*, and novelist Kurt Vonnegut, Jr.'s first fling at playwriting, *Happy Birthday, Wanda June*. In addition to critical evaluations of their works, short profiles of the authors are presented.

PHOTO CREDITS: Inside front cover, Buckminster Fuller from LECO Photo Service, Inc.; Jack Manning, *The New York Times*; Henry Grossman; The Goodyear Tire & Rubber Company (2); 1, Carl Purcell, courtesy Norman Baker; 2, Barry Blackman; 3, Michael Rougier, *Life*; 4-5, Henry Grossman, *Life* except bottom center — John Zimmerman, *Life*; 6-7, Henry Grossman, *Life*; 8, Georges Sauriol; 33, Tyrone Dukes, *The New York Times*; 34, Museum of Modern Art/Film Stills Archive (3); Columbia Pictures Corp.; courtesy Bawolco Picture Company Productions; 36, Museum of Modern Art/Film Stills Archive; Columbia Pictures Corp.; Museum of Modern Art/Film Stills Archive; courtesy United Artists Corp.; courtesy Warner Bros.-Seven Arts, Inc.; 41 & 46, Arthur Ellis, *The Washington Post*; 50-51, John Zimmerman, *Life*; 52, Julian Wasser; 54, Michael Phillip Manheim; 55 & 56, courtesy National Film Board, Canada; 56, bottom right — Jill Kremenitz; inside back cover, Jill Kremenitz.

**Published
for distribution
in the Soviet Union
by Press and
Publications Service
United States
Information Agency,
Washington, D. C.
20547**

Америка

Главный редактор
ЛЕНАРД РИД

Зам. главного редактора
МАРДЖОРИ ЯРЕС

Зав. редакционным отделом
МЭРИ БОЙКЕН

Зав. отделом иллюстраций
ЛИ БАТТАЛЬЯ

Художественный редактор
ДЭВИД МОР

Редактор русского издания
ГАРАЛЬД ЛИНДЕС

Зав. производством
МИЛЬТОН ДЖОНСОН

Секретарь редакции
БЛАНШ ЭДИНГТОН

Журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала «Soviet Life» в США, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР отделами Союзпечати в пределах обусловленного соглашения тиража.

ЖУРНАЛ «АМЕРИКА» ПРОДАЕТСЯ В СЛЕДУЮЩИХ ГОРОДАХ

(данные Союзпечати):
Алма-Ата
Архангельск
Астрахань
Ашхабад
Баку
Барнаул
Брест
Брянск
Вильнюс
Витебск
Владивосток
Волгоград
Воронеж
Воронеж
Воронеж
Горький
Днепропетровск
Донецк
Душамбе
Ереван
Запорожье
Иваново
Иркутск
Казань
Калинин
Калининград
Каменск
Шахтинский
Караганда
Каунас
Кемерово
Киев
Киров
Кировград
Кишинев
Краснодар
Красноярск
Куйбышев
Курск
Кустанай
Ленинград
Львов
Магадан
Минск
Москва
Мурманск
Николаев
Новосибирск
Одесса
Омск
Орел
Оренбург
Павлодар
Пенза
Пермь
Петрозаводск
Петрозаводск
Полтава
Псков
Рига
Ростов-на-Дону
Рязань
Саратов
Свердловск
Симферополь
Смоленск
Ставрополь
Таллин
Тамбов
Ташкент
Тбилиси
Томск
Тула
Ужгород
Ульяновск
Усть-Каменогорск
Уфа
Фрунзе
Хабаровск
Харьков
Херсон
Целиноград
Челябинск
Чернигов
Чита
Южно-Сахалинск
Ярославль

2 ВИДЕОКАССЕТА НЕСЕТ ПЕРЕВОРОТ В ТВ
Эдуард Керн

8 ЭКСПЕДИЦИЯ «РА-2»
Норман Бейкер

11 ВСЯ СЕМЬЯ В СБОРЕ
Фото Карла Пэрселла

16 ВЗГЛЯД НА ЧЕЛОВЕКА
Лоуренс Лессинг

19 СНОВА ФУРГОНОМ НА ЗАПАД
Фото Курта Гунтера

22 КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ РАБОЧИЕ
Гарольд Л. Виленский

26 МИННЕАПОЛИС —
ГОРОД ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ НЕОЖИДАННОСТЕЙ
Фото Дона Гетсуга

33 СТАНЕТ ЛИ КОМПЬЮТЕР ГРОССМЕЙСТЕРОМ?
Джон Девлин

34 ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ В КИНО
Иза Капп

38 ДЛЯ ЛЕТНЕГО ОТДЫХА
Фото Арно Де Роней

41 РОБЕРТ ПЕНН УОРРЕН,
ЗНАТОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ
Луис Д. Рубин

45 ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРТА ПЕННА УОРРЕНА

47 ДЖАЗ СНОВА ВЫХОДИТ НА УЛИЦУ
Фото Маргот Границас

50 В ПОИСКАХ АВТОМОБИЛЯ, НЕ ЗАГРЯЗНЯЮЩЕГО ВОЗДУХ
Даниэл Б. Москович

54 ПО ПРОСТУПКУ И НАКАЗАНИЕ:
ТАК ПОДРОСТКИ СУДЯТ ПОДРОСТКОВ

55 ОБОЗРЕНИЕ: КНИГИ — ТЕАТР

На обложке: фотомонтаж Дэвида Атти.

Приводим список лиц и учреждений, любезно предоставивших иллюстрации нашему журналу: Inside front cover, Buckminster Fuller from LECO Photo Service, Inc.; Jack Manning, The New York Times; Henry Grossman; The Goodyear Tire & Rubber Company (2); 1, Carl Purcell; courtesy Norman Baker; 2, Barry Blackman; 3, Michael Rougier, Life; 4-5, Henry Grossman, Life except bottom center — John Zimmerman, Life; 6-7, Henry Grossman, Life; 8, Georges Sourial; 33, Tyrone Dukes, The New York Times; 34, Museum of Modern Art/Film Stills Archive (3); Columbia Pictures Corp.; courtesy Bawalco Picture Company Productions; 36, Museum of Modern Art/Film Stills Archive; Columbia Pictures Corp.; Museum of Modern Art/Film Stills Archive; courtesy United Artists Corp.; courtesy Warner Bros.-Seven Arts, Inc.; 41 & 46, Arthur Ellis, The Washington Post; 50-51, John Zimmerman, Life; 52, Julian Wasser; 54, Michael Phillip Manheim; 55 & 56, courtesy National Film Board, Canada; 56, bottom right — Jill Krementz; inside back cover, Jill Krementz.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Leonard Reed, Editor-in-Chief, «America Illustrated», Washington, D.C. 20547, U.S.A. или Американское посольство, Москва, ул. Чайковского, д. 19-21.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Карл Пэрселл с семьей.

Фотограф и журналист Карл Пэрселл принадлежит к семье Зонненшейнов (см. «Вся семья в сборе», стр. 11) — он женат на Кэрл Макинтайр, внучке Луиса и Лауры Зонненшейн. Поначалу он немного побаивался, что на семейном съезде окажется

чужим. Однако венгерские родственники оказали ему столь сердечный прием, что фотограф чуть не захлебнулся в поцелуях и объятиях. Сотрудник Агентства международного развития, которое оказывает помощь развивающимся странам, мистер Пэрселл по долгу службы несколько раз облетел вокруг света. Он очень любит путешествовать — и всегда с фотоаппаратом, который считает орудием, несущим с собой социальные перемены. Его снимки появляются во многих ведущих газетах и журналах мира.

Иза Капп, автор статьи «Черные и белые в кино», работает внештатным сотрудником целого ряда серьезных американских журналов, специализируясь на социально-культурной тематике. Сейчас она пишет книгу «Любовь среди представителей среднего класса». Уроженка Брест-Литовска, миссис Капп росла в семье, где постоянно слышалась польская и русская речь. В Брест-Литовске ее отец заведовал детской больницей. Переехав в Соединенные Штаты, он стал работать кардиологом, а по выходе на пенсию начал преподавать русский язык в городских школах Нью-Йорка. Миссис Капп окончила Хантер-колледж и занималась в аспирантуре Колумбийского университета. Сейчас она с мужем, тоже журналистом, живут в Арлингтоне (Вирджиния). С дочерью-студенткой они охотно делятся журналистическим опытом.

Норман Бейкер, автор статьи «Экспедиция Ра-2», — большой любитель приключений. В тринадцать лет он записался на курсы самолетовождения, а в 17 лет уже совершил свой первый самостоятельный полет. Когда он учился в Корнеллском университете, он был президентом Корнеллского авиаклуба, играл в футбольной команде, состоял в первой университетской команде гребцов и удостоился ряда

Слева направо: Юрий Сенкевич, Норман Бейкер и Тур Хейердал.

наград за верховую езду. По окончании университета он получил диплом инженера. Несмотря на высшее образование, Бейкер поступил простым рабочим на аляскинские золотые прииски, однако очень скоро стал там же работать инженером. Оттуда он отправился в пустынные районы Колорадо и Нью-Мексико, где занимался топографической съемкой для межевания границы между штатами — единственной, еще твердо не установленной в стране. Во время корейского конфликта он служил в вооруженных силах в Корее, затем вернулся в Соединенные Штаты и в 1955 году в качестве палубного матроса участвовал в Транстихоокеанской регате. Он плавал по Тихому океану и научился ныранию с аквалангом, когда работал у морского биолога, который познакомил его с Туром Хейердалом. В 1960 году Бейкер женился и свой медовый месяц провел в Швейцарии, где ему удалось осуществить мечту детских лет — совершить восхождение на Маттергорн. Сейчас у него трое детей, живет он неподалеку от Нью-Йорка и вместе с братом, тоже инженером, возглавляет строительную фирму, которую они открыли в 1958 году. Но этим дело не ограничивается. Норман Бейкер пишет статьи для журналов, состоит старшим членом Национального лыжного патруля и преподает океанографию в военно-морском запасе США.

ЭДУАРД КЕРН

За последние двадцать лет телевидение прочно вошло в быт американцев, став самой популярной формой развлечения и отдыха в домашней обстановке. По статистике, американская семья в среднем проводит у телевизора около пяти часов в день. Но сейчас этот привычный объект домашнего обихода стоит на пороге великих перемен. В самом ближайшем будущем на рынок, вероятно, поступит новый прибор, обещающий расширить возможности телевидения и избавить зрителя от бессодержательных передач. Это видеокассета, которая позволит зрителю выбирать программы по своему вкусу, подобно тому, как выбирают граммофонные пластинки. Возможно, что видеокассета повлияет на быт и даже на стиль жизни американцев больше, чем в свое время телевизор.

Возможности применения и совершенствования нового прибора почти неисчерпаемы. И в этом нетрудно убедиться. Обычные телевизионные передачи — чтобы оправдать гигантские затраты — делаются с расчетом на многомиллионную аудиторию. Кассеты же (или патроны, как их иногда называют) можно выпускать отдельными сериями с учетом интересов и спроса индивидуальных потребителей, и даже тираж в 2000 штук принесет фирме достаточный доход. Имея проигрыватель и набор кассет, зритель полностью избавится от рекламы коммерческого телевидения и сможет в любое время смотреть любую программу, включая даже фильмы собственного изготовления, причем изображение на экране будет гораздо отчетливее, чем передачи телецентра.

Пока производство видеокассет и аппаратуры для них обходится очень дорого, а потому пройдет еще несколько лет, прежде чем они найдут себе широкое применение. Первые установки для использования видеокассет, выпущенные компанией «Колумбия бродкастинг систем» («CBS») пока лишь в ограниченном количестве, стоят около 800 долларов, но со временем цены на установки для домашнего пользования снизятся до 200 долларов. Однако конкурирующие между собой электронные предприятия, отлично понимая, какие возможности и прибыли таит в себе рынок с существующими сейчас 90 миллионами телевизионных аппаратов и приблизительно с таким же количеством, если не больше, потенциальных клиентов, приложат все усилия, чтобы завоевать соответствующую часть этого рынка.

Идея создания системы ЭВЗ (электронной видеозаписи), выпускаемой компанией «CBS», принадлежит Питеру Гольдмарку, двадцать три года тому назад изобретшему долгоиграющую пластинку (см. журнал «Америка» № 157). В основных чертах процесс ЭВЗ заключается в следующем: на специальную фотопленку электронным лучом наносится серия черно-белых кадров. Внутри воспроизводящего аппарата другой электронный луч «читает» проходящие кадры и передает по кабелю звуковые и видеоимпульсы в телевизионный аппарат, который в свою очередь преобразует сигналы в движущееся изображение на экране.

Кадр ЭВЗ в три раза меньше кадра обычного 8-мм кинофильма, благодаря

В недалеком будущем американцы с помощью небольшой катушки с записью звука и изображения (на фото слева) смогут выбирать программы по своему вкусу. Видеокассеты рассчитаны на проигрывание в обычном домашнем телевизионном аппарате. Зритель, сидя у себя дома, на экране ТВ сможет посмотреть художественный или видовой фильм, выступление цирка, прослушать концерт, лекцию и т. д.

Среди первых телевизионных систем для видеокассет в США, рассчитанных на массовое употребление, будут, вероятно, системы компании «Авко», состоящие из телевизора и проигрывателя для видеокассет (стоят на телевизоре). Чтобы привести аппарат в действие, нужно опустить кассеты в отверстие на передней панели аппарата, настроить на канал, по которому в настоящий момент нет трансляции, и нажать кнопку.

этому на пленке электронной видеозаписи (230 м), вмещающейся в одной кассете, содержится до 180 000 кадров, то есть на ней достаточно места для того, чтобы переснять всю «Британскую энциклопедию» и вдобавок к ней еще несколько книг. Фильм можно пускать вперед и назад, останавливать в любом месте и просматривать в замедленном темпе кадр за кадром. Это будет незаменимым пособием при подробном разборе, скажем, удара по мячу во время игры в гольф или при анализе отдельных деталей картин.

За компанией «CBS» следуют другие американские и иностранные компании: «Ампекс», «Сони», «Авко», «Магनावокс», «Норелко» и т. д. Конкуренция в этой области сейчас настолько обострилась, что «CBS» пришлось на год сократить сроки по разработке кассет. Сейчас есть все основания предполагать, что будущее принадлежит не кинопленке, а магнитной видеоленте. Это обычная лента, которая вот уже много лет употреблялась в коммерческом телевидении. Она недорогая, а способ ее изготовления, как и само использование, весьма прост. Техника записи и воспроизведения также не сложна: изображение в форме невидимых электромагнитных сигналов наносится на поверхность пленки, а затем воспроизведенные сигналы превращаются в видимое изображение на экране телевизора. Видеолента хороша для записи в домашней обстановке — фактически это единственный известный материал, который можно использовать для кассеты. На нее можно записывать любые программы непосредственно с телеэкрана, причем запись легко стирается, после чего пленку можно использовать вновь.

В настоящее время электронные компании делают особый упор на производство аппаратов-проигрывателей и видеолент к ним, как чистых, так и с черно-белой или цветной записью. В то же время некоторые фирмы пытаются стандартизировать пленки и кассеты таким образом, чтобы

кассеты одной фирмы подходили к проигрывателям другой. Система «селекта-вижон», разработанная компанией «Радио корпорэйшн оф Америка» («RCA»), в конструктивном отношении, пожалуй, самая остроумная и оригинальная, и, возможно, окажется и самой экономичной.

Компания «RCA» в качестве основы для селекта-вижон использует дешевую виниловую пленку, то есть тот же материал, в который в продуктовых магазинах заворачивают мясо и овощи. Запись программы производится на ленту-матрицу с помощью лазерного луча, расщепленного на два пучка. Один пучок проходит через фильм, с которого ведется запись, скажем, обычный коммерческий цветной фильм, а затем попадает на полосу матрицы, движущуюся несколько позади. Другой пучок направлен на то же самое место на матрице, но он отклоняется, задерживается системой зеркал и не проходит через снимаемый фильм. Когда пучок, наконец, достигает матрицы, он уже не совпадает с сигналами своего двойника. Возникающая интерференция волн вследствие несовпадения лучей образует на гладкой поверхности матрицы как бы невидимый рисунок, состоящий из борозд и рубцов, — так называемую «холограмму». Это своего рода абстрактная модель просвеченного фильма в трех измерениях. Для массовой продукции с полученной матрицы-холограммы печатаются копии на виниловой пленке, которая потом наматывается на катушки и вставляется в кассеты. При воспроизведении записи с помощью аппарата-проигрывателя лазерный луч, но уже гораздо более слабый, проходя через пленку, «расшифровывает» запись (но не стирает ее) и дает на экране приемлемое для глаза изображение.

Из-за сложности оборудования аппаратуры и селекта-вижон (компании «RCA») и ЭВЗ (компании «CBS») запись на пленку

Переведено с сокращениями из журнала «Лайф» от 16 октября 1970 г. Из статьи Эдуарда Керна «Революция в ТВ с расчетом на массового потребителя». Авт. права: изд-ва «Тайм», 1970 г.

пока еще не может производиться в домашних условиях. Сам по себе процесс все еще является новинкой — впервые в приборе, предназначенном для массового употребления, будет применяться лазерный луч. В настоящее время компания «RCA» пока ограничивается только демонстрацией прототипа аппаратуры и экспериментальных голограмм. К тому времени, когда селекта-вижон поступит в продажу, компания, по подсчетам экспертов, уже затратит на его изготовление около 25 миллионов долларов. Компания «RCA» уверена, что ее аппаратура будет первоклассной. Виниловые пленки почти не изнашиваются, от царапин и других повреждений изображение не будет искажаться. Кроме того, сам винил настолько дешевый, а копировальный процесс настолько простой и быстрый (копии делаются за несколько секунд), что «RCA» сможет пустить свои кассеты в продажу по десять долларов штука, то есть намного дешевле, чем будет стоить продукция конкурентов.

Компания «RCA» уже заглядывает в будущее — в те не столь отдаленные времена, когда стереоскопическое изображение и телевизионный экран размером в стену станут реальностью. Уже сейчас голограммным процессом изготавливаются стереоскопические цветные фотографии, и лет через пятнадцать можно будет применить этот процесс и в кинематографии. В этом отношении фирма «RCA» оказалась в более выгодном положении, чем другие конкурирующие компании. Дело в том, что подобных результатов можно пока добиться лишь с помощью процесса, разработанного инженерами «RCA», или аналогичного ему. В недалеком будущем, как уверяют инженеры, можно будет, сидя в своей гостиной, любоваться объемным и больше натурального роста изображением популярного киноактера Джона Уэйна (при условии, конечно, что он все еще будет выглядеть богатырем).

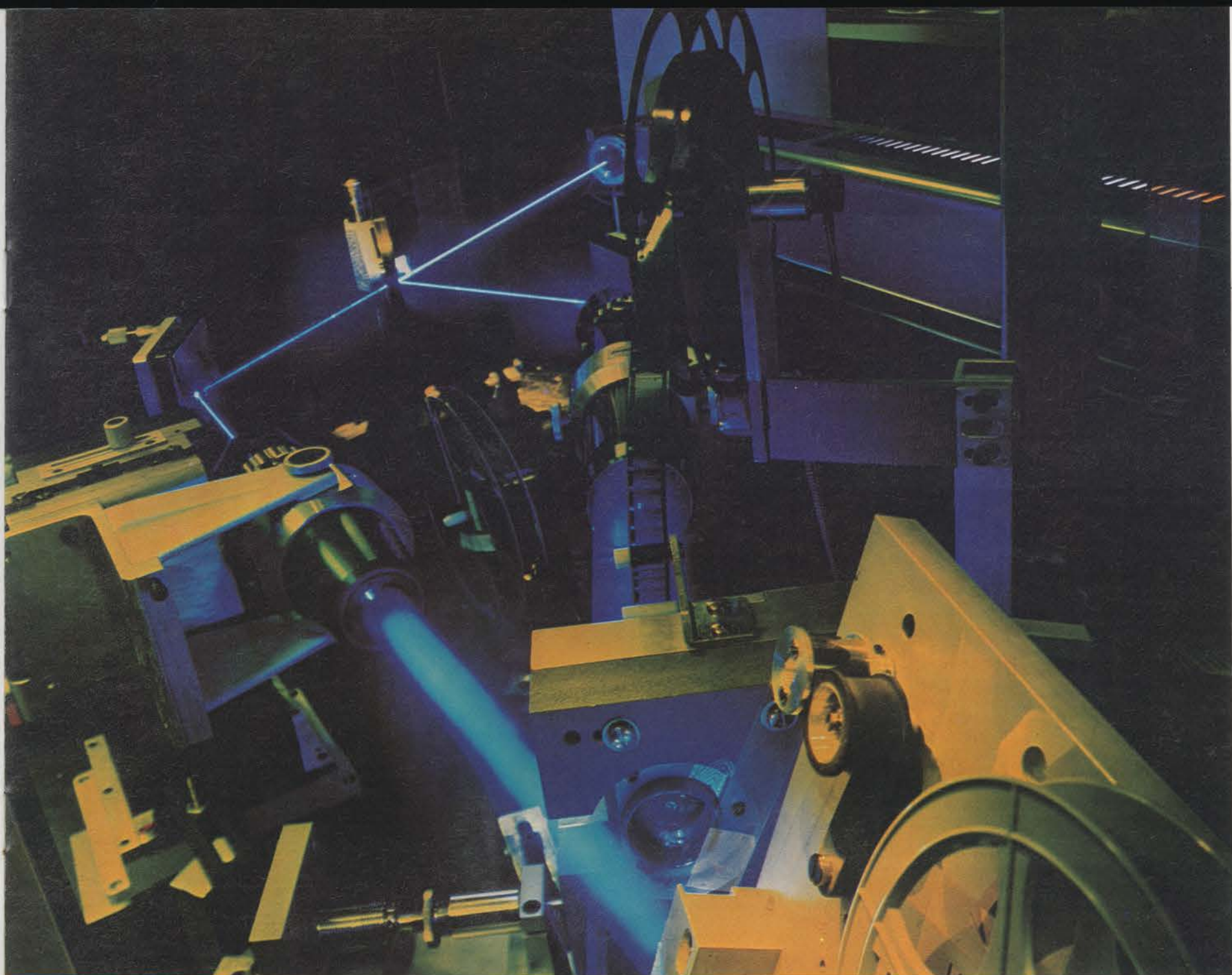
До сих пор электронные компании все свое внимание сосредоточивают на производстве аппаратуры и почти не задумываются о содержании видеокассет — то есть о программах, их профиле, художественном уровне, характере, о том, на кого они будут рассчитаны и как будут записаны.

Все прогнозы могут оказаться ошибочными, а крупные капиталовложения — напрасными, если содержание заранее записанных программ по художественному уровню или по качеству окажется недостаточно привлекательным для потребителя и вся эта продукция не найдет сбыта. Предвидя все это, фирма «CBS» уже подписала соглашение с кинематографической компанией «XX сенчури-Фокс» о переработке и записи на видеокассеты (ЭВЗ) 1500 старых фильмов компании. Фирма «Авко» заключила подобную сделку с «Юнайтед артистс» и Национальной футбольной лигой. «RCA» составляет огромную фильмотеку, где будут храниться пленки селекта-вижон с записью различных программ, рассчитанных на все вкусы и возрасты: детские спектакли, классическая и легкая музыка, оперы, художественное чтение и научные программы.

Кассеты будут продаваться в музыкальных и телевизионных магазинах, универмагах и универсаме, а также, возможно, в магазинах, специализирующихся на продаже кассет. В последних будут различные отделы, как, например, детский, научно-популярный, культурно-просветительный, отдел старых фильмов с участием известных артистов — Чарли Чаплина, Хэмфри Богарта и т. п.

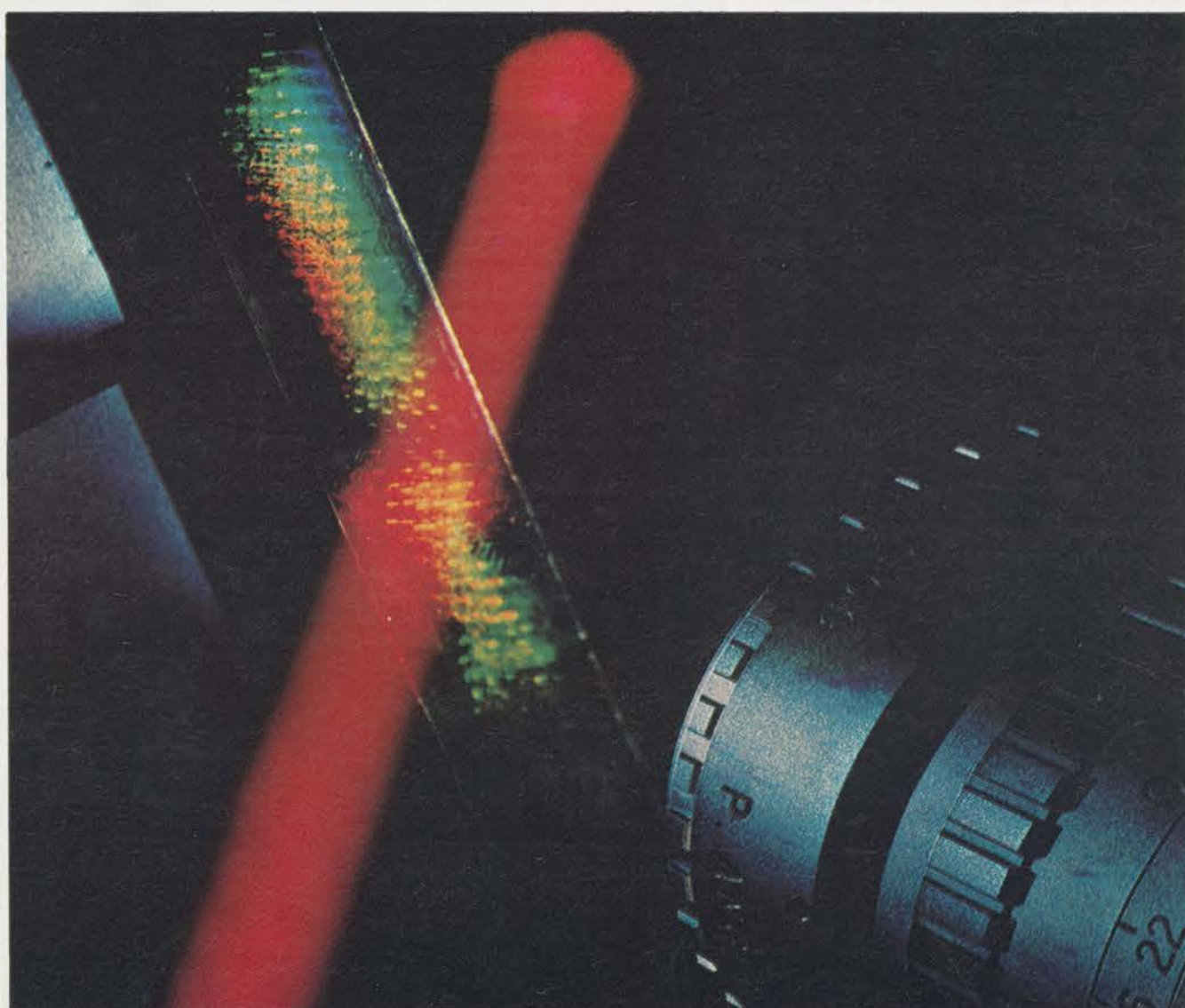
Поначалу камнем преткновения будет цена. Кассеты со старым полнометражным фильмом будут стоить приблизительно 25 долларов — сумма не маленькая, в особенности принимая во внимание, что, за исключением детских программ и, может быть, научно-популярных, вряд ли кому придет в голову ставить эту кассету несколько раз. Многие фирмы, учитывая, что их аппаратура будет продаваться только в том случае, если потребитель станет

На фото сверху показан процесс получения пленки-матрицы для видеокассеты, разработанный компанией «RCA». Узкий лазерный луч, излучаемый оптическим «пистолетом» (на заднем плане), разделяется на два пучка. Один, пройдя через систему линз и копируемый кинофильм, проектируется на пластиковую пленку-матрицу (висит на переднем плане, чуть правее центра), другой, минуя фильм, попадает на матрицу несколькими секундами позже. Вследствие интерференции на матрице образуется сложный закодированный узор. Еще один лазерный луч в проигрывателе (справа на снимке) «расшифровывает» запись снятой с матрицы копии, и на телевизионном экране появляется изображение.

В системе, разработанной инженерами «CBS», применяется пленка с двумя параллельными рядами кадров (снимок слева). Размер кадров приблизительно в три раза меньше кадра обычного 8-мм кинофильма. В проигрывателе пленка пропускается через «читающее» устройство, и электронный луч передает сигналы по проводу в воспроизводящее устройство телевизионного аппарата. Для цветных передач используется только один ряд кадров, на другом записана «инструкция» для воспроизведения цветов. На черно-белом фильме используются оба ряда кадров.

покупать и кассеты, пришли к заключению, что гораздо целесообразнее организовать «прокат» кассет, чем их продажу.

Специалисты считают, что прокат одной кассеты на уикенд будет стоить от четырех до восьми долларов.

Остается еще нерешенным очень существенный вопрос. Допустим, все это будет недорого и удобно. Но захочет ли публика утруждать себя — идти в магазин за кассетами или посылать их по почте, — если коммерческие телевизионные передачи, которые можно смотреть у себя дома и притом совершенно бесплатно, будут высокого качества? Очень возможно, что не захочет, и это успокаивает руководителей телевизионных компаний. Они, конечно, отдадут себе отчет в том, что потеряют какую-то часть зрителей, а вследствие этого и известную часть дохода. Но несмотря на все это, пока еще нет заметного улучшения качества коммерческого телевидения. Возможно, что со временем телекомпании в своих программах сделают упор на текущие события — на передачу спортивных соревнований, новостей, репортажа с мест, интервью, дискуссий и встреч с известными людьми, то есть того, с чем кассета просто не в состоянии конкурировать.

Как только видеокассеты получат широкое распространение, цены на них сразу же упадут, а вслед за этим откроются новые области их применения помимо веселительно-развлекательного характера. Различные магазины смогут продавать кассеты с записью по своему профилю, например, в магазинах, торгующих семенами, рассадой и садовым оборудованием, появятся кассеты с программами о садоводстве, в аптеках — об оказании первой помощи, в косметических магазинах — об уходе за кожей и т. д. У агентов бюро путешествий будет набор кассет с видовыми, документальными и фактическими данными о различных странах для ознакомления клиентов с теми государствами, которые они собираются посетить, и с гостиницами, в которых они остановятся. Так как изготовление таких кассет будет финансироваться заинтересованными предприятиями, то в целях рекламы они будут продаваться по довольно низкой цене.

Будут ли кассеты выпускаться с чисто коммерческой целью для рекламы продукта, с образовательной целью или просто для развлечения, можно с уверенностью сказать, что во всех этих областях со временем откроются неограниченные возможности. Кассеты можно будет использовать в общественных местах, где людям приходится ждать, как, например, в приемной врача. На автобусных вокзалах и в аэропортах можно будет установить даже автоматы с видеокассетами. Выбрав кассету, пассажир опустит монету в автомат и просмотрит выступление своих любимых артистов экрана и эстрады. Комики Роуэн, Мартин, Джек Бенни и др. уже сейчас подготавливают серии коротких скетчей, которые можно будет показывать пациентам в больницах. Компания «Видеорекод» уже подбирает материал для видеокассет, которые она предполагает вместе с проигрывателями давать напрокат школам, больницам, церковным общинам, клубам, промышленным предприятиям, ресторанам и т. д. Несомненно, в недалеком будущем появятся также клубы «лучшей кассеты месяца», подобно клубам бестселлеров, а также откроются информационно-реферативные бюро обслуживания врачей, инженеров и представителей других профессий; эти бюро будут подбирать и си-

Система фирмы «Ампекс» дает возможность проигрывать записанные программы непосредственно после «съемки». На фото: оператор записывает на видеопленку балетную сцену и с помощью того же самого аппарата сразу же просматривает ее на экране телевизора. В настоящее время аппараты фирмы «Ампекс» выпускаются только для черно-белой видеозаписи.

стематизировать последние достижения в различных областях науки и техники.

Большие возможности использования видеокассет открываются в области инструктажа, промышленной подготовки и повышения квалификации, и в этом отношении компания «CBS» надеется занять ведущее место.

В деле народного образования видеокассеты могут также сыграть решающую роль — вплоть до изменения методики и практики преподавания. Здесь «CBS», «Авко» и другие компании предвидят неограниченный рынок для сбыта продукции. Набор кассет по соответствующему предмету может оказаться незаменимым учебным пособием, гораздо более эффективным, чем лекции, передаваемые по ТВ согласно заранее составленному расписанию, часто в неподходящее время, по тематике и по уровню рассчитанные скорее на широкую, а не специализированную аудиторию. Кассету легко приспособить к нуждам класса: ее можно пускать в замедленном темпе, останавливать в любом месте, повторять просмотренное и т. д. Кассеты можно давать ученикам на дом для подготовки домашних заданий. Если у ученика есть дома звукозаписывающее устройство, он может сам записать на ленту задание и на другой день сдать преподавателю кассету с выполненным уроком.

Обсуждая будущее видеокассет, мы пока в основном подразумеваем запись на них привычных нам материалов — фильмов, концертов, лекций и т. д. Но и в этом отношении применение кассет может открыть новые возможности. Принимая во внимание увлечение молодежи кинофильмами собственного изготовления, нужно предполагать, что кассета окажется удобным средством для творческих исканий и выражения чувств молодежи. Уже сейчас одна молодежная труппа «Нью-Йорк рэйданс корпорэйшн» изготавливает собственные программы для видеокассет, которые, по всей вероятности, будут иметь характер современных «подпольных» фильмов. Для регистрации на пленке личных переживаний и поступков вряд ли можно придумать более подходящий прибор, чем видеокассета, и, возможно, недалек тот день, когда изготовленные молодежью кассеты будут расходиться тысячами экземпляров, став своего рода рупором беспокойного поколения.

Но даже и это не исчерпывает всех возможностей видеокассет. Возможно, когда они войдут в употребление и станут обычным предметом обихода, появятся новые изобретения и новые способы эффективного использования накопленной информации. По мнению специалистов, передачи телепрограмм по кабелю (сейчас охватывающие пять миллионов американских домов) полностью заменят антенную трансляцию. Тогда для каждой семьи откроется доступ ко всем сокровищницам знаний и ресурсам библиотек, музеев, научно-исследовательских центров и т. д. Все хранящиеся там материалы будут записаны на видеокассеты, и каждый американец с помощью компьютера сможет увидеть у себя на домашнем экране нужную информацию — будь то кинофильм, научная статья, прейскурант местного продуктового магазина и т. п. Отпадет необходимость в доставке на дом журналов и газет, их будут показывать по телевидению или же по желанию «печатать» дома.

Технически все эти новшества и сейчас уже в пределах наших возможностей. Практического осуществления их, однако, придется еще подождать несколько десятилетий. Главная причина этому — огромные затраты на модернизацию и перестройку современной системы связи. Но наступит время, когда компьютер, видеокассеты и кабельное ТВ откроют нам доступ ко всем накопленным человечеством знаниям и станут частью нашего быта. Тогда у нас будут практически неограниченные возможности выбора темы телевизионных передач для отдыха, развлечения или пополнения знаний.

Экспедиция

НОРМАН БЕЙКЕР

Норвежец Тур Хейердал, прославившийся своим путешествием на плоту «Кон-Тики», в 1969 году с шестью членами экипажа предпринял попытку пересечь Атлантический океан на папирусном корабле «Ра-1». Целью экспедиции было доказать, что мореплаватели Древнего Египта могли достичь берегов Американского континента задолго до Колумба. «Ра-1» должен был покрыть расстояние в 6000 километров. Но попытка окончилась неудачей.

В мае 1970 года неугомонный Хейердал снова пустился в путь с командой из семи человек — с американцем, египтянином, итальянцем, марокканцем, мексиканцем, русским и японцем. Предоставляем слово участнику экспедиции американцу Норману Бейкеру.

□ Когда мы, наконец, отплыли из марокканского порта Сафи и подняли наш огромный парус, «Ра-2» уверенно и послушно лег на курс. Нас охватило радостное волнение: приятно было сознавать, что у нас такое послушное судно.

Позади и слева, между нами и отступающими берегами Африки, качались на волнах, то исчезая, то появляясь, рыболовные суда. Впереди и справа, насколько хватал глаз, расстились безграничные просторы Атлантического океана. Мысленно я уже был в Америке, у ее зеленых берегов, у себя дома, где меня ждала жена Мэри-Энн и трое детей... Все это было по ту сторону океана, бросившего мне вызов, который я охотно принял.

Шестерым из нас на редкость повезло: мы уже во второй раз отправлялись в уникальную экспедицию — первую в прошлом году пришлось прервать из-за недостаточной подготовки и обилия акул на месте поломки.

Наше новое папирусное судно было короче первого и по расчету должно было помещаться во впадине между двумя волнами, а не опираться на два гребня. Это и его большая жесткость создавали ощущение, что плывешь на плоту с парусом, в то время как «Ра-1» был похож на извивающегося, стонущего морского змия. Главный недостаток «Ра-1» заключался в его слишком большой гибкости, из-за чего его мачты, каюта и рулевая площадка терлись о веревки, скрепляющие связки тростника и, в кон-

скалиту моему мысу Кейп-Сим. К заходу солнца он уже срывал с гребней пену, а еще через несколько часов, когда серебристая луна то появлялась, то пряталась в темных тучах, мы шли крутым бейдевиндом, огибая мыс.

Маяк мигал слева по носу, когда вдруг с треском лопнул шкот и конец паруса с грохотом заполоскал на ветру. Тур Хейердал, наш норвежский капитан, держал один румпель — другой был закреплен. Все остальные стали перебираться на бак. Падая и поднимаясь, мы пытались схватить парус. Свободные концы каната беспощадно хлестали нас по спинам, рукам и головам, пока мы опускали тяжелую рею и хлопающий брезент. Вдруг парус зачерпнул воду и стал предательски опускаться вниз, увлекая нас за собой. Если бы не страховочные веревки вокруг пояса, в ту ночь не одному из нас пришлось бы побывать за бортом.

Взглянув вверх, я мог различить свет с Кейп-Сима — теперь по левому борту и зловеще близко. Я представлял себе, как вздымаются и несутся на скалу волны, падают и разбиваются, откатываются назад, готовясь к следующему набегу. Мы продолжали изнурительную борьбу с парусом, который мы пытались вытащить из воды, и с бьющей тараном нокреей, которую нужно было закрепить в этой страшной качке. Маяк — отчетливый, яркий и угрожающий — вспыхивал, гаснул и снова вспыхивал на скале над нами. Бесчувственный автомат, тяжкий ночной бред!

Парус, наконец, уступил нашим отчаянным усилиям. Мы налегли на все концы, за которые только можно было схватиться, и укрепили рею. Под нашим небольшим рулевым парусом мы благополучно прошли предательскую отмель по самому ее краю. Маяк мигнул в последний раз, исчезая за кормой, и с этого момента 57 дней мы не видели земли.

Благодаря своим небольшим размерам, «Ра-2» легко преодолевал крутые волны Атлантического океана. Но именно из-за его размеров возникали другие трудности — малая грузоподъемность и теснота. В этот раз мы не взяли с собой даже запасного генератора для радиоприемника, спасшего нам жизнь в прошлую экспедицию. Мы взяли гораздо меньше продовольствия и только две трети того количества питьевой воды, которое было на «Ра-1», хотя наш экипаж теперь состоял из восьми, а не из семи человек. Мы даже не взяли для нашего кормила ни запасной лопасти, ни запасного ствола. На «Ра-1» стволы кормила ломались с первого до последнего дня плавания, и Тур, наученный горьким опытом, на этот раз хотел прихватить с собой чуть ли не целые бревна.

Перед отплытием он спросил меня: «Что ты об этом думаешь, Норм?»

Я окинул взором довольно странное сооружение на корме: к тиковым лопастям кормил были привязаны два запасных ствола — могучие пятиметровые сосновые бревна.

— Не дай Бог, налетим на что-нибудь, — сказал я. — Все у нас разлетится!

— Ты прав, — согласился Тур. И мы оставили весь этот громоздкий груз на берегу.

Когда мы проходили южнее Канарских островов, то поняли, что поступили правильно. И так «Ра-2» нес гораздо больше, чем ему было по силам. Он начал оседать, погрузившись за десять дней почти на полметра, то есть больше чем на половину надводного борта. Мы тщательно перебрали наш груз и выбросили все, без чего, по нашему мнению, можно было обойтись.

Сантьяго Хеновес, наш мексиканский профессор антропологии, высказал вслух то, о чем думали все:

— Еще одна неделя, самое большее две — и нам придет конец!

Египтянин Джордж Сориал, наблюдая за тем, как я перезаряжал аккумулятор и закрывал наш небольшой генератор после одной из передач, с которыми мы выходили в эфир два раза в неделю, предостерегающе произнес:

— Береги его! В нем наше спасение!

Существует некий закон равновесия, который, видимо, был известен еще древним строителям папирусных судов. В какой-то момент после погружения в воду на определенную глубину, достаточную для поддержания нагрузки, осадка почти прекращается, и при этом давление воды, проникающей через тростник, уменьшается. Неожиданно мы достигли равновесия и перестали оседать. Мы снова преисполнились надеждой.

На траверсе островов Зеленого мыса у нас была возможность изменить маршрут и, вместо того, чтобы продолжать путь к берегам Америки, лежащим за 3000 км, свернуть на юг и через 300 км оказаться в укрытии островов. Но в нашей памяти еще слишком свежа была предыдущая попытка, закончившаяся неудачей; потому никто не заикался о такой возможности.

— Я думаю, на этот раз мы должны попытаться тересечь океан, — сказал Юрий Сенкевич, наш русский великан-врач. — У меня нет никакого желания строить «Ра-3»!

И с этого началось.

— «Ра-3»? Жена требует развода.

— Так ей не по душе, если вы каждый год решите отправляться в плавание с Туром Хейердалом?

Итальянец Карло Маури вытащил почтовую открытку с изображением океанского лайнера.

— Будущий «Ра-1222»! — закричал он, размахивая открыткой.

Марокканец Мадани Аит Оухани и японец Кей О Хара были «новичками» — в плавании «Ра-1» они не участвовали. С добродушной усмешкой, но с некоторой настороженностью они прислушивались к нашим шуткам о том, что экспедиция, кажется, терпит неудачу и что нам придется вновь сесть за чертёжные доски.

Карло был нашим фотографом, а Кей — кинооператором. До экспедиции Кей за всю свою жизнь провел на воде меньше одного часа — и то на пароме в Токийском заливе. Но он стал заправским матросом, пройдя на нашем судне самую суровую в мире морскую школу.

У Мадани было задание собирать образцы плавающих по океану обломков, встречавшихся нам и в первую экспедицию. Было досадно, что во время нашего одинокого странствования по этому бесконечному водному простору мы почти повсюду встречали мусор и отбросы. Мы сделали неприятное открытие: на всем пути от Африки до Америки нам не переставали попадаться сгустки затвердевшей нефти; их, вероятно, можно было бы найти также и в северной части Атлантического океана. Чаще всего они были не больше земляного ореха, но попадались и поросшие ракушками куски величиной с мяч. Мы регистрировали наши находки и по окончании экспедиции передали образцы для анализа в Организацию Объединенных Наций, надеясь, что этот международный орган примет меры против дальнейшего загрязнения морей.

Морские обитатели ничуть не боялись нашего маленького мирного суденышка, с трудом пробиравшегося по океану. Часто, работая на мачте, я наблюдал, как стая чаек сопровождала нас, паря на восходящих потоках воздуха, постоянно вихрившихся над парусом. Вблизи островов маленькие птички прилетали к нам — поклевать зерна и попить воды, которые мы держали на палубе для нашей утки. Иногда они усаживались на качающуюся рею и смотрели, как мы работаем. Однажды под вечер два дельфина — серых со спины и светло-голубых на брюхе — пронеслись мимо, подстроились к нам в кильватер, а затем резко свернули к борту, подплыли под нос, вынырнули с другой стороны и, показавшись еще раз на поверхности воды, исчезли. По сравнению с нашей неуклюжей посудой, они были ловкими, изящными и быстрыми.

Океан кишел живыми существами. Чтобы проверить дно, каждые несколько дней кто-нибудь из нас, обвязавшись канатом вокруг пояса и вооружившись

Ра-2

це концов, перетирали их. Строили его специалисты из Республики Чад; на таких лодках и сейчас ходят чадские рыбаки.

Корпус «Ра-2» был построен в Марокко индейцами племени аймара, специально для этого привезенными из Боливии. Конструкция аймаров была более прочной. Надстройку на «Ра-2» устанавливала сама команда, пользуясь рисунками четырехтысячелетней давности, найденными на внутренних стенах египетских пирамид.

В мире существует много разнообразных конструкций тростниковых судов, но из всех них только лодки аймаров, несмотря на то, что они предназначены исключительно для озер, конструктивно достаточно прочны, чтобы выдерживать океанское плавание. Вероятно, немало всевозможных судов, преднамеренно или случайно, устремлялись в разные времена от берегов Африки к Новому Свету, но только тростниковые сооружения подобной конструкции выносили суровые условия плавания.

Набрав к концу дня силы, ветер с берега повернул на северо-восток и понес нас к выступающему

шноркелем и маской, спускался под воду. Призрачный, полупрозрачный планктон кругами расходился впереди. Всю дорогу нас сопровождали стаи помпано. К концу плавания мы обнаружили, что к бортам присосалось около пятидесяти рыб-пилотов.

Джордж однажды видел косяк бонито настолько плотный, что в том месте вода, казалось, кипела от рыбы. Часто, спасаясь от дельфинов, из воды выскакивали стаи летучих рыб. Встретилось несколько китов, частыми гостями были акулы, тогда как в первое путешествие они стали попадаться только к самому концу.

Жизнь была повсюду, но и смерть была всегда рядом. Раз перед заходом солнца мы с Карло стояли на рулевой вахте и разговаривали. Вдруг он замолчал. Красивая черно-белая крачка, испуганно хлопая крыльями, упала в воду. Она умирала. «Смерть пришла», — прошептал Карло. Несколько тягостных мгновений пушистый комочек еще отбивался от невидимого противника, затем его понесло за корму, и вскоре он исчез.

Для защиты от брызг мы, по предложению Юрия, разрезали наш запасной гротовый парус на длинные метровые полосы и закрепили их над бортами. Теперь нас не так свирепо окатывали волны, так как брезент принимал на себя их первые удары.

Здесь, посреди океана, ветер и течение были более устойчивыми, но и более сильными, и хотя высота волн увеличилась, наш суточный километраж возрастал, что, несмотря на плохую погоду, придавало нам бодрости.

Как-то после полудня Карло расположился на носу, забросив удочку, — ему казалось, что с носа рыба ловится лучше всего. Вдруг нос судна начал задираться вверх, а перед ним разверзлась зияющая пустота, настолько глубокая, что Карло, как и всякий горный житель, уважающий высоту, решил опасным и безрассудным оставаться у края пропасти. Тур стоял у левого румпеля, правый был закреплен. «Ра-2» стал забираться на гребень наступающей волны, пока не оказался высоко над пенящимся со всех сторон морем. Затем его колыхнуло назад и вниз, а вал устремился вперед, оставляя позади себя вихрь бешено бурлящей воды.

Это была гигантская волна, возникшая от того, что гребень одной волны догнал и схлестнулся с гребнем другой, и две волны слились в один чудовищный вал. Было отрадно убедиться, как хорошо «Ра-2» справился с этим чудовищем. Оказывается, мы построили неплохой корабль.

Прошли минуты, и «Ра-2» снова оказался в пропасти, но ненадолго. Он стал карабкаться на следующую огромную волну. «Ра-2» поднимался и поднимался, все выше и выше. Тур не отрывал глаз от компаса, он был готов исправить опасное отклонение от курса, когда мы поползли вниз по крутому обрыву. В это время я был в каюте — наносил на карту наши координаты. Я прекратил работу и ждал. Когда мы начали забираться вверх, в каюте посветлело, мы были высоко над поверхностью воды, и сквозь папирус в каюту пробивался яркий солнечный свет. Я слышал, как шипит и бушует вода у носа судна, набирающего скорость. Мы приблизились к гребню, и волна разбилась. «Ра-2» дернулся. Послышался глухой тяжелый удар, как будто какой-то великан ударил по корме. «Ра-2» бессильно качался в дико кипящей воде. Никто ничего не предпринимал. Все ждали. Я знал, что корабль поврежден, даже знал, что именно было повреждено, но верить этому не хотелось. Затем Тур закричал:

— Сломался руль! Все на палубу!

Лопасть левого кормила болталась на веревках, расщепившийся ствол покачивался в воде, напоминающая огромную сломанную кость. Тур пытался править правым кормилом, но оно не могло удержать судно, и наш «Ра-2» все время отклонялся вправо; парус трепало в такт громоподобным ударам тросов. Мы выбросили плавучий якорь и вывернули рею налево, чтобы поставить судно носом к волне. Ничего не помогало. Якорный канат заело, мы вытащили его и вытравили снова. Волны били в правый борт, срывая защитный брезентовый пластырь.

Мы вдвое зарифили парус и только тогда смогли повернуть его так, чтобы поставить нос «Ра-2» по

ветру. Затем мы вытащили на борт сломанную лопасть и ствол кормила и привязали их к поручням. Больше делать было нечего. Мы не сводили глаз с обломков. Ствол напоминал телеграфный столб, сбитый промчавшимся грузовиком.

Постепенно шок прошел. Мы проплыли 3460 км, предстояло еще 2600 км. Что нам готовит океан? Если бы у нас и было чем, то как скрепить наш «телеграфный столб»? Каждые несколько минут нас заворачивало вправо, парус стучал, мачта сотрясалась, каскады воды шквалом обрушивались на судно. На корме приходилось стоять по бедра в пенящейся воде, пока «Ра-2» поднимался на поверхность, и с каждым валом он поднимался все с большим и большим трудом. Тонны морской воды скатывались с его бортов. Наконец, сработал плавучий якорь, корма медленно повернулась по ветру, и мы потащились вперед. Как наладить управление? Сколько воды может впитать папирус? Есть ли предел его плавучести? Неужели пришел конец плаванию? Неужели опять неудача?

И тут к нашему удивлению Карло, как ни в чем не бывало, забросил удочку. Солнце садилось, мы продрогли и от отчаяния оцепенели. Но никак не хотели признать поражение.

Я дрожал от холода.

— Что на ужин? — спросил я.

Никто не шевельнулся. Наконец, Сантьяго сказал:

— Сегодня поужинаем хлебом с сыром.

Внезапно меня охватил гнев, и я воскликнул:

— К черту! Сегодня у нас будет настоящий обед!

— Зачем? Можно обойтись и сыром. Сегодня этого вполне достаточно...

— Если никто не хочет, то я сам приготовлю еду! — сказал я и бросился в камбуз. Мне мерещился горячий суп и злила возможность поражения. Приводила в бешенство перспектива день за днем ловить рыбу в ожидании спасения. И каждый день есть хлеб да сыр.

Джордж спустился в камбуз раньше меня.

— Ладно. Я приготовлю чего-нибудь.

— Горячее! — потребовал я.

— Хорошо, горячее.

Карло радостно вскрикнул: он поймал золотую макрель. Юрий вытер нож и начал разделять добычу, а мы, вытянув шеи, следили за его руками. Рыба, к сожалению, попала маленькая, ее едва хватит на восемь голодных мужчин.

Через некоторое время мучительно вкусный аромат донесся из камбуза, а еще через полчаса Джордж позвал всех к ужину. Нас ожидало настоящее чудо! Горячая уха. Рыбный салат с маслинами и луком. Поджаренная рыба, хрустящая кожа и даже косточки — все было бесподобно. И вино, хотя и красное, а не белое, было великолепно. В восторге, мы осыпали Джорджа комплиментами. Он сослужил огромную службу экипажу «Ра-2».

Стемнело, мы выставили вахту и улеглись. Впервые за все время сон не шел ко мне. Мэри-Энн и дети не покидали меня всю ночь.

С первыми лучами солнца мы были на ногах и принялись за работу.

Тур сделал картонную модель сломанной лопасти. Мы положили ее на палубу и стали прикидывать, что можно сделать. Материала у нас было очень мало. Каждые несколько минут судно становилось боком к волнам, вздрагивало и раскачивалось под ударами обрушивавшихся на него волн. Я настраивал приемник, с общего согласия

послал в эфир наши координаты и сообщил о положении вещей — сухо и точно, не заикаясь о помощи. Когда я переключился на прием, наши друзья-радиолюбители, не покидавшие нас в течение всего плавания, понимая действительное положение вещей, отвечали спокойно, без паники. Некоторые операторы установили круглосуточную вахту на нашей волне. Я поблагодарил их и отключился, убрал снаряжение и присоединился к работающим.

Скрепить ствол и лопасть было невозможно. Мы сняли лопасть. Гладко зачистив одну сторону верхнего конца ствола, мы привязали к нему тиковую лопасть. Получилось сооружение в два раза короче, чем до поломки. Лопасть была погружена в воду, но румпель пришлось вставить задом наперед, иначе он задевал рулевую площадку. Но он выступал так

далеко назад, что его нужно было двигать длинным бамбуковым шестом с одной стороны и шкивом с веревкой с другой. Петля троса проходила на уровне колен рулевого, который натягивал его ногой. Одновременно, стоя на одной ноге, он должен был держать правый румпель обеими руками. Это было чрезвычайно трудно, но еще сложнее была координация всех движений. И тем не менее система работала исправно.

Послушный двум кормилам, «Ра-2» снова лег на курс. Мы выбрали якорь. Освободившись от этого бремени, наше папирусное судно, подняв корму и слив с нее воду, легко заскользило вперед.

Но на этом наши несчастья не кончились. На самом деле, мы еще не испили и половины той горькой чаши, которую нам уготовил океан.

Впитывая воду, «Ра-2» все больше погружался, теряя плавучесть, — теперь почти весь борт ушел под воду, и мы из-за этого не просыхали. Малейший порез не заживал. Боль от попавшей в рану соленой воды делала каждое движение пыткой. Сухая пища, закрытая в керамической посуде, сохранялась хорошо, копченое мясо, подвешенное под потолком каюты, также оставалось пригодным к еде, но часть бутылей с питьевой водой разбилась, а из других во время потопы выскочили пробки, и оставшаяся вода приобрела противно соленый вкус. Управлять становилось все труднее. Погода ухудшалась. Мы снова сшили и закрепили порванный брезент вдоль фальшборта. Но с каждой новой починкой он становился все слабее и рвался быстрее. Часы работы все удлинялись, рабочая нагрузка на команду значительно увеличивалась. Небольшие порции теплой солоноватой воды не утоляли жажды, преследовавшей нас весь остаток пути.

Дальше на запад участились шквалы, ветер резко менял направление каждые несколько минут. По сравнению с «Ра-1», плыть на «Ра-2», особенно с поврежденным оборудованием, было все равно, что скакать на зайце. Мы часто теряли управление и проводили часы в борьбе с якорем, гротом и покаленным кормилом, стараясь направить корабль по курсу. Ночи сливались с днями, суббота и воскресенье не имели никакого значения.

Восемь человек из восьми стран. Восемь национальностей и восемь разных языков. Люди, различные по своему социальному происхождению, вероисповеданию, политическим взглядам. Были ли разногласия? Безусловно. Споры? Да! А примирения? Всегда. В отличие от обычных условий, здесь нельзя было уйти с глаз долой, затаив в душе обиду. Здесь некуда было уходить. Самый отдаленный пункт — это верхушка мачты. Забравшись туда, оглядевшись вокруг и увидев безбрежные просторы океана с одиноко плывущим нашим островком, человек мог сделать только одно — спуститься, подойти к своему противнику и с радостью пожать ему руку, забыв о всяких разногласиях.

Наконец, в один прекрасный день показалась Америка. На западе море и небо вдруг разделила выступающая из океанского марева тоненькая полоска земли, которая все увеличивалась и с каждой минутой становилась все реальнее. Мы по-новому остро и взволнованно вдыхали доносившиеся до нас запахи трав, деревьев и вспаханной земли. В тот же день показался Бриджтаун на Барбадосе. Нас приветствовали корабли, лодки, самолеты. А мы от радости барабанили кулаками в изношенный парус.

Теперь, когда чудовищное напряжение спало, «Ра-2», почти погруженный до бортов в воду, казалось тяжело вздыхал, как бы пытаясь выпрямиться и подтянуть свои провисшие, когда-то туго натянутые канаты. Восемь бородатых мужчин, огрубевших и измотанных морем, дали волю охватившим их эмоциям. Такого бурного проявления чувств мне еще не приходилось видеть. За время путешествия мы все — каждый по-своему — выросли и возмужали от совместно перенесенных трудностей и пережитых опасностей.

Мы были у цели, мы доплыли, мы все преодолели собственными силами. Выплыв из тысячелетий, мы доказали, что выносливые мореходы древнего Средиземноморья действительно могли совершить такое же путешествие и привезти из своей страны рассказы о каменных городах, календари и ткани, письменные знаки, закреплявшие сказанное на бумаге, лекарские чудеса и бога солнца Ра. ■

Фото Карла Пэрселла

ВСЯ СЕМЬЯ В СБОРЕ

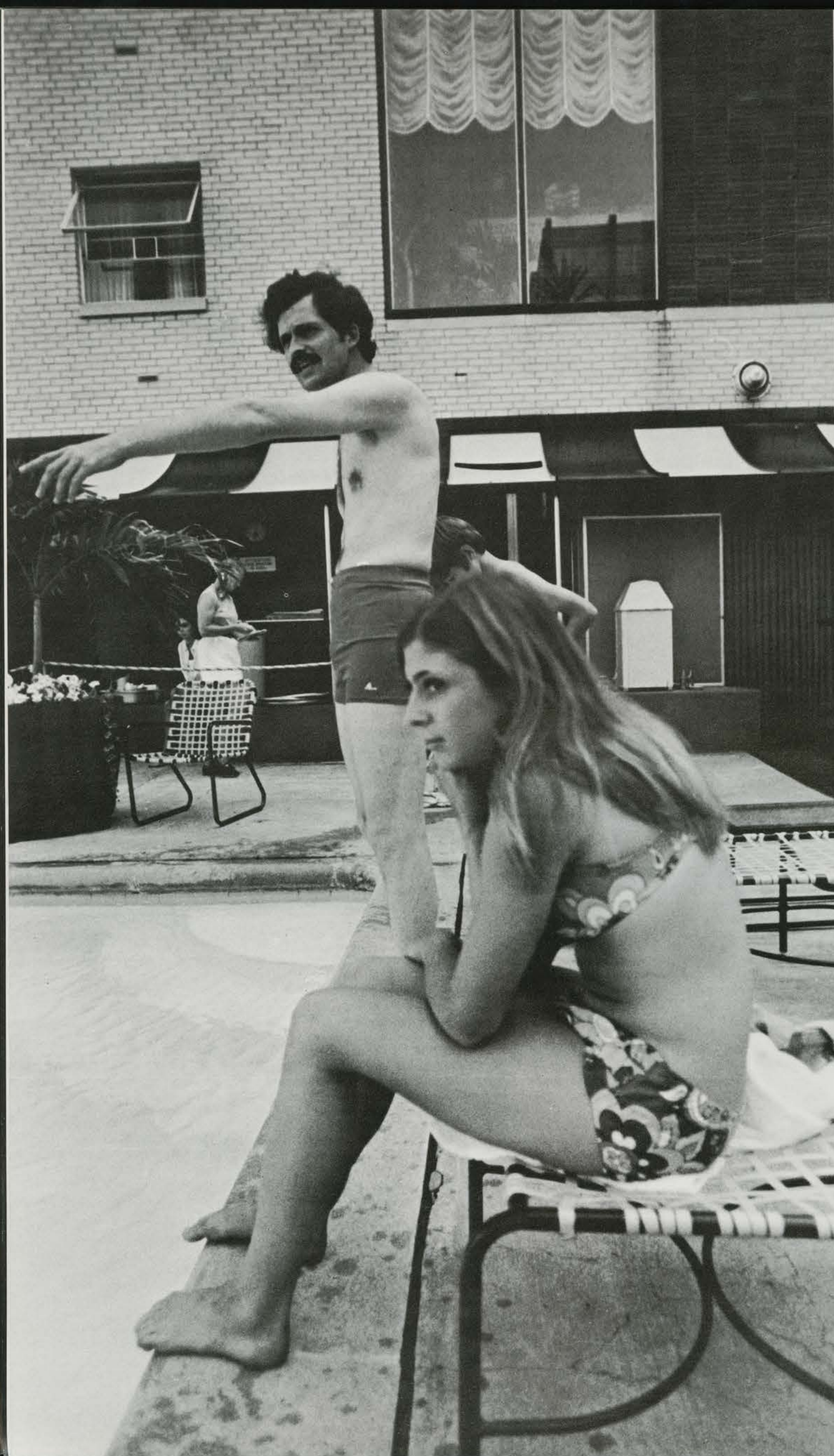
По мнению некоторых социологов, в наши дни рушатся старые семейные устои. Однако подобного никак нельзя сказать о семье Зонненшейнов из Сент-Луиса (Миссури), хотя многие из них живут в разных концах страны. Члены этой дружной американской семьи венгерского происхождения сохраняют теплые и близкие отношения между собой и тем самым поддерживают лучшие семейные традиции американских иммигрантов, которые сплоченными усилиями строили новую жизнь в чужой стране. История семьи начинается в Будапеште, где в 1888 году Луис Зонненшейн женился на Лауре Вейс (фото сверху). И вот

летом прошлого года в Сент-Луисе состоялся первый «семейный съезд», на который собрались представители четырех поколений — всего 64 человека (фото внизу). На самолетах, автомобилях и мотоциклах они приехали туда из разных городов, включая далекий Лос-Анжелес и Вашингтон. Среди них можно было увидеть людей самых различных профес-

сий — журналиста, официанта, шофера такси, пожарного, агента по продаже недвижимого имущества, врача, служашего Департамента здравоохранения, профсоюзного деятеля и т. п. Не менее разнообразны и их религиозные убеждения: тут были и католики, и евреи, и протестанты различных исповеданий, и просто люди неверующие.

Луис Зонненшейн женился на Лауре Вейс в Будапеште в 1888 году. Они переехали в Америку и позже поселились в Сент-Луисе. Прошлым летом их потомки собрались на семейный съезд (внизу).

это событие в следующих словах:

«Зонненшейны — и местные и приезжие — отправились осматривать город. На сент-луисском стадионе они восторженно приветствовали победу местной бейсбольной команды над филаделфийцами, пили пиво, поглощали неимоверное количество жареных цыплят. Они побывали в зоопарке, ездили там на миниатюрном поезде, ели сладости, потешались веселыми проделками шимпанзе. В вос-

Отдых у воды. Вверху: Луис Зонненшейн в 1905 году; слева: его внук Мартин Макинтайр со своей племянницей на семейном съезде в 1970 году.

кресенье они зафрахтовали автобус и совершили экскурсию по городским паркам и по берегу Миссисипи. Затем они отправились в увеселительную поездку по реке. На пароходе показывали старомодную пьесу, во время которой Зонненшейны горячо приветствовали героя и освистывали злодея.

«Но главным событием этого семейного съезда был пикник, устроенный в Шоу-парке. На этом грандиозном пикнике было изобилие еды и холодного пива. Несколько Зонненшейнов нарядились клоунами. Дядя Тед показывал фокусы — доставал монеты из-за ушей удивленных племянниц и вынимал из пустой шляпы длинные связки пластмассовых сосисок. Этим пикником, который наверняка запомнится надолго, семья и отметила день, когда Луис и Лаура Зонненшейн в 1904 году приехали в Сент-Луис на выставку, устроенную в честь юбилея

Зонненшейны провели в Сент-Луисе три дня. Слева направо, сверху вниз: на автобусе они всей семьей ездили осматривать город, ходили на бейсбольный матч, веселились на пикнике, знакомились друг с другом и смотрели пьесу на пароходе во время экскурсии по Миссисипи.

приобретения Луизианской территории. Город им очень понравился, и они решили там поселиться навсегда.

«Семейный съезд Зонненшейнов не обошелся без некоторой сентиментальности. Для семьи он стал своеобразным «днем благодарности» стране, которая так много им дала. Они не только хорошо про-

Несколько членов семьи отправились посмотреть на свой старый дом (справа) и сфотографировались перед ним (слева сверху). Вверху: семейный портрет, 1906 год. Слева: представители двух поколений Зонненшейнов — старший член семьи Регина Зонненшейн-Глазер держит на руках самого младшего члена Патрицию Элен Стефанишин.

вели время, посмеялись старым шуткам и вспомнили детство; эта встреча способствовала укреплению семейных связей и дружеских отношений. Многие из приехавших встретились здесь впервые и были удивлены и даже немного смущены тем, что их объединяет одна общая семейная черта: почти у всех большие карие глаза. Между многими двоюродными и троюродными братьями обнаружилось поразительное сходство. Вашингтонские гости, раньше жившие в Сент-Луисе, съездили посмотреть на свой старый дом. Их интересовало, произошли ли там какие-нибудь перемены. Но дом выглядел по-прежнему. Одна из родственниц узнала дерево, с которого она в детстве упала — и сломала себе руку. Другие вспомнили, как в дождливые дни они катались на роликах в гараже. Много воспоминаний вызвали качели, все еще висевшие на веранде, где семья проводила летние вечера.

«Этот съезд навсегда останется в памяти семьи. Луис и Лаура Зонненшейн избрали Америку своей страной, здесь они строили свою жизнь и вырастили детей. В материальном отношении они почти ничего не могли завещать детям. Но зато их потомки унаследовали нечто, гораздо более ценное: крепкое здоровье и право жить в стране неограниченных возможностей».

ВЗГЛЯД НА ЧЕЛОВЕКА

ЛОУРЕНС ЛЕССИНГ

Лоуренс Лессинг состоит
в редакционной коллегии журнала «Форчун»

В области социальных наук уже давно делаются попытки определить основные законы поведения человека. Но лишь лет двадцать тому назад в результате более объективных исследований появился новый термин «бихевиоральные» (или поведенческие) науки. Путем тщательного изучения исследователи надеются настолько освоить эти дисциплины, что будут в состоянии почти безошибочно предсказывать поведение человека и, возможно, изменять и улучшать его. В наши дни бихевиоральный подход стал органической частью социальных наук. Все больше и больше он сказывается на мышлении и действиях работников государственного аппарата, частной промышленности и народного образования, и даже рядовые люди рассматривают себя с этой точки зрения.

Хотя до сих пор нет четкого определения того, что мы называем «поведением», это слово стало ключевым и в какой-то мере даже социальным явлением. В трех последних докладах в этой области — наиболее исчерпывающий из них был подготовлен Национальной Академией наук и Советом по исследованиям в области социальных наук — американские ученые призывают к более интенсивному развитию и использованию этих сравнительно молодых наук для разрешения современных неотложных проблем. Непосредственной причиной того является наше трудное время, полное глубоких социально-бихевиоральных проблем, достигших устрашающих размеров и головоломной сложности. Проблемы эти, кроме всего прочего, совершенно невозможно разрешить теми испытанными способами и методами, пользуясь которыми человечество до сих пор существовало и даже совершенствовалось. Таким образом, ученые призывают уделять как можно больше внимания тем рациональным методам исследования, экспериментирования и открытий, благодаря которым человечество — в физическом плане — достигло современного уровня цивилизации.

В области социально-поведенческих наук уже давно наблюдаются серьезные сдвиги. Эти науки значительно развились со времен Второй мировой войны. Количество социологов в США, увеличившееся за последние 25 лет почти в четыре раза, сейчас превышает сто тысяч. Кроме того, за последние годы число студентов, изучающих социально-бихевиоральные науки, значительно возросло за счет студентов физико-математических факультетов, и, по всей вероятности, такая тенденция будет продолжаться. Государственные ассигнования на исследования и развитие в области бихевиоральных наук также резко увеличились, хотя они все еще значительно уступают ассигнованиям на физические науки.

Изменения в удельном весе некоторых социальных наук ясно видны из сравнения первой «Энциклопедии социальных наук», вышедшей в 1930—35 годах, и заново составленной 17-томной «Международной энциклопедии социальных наук», вышедшей в 1968 году. Первую редактировали два экономиста, и в ней, главным образом, отразились тяжелые экономические проблемы времен депрессии. В редакционную коллегию второй, возглавленную Дэвидом Л. Силлсом, вошли представители целого ряда специальностей. Последняя энциклопедия отражает все разнообразие эмпирических и бихевиоральных течений наших дней.

Кроме пяти основных дисциплин — психологии, антропологии, экономики, политической науки и социологии, — социальные науки включают также все социальные и поведенческие аспекты географии, истории, юриспруденции, лингвистики, психиатрии и статистики. Социальные науки занимаются теперь изучением таких предметов, как генетика поведения, развитие детей, групповая динамика, память и процесс учения, теория игры и принятия реше-

Переведено из журнала «Форчун». Авт. права: изд-ва «Тайм», 1969 г.

ний, моделирование и анализ систем, терапия поведения, расовая напряженность и предрассудки, перенаселенность, агрессивность, насилие и международные конфликты. Таков далеко неполный перечень проблем, изучению которых, по мнению многих специалистов, посвящает себя новая «наука о человеке».

НО НАУКА ЛИ ЭТО?

Ученые, исследующие поведение, надеются, что в конце концов их труды приведут к улучшению человеческого поведения и социального устройства. Но лучшие из них не рассчитывают быстро и без особого труда добиться желаемых результатов, зная обилие проблем в современных знаниях и понимая всю сложность проблем. Многие даже не уверены, являются ли социальные науки науками в полном смысле слова, то есть совокупностью точных, упорядоченных знаний, применимых не только к отдельным социальным группам, государственным строям или идеологиям, но к человеческому поведению вообще. Пока что в этой области было установлено очень немного законов, столь же непреложно действительных, как законы физики. Однако было собрано большое количество сведений, добытых эмпирическим путем.

Эти сведения охватывают такие области, как поведение в ранней стадии развития, семья, небольшие группы людей, учреждения, социальная структура общества и наблюдающиеся в нем конфликты и, наконец, культура, как таковая. Часто изыскания подтверждают общеизвестные истины — например, что родители склонны воспитывать своих детей так же, как воспитывали их самих, — но иногда выводы противоречат общепринятым представлениям. Так, например, изучение поведения детей самого раннего возраста опровергло укоренившееся мнение, что младенчество представляет собой спокойный период жизни, лишенный интересных событий. Оказалось, что оно является критическим периодом в развитии личности. Во время Второй мировой войны было принято считать, что у более образованных военнослужащих чаще наблюдается склонность к психоневротическим расстройствам, чем у менее образованных. Изучение архивов показало, однако, что в действительности было как раз наоборот. Таким образом, многие исследования в начале развития поведенческих наук — подобно тому, как это было в начале изучения материи, живой клетки или Вселенной — направлены на опровержение твердо укоренившихся ошибочных представлений. В этом отношении различные бихевиоральные науки находятся на разных ступенях развития.

Самой передовой, в смысле методики, является экономика. Отказавшись от представления, будто цикл бума и упадка является непреложным законом экономики, наука дала нам возможность, пусть весьма ограниченную, предотвращать или уменьшать экономические депрессии. Признание нового положения, занимаемого теперь экономикой в ряду прочих наук, подтверждает тот факт, что не так давно была учреждена Нобелевская премия по экономике. Впервые ее присудили в 1969 году норвежцу Рагнару Фришу и голландцу Яну Тинбергену за создание эконометрики, то есть математического моделирования экономических систем, дающего возможность более точного анализа и контроля экономики. В 1970 году за работы по теории экономики премию получил доктор Поль Самюэлсон, профессор Массачусетского технологического института и автор чрезвычайно распространенного учебника «Экономика. Вступительный анализ».

ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ

Другие бихевиоральные науки также претендуют на более широкое признание. Однако для нахождения действительно значимых социальных показателей следует сделать еще очень много. Кроме того, специалистам в различных областях социальных наук гораздо труднее составить удовлетворяющую всех и могущую быть принятой программу, чем экономистам, до известной степени людям значительно более единомыслящим.

Результаты исследования поведения получают общее признание только после медленного процесса проникновения в сознание масс или же после коренной ломки существующего положения. Так, например, плану Президента Никсона об обеспечении определенного уровня дохода «трудящимся беднякам» предшествовало десятилетнее исследование, установившее несостоятельность системы пособий, способствующей продолжению бедности, особенно в трущобных районах больших городов. Подобным же образом, путем целого ряда исследований в области поведения, подкрепленных неопровержимыми данными, было установлено, что существующая пенитенциарная система во многом способствует развитию преступности.

МАТЕРИЯ ВМЕСТО СОЗНАНИЯ

Центральным предметом изучения бихевиоральных наук является, конечно, человеческая природа, всецело относящаяся к области психологии. В этой области и началось впервые бихевиоральное брожение, вылившееся в то, что получило название «американской революции в психологии». Как это чаще всего бывает, она началась с неразберихи и впоследствии оторвалась от некоторых своих ранних и особенно ревностных деятелей. Сущность этой революции заключалась в отрицании общепринятого понятия о психике как о невещественном элементе, доступном познанию главным об-

НОВОЕ
БИХЕВИОРАЛЬНОЕ
ТЕЧЕНИЕ,
ОХВАТИВШЕЕ
СОЦИАЛЬНЫЕ
НАУКИ, МЕНЯЕТ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА
О САМОМ СЕБЕ
И О ТОМ, ЧТО
МОЖНО СДЕЛАТЬ
ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ
ОБЩЕСТВА

разом (или даже исключительно) через «внутреннее зрение». Такое понимание психики привело старейшие европейские школы к нагромождению противоречивых теорий, словесных абстракций и недоказуемых гипотез. Ранние бихевиористы заменили его физическим (подразумевающим весь организм) понятием, доступным подробному изучению, опыту и измерению.

Это прагматическое стремление считать психику физическим понятием появилось в американской психологии довольно давно. Уже в 1904 году американский философ Уильям Джемс писал следующее: «Выражение «течение мысли» есть только небрежное обозначение того, что при ближайшем рассмотрении, оказывается, главным образом, течением дыхания». Джон Б. Уотсон, преданный своему делу специалист по психологии животных, которого сейчас почти все отвергли и забыли, объединил все эти идеи в единую систему и выдвинул в 1913 году свою теорию «бихевиоризма». Чтобы отмежеваться от других школ и в отличие от остальных наук до предела сузить рамки исследуемого предмета, он заявил, что бихевиоризм исключает сознание, представления и прочие умственные явления и всецело сосредоточивается на изучении раздражителей и ответных реакций организма. Согласно этой теории, мышление человека отождествлялось с работой голосовых мышц. Уотсон надеялся, что, начав с изучения простейших элементов поведения низших животных, ученые, следуя эволюционному развитию, дойдут постепенно и до человека. Хотя большинство подобных утверждений вскоре было отвергнуто, как эксцентричные или просто нелепые (причем многие из этих гипотез даже не могли претендовать на оригинальность), Уотсон был все-таки первым исследователем, выдвинувшим положение о том, что психология должна, главным образом, изучать поведение.

НАГРАДА ИЛИ НАКАЗАНИЕ?

В науке нередко случается, что ошибочная теория вызывает исследования, приводящие к ценным результатам. Изучение поведения продолжалось во все расширяющемся масштабе, несмотря на непрекращающиеся разногласия. Почти прямым последователем Уотсона стал гарвардский профессор психологии Буррус Ф. Скиннер. Его знаменитые исследования ответных реакций, которые он проводил при «программированном обучении» голубей и крыс, привели к открытию нового весьма действенного способа обучения и влияния на поведение. Пользуясь этим способом, он научил животных изумительно сложным формам поведения и доказал, что этот способ может быть очень полезен при обучении людей.

«Программированное обучение» отличается от классических павловских опытов (слюноотделение у собаки при звуке колокола, ранее совпадавшем с кормлением) тем, что при нем животное приучается и побуждается действовать самостоятельно в надежде на награду (крыса нажимает на рычаг для получения еды).

Конечно, принцип вознаграждения за желательное поведение известен уже давно, но детальное его изучение открывает новые подробности и новые возможности применения. Вознаграждение может быть вещественным, а может заключаться только в слове, знаке одобрения или в чувстве удовлетворения от своего достижения. Желательное поведение усваивается лучше, если поощрение оказывается время от времени, а не регулярно за каждое проявление активной реакции. Наказание за ошибки при обучении (как, например, розги) является лишь отрицательным побуждением; оно только научает избегать нежелательных поступков до тех пор, пока существует наказание, но не заменяет их положительными формами поведения. Как только наказание отменяется, прежнее нежелательное поведение сразу же восстанавливается. Наказание за невыполнение чего-нибудь — например, урока — еще более негативно, ибо оно может вызвать такие эмоциональные побочные явления, как агрессивность, неповиновение или просто отказ от учения.

Скиннер, в отличие от большинства своих коллег, активно интересуется практическим применением сделанных им открытий на пользу человечеству. Он сконструировал и запатентовал обучающие машины, действующие согласно его системе постепенного обучения по принципу вознаграждения, на котором построено программированное обучение. Он также придумал способ привлечь детей к изучению письма при помощи специальных тетрадок, невидимых чернил и особых карандашей. Кроме того, он применил свой способ в программированном индивидуальном обучении при помощи электронно-вычислительной машины. Поначалу медленно развивавшиеся (из-за трудности подбора материалов) экспериментальные программы обучения при помощи обучающих и электронно-вычислительных машин дают теперь весьма удовлетворительные результаты в школах и университетах. Таким способом у учащихся развиваются не только элементарные навыки в языках и математике, но и более сложные, требующие комбинаций процессы в логике, статистике и теории экономической игры.

Скиннер, хотя и с большими трудностями, разрабатывал свои эффективные способы и в другом направлении, а именно для исправления и изменения нежелательных форм поведения. Около десяти лет тому назад Скиннер начал экспериментальное лечение умственно отсталых пациентов Массачусетского штатного госпиталя

по принципу вознаграждения лакомствами, сигаретами и тому подобным за всякое достижение в приближении к нормальному поведению (за первое внятное произнесенное слово, за аккуратность в одежде и т. д.). Этот эксперимент дал удивительно быстрые и многообещающие результаты и в то же время встретил оппозицию со стороны ортодоксальных психиатров, отрицающих возможность долгосрочного действия такого метода, поскольку, по их мнению, он не затрагивает глубоких психических причин заболевания. Тем не менее, сейчас около 50 домов для умалишенных проводят подобные программы терапии поведения, усовершенствованные специалистами так, что за каждый шаг на пути к нормализации поведения пациенты получают талоны, за которые могут «купить» себе разные удовольствия. Не так давно эта система заслуживания удовольствий стала применяться в школах для недоразвитых детей и в исправительных заведениях для малолетних преступников. Им буквально «платят» за учение, в результате чего поведение и успехи учащихся быстро улучшаются и значительно превосходят достижения обычных увещательных-карательных методов.

ПОВЕДЕНИЕ И БИОЛОГИЯ

Итак, в науке часто случается, что такие банальные открытия, как то, что крысу можно научить нажимать на рычаг, могут иметь широкие и глубокие последствия. Недавно психолог Нил Э. Миллер с группой сотрудников Рокфеллерского университета объявил о сделанном им открытии, которое значительно расширило возможности программированного обучения. В длинной серии безупречно поставленных опытов они доказали, что при помощи вознаграждения и поощрения можно «научить» крыс, кошек и собак повышать и понижать частоту пульса, кровяное давление, деятельность почек и даже приток крови к правому или левому уху. Это опрокинуло все прежние представления психологии, согласно которым такие низшие функции регулировались вегетативной нервной системой и не подлежали произвольному изменению.

Вскоре подтвердилось, что открытие Миллера приложимо и к человеку. Уже через месяц сотрудники медицинского факультета Гарвардского университета сообщили, что студенты, вызвавшиеся участвовать в эксперименте, очень быстро научились произвольно повышать и понижать свое кровяное давление. Сейчас ведутся клинические испытания этого метода с целью построить на нем новую технику борьбы с гипертонией и другими заболеваниями и расстройствами, связанными с нервной системой.

Дальнейшие опыты показали, что таким способом можно воздействовать не только на деятельность внутренних органов, но и на функции желез внутренней секреции, влияющих на настроение и эмоциональное состояние человека. Возможно, что этот путь приведет к более эффективному лечению психосоматических заболеваний и к существенным изменениям в поведении людей. Некоторые специалисты по изучению поведения видят в этих достижениях, равно как и в дальнейшем усовершенствовании основных форм эффективного программированного обучения, широкие перспективы в совершенно новых, еще не изученных направлениях.

В течение последних десяти лет изучение поведения животных, проводившееся в разных направлениях, еще больше подтвердило связь между поведением и его биологической основой и происхождением. Исследование развития позвоночных в эмбриональных стадиях, при рождении и в течение первых месяцев или первых лет жизни, установило наличие критических периодов развития нервной организации и усвоения поведенческих навыков (то есть инстинктивных и усвоенных приспособительных реакций на среду), которые сказываются на всем последующем поведении.

ДАВЛЕНИЕ СРЕДЫ

Пределы роста и развития ограничены генетической наследственностью, но невозможно точно предвидеть эти пределы, поскольку в ранней стадии развития человеческий организм очень эластичен. Так, например, установлено, что у детей постоянно ссорящихся родителей бывает задержки в росте, отклонения от нормального поведения и эмоциональные осложнения, происходящие от уменьшения в условиях стресса выработки гормона роста. Если такие дети попадают в спокойную обстановку, они начинают быстро расти. Многочисленные опыты с животными доказывают, что не только сильное недоедание, но и сенсорные лишения оказывают губительное действие на развитие. Чрезвычайно важное открытие в этом отношении сделали в Калифорнийском университете в Беркли Дэвид Креч и Марк Р. Розенцвейг. Они обнаружили значительные химические изменения в мозгу молодых хорошо питаемых крыс, подвергнутых на некоторое время сенсорному голоданию в унылой, нестимулирующей обстановке. Дальнейшие исследования показали, что клетки мозга, подвергшегося таким изменениям, уже не могли образовать нормального молекулярного состава.

«Хотя с научной точки зрения было бы необоснованно вывести из достигнутых нами результатов, что они также распространяются и на людей, — пишет Креч, — я считаю, что с социальной точки зрения было бы преступно предположить, что они не распространяются на людей, и на основании этого предположения не принимать во внимание такую возможность».

ЗАРОДИВШЕЕСЯ
В ПСИХОЛОГИИ
БИХЕВИОРАЛЬНОЕ
БРОЖЕНИЕ
ОКРЕПЛО
И ВЫРОСЛО
В ТИПИЧНО
АМЕРИКАНСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ
МЫСЛИ, ДАВ НОВОЕ
ПОНИМАНИЕ
ЖИЗНИ И ПРОЦЕССА
УЧЕНИЯ ЖИВОТ-
НЫХ И ЛЮДЕЙ

Медицина достигла больших успехов, исходя из таких несовершенных знаний, полученных в опытах с животными, и проверяя их приложимость к человеку. Таким образом, логично предположить, что программа «Подготовка к старту», предназначенная для того, чтобы пробудить в детях из бедных семей интерес к учению, равно как и использование в дальнейшем усовершенствованных способов обучения, не окажут желаемого действия, если ребенок каждый день будет возвращаться в обстановку бедности. Ибо дешевыми средствами нельзя заменить улучшение окружающей среды.

ПОСЛЕДСТВИЯ СКУЧЕННОСТИ

К изучению воздействия лишений на животных относятся также исследования изменений в поведении, вызванных перенаселенностью и скученностью. Джон Калхун провел в Национальном институте душевных заболеваний целую серию опытов с колониями норвежских крыс, которых он содержал в условиях ненормальной скученности. Результаты были поразительно похожи на явления, наблюдаемые в перенаселенных трущобных районах больших городов: прогрессивное повышение агрессии, беспричинное насилие, сексуальная аберрация, нежелание устраивать гнездо, высокая смертность среди новорожденных, задержки в росте, патологические и психопатические заболевания, появляющиеся в связи с большим нервным напряжением. Возникновение таких особенностей поведения четко, даже математически точно определяется количеством особей, занимающих данное пространство. Основываясь на этих и других результатах изучения сообществ животных, антрополог Северо-Западного университета Эдуард Т. Холл занялся изучением частного и общественного использования пространства и потребности в нем, а также различных норм, регулирующих отношение к пространству в разных культурах, встречающихся в городском населении. Этот предмет он назвал «проксемикой».

Ни один вид животных не может переносить постоянного увеличения популяции без того, чтобы это уплотнение не привело к беспорядкам, бедствиям и гибели. Хотя эластичность и приспособляемость человека значительно превышают таковые низших видов животных, современное перемещение, главным образом, сельского населения в запущенные части больших городов по всем признакам соответствует непомерному росту популяций и следующим за ним бедствиям, наблюдаемым среди животных. Несмотря на постоянное усовершенствование средств контроля рождаемости, до сих пор (за исключением совершенно неприемлемого принуждения) еще не найдены общественные мероприятия, которые бы могли способствовать более широкому применению этих средств теми, кто более всего в них нуждается. Также еще не существует приемлемых социальных или политических способов ограничить рост больших городов, если не считать предложения о постройке «новых городов». Оба эти вопроса, лежащие в основе современных социальных проблем всего мира, нуждаются в деятельной помощи со стороны социально-бихевиоральных наук.

РИТУАЛ И АГРЕССИЯ

Много исследований и еще больше общественного внимания было уделено изучению агрессии и насилия у животных с целью использования полученных результатов применительно к людям. Главным специалистом по этому вопросу является австрийский ученый Конрад Лоренц, изучавший поведение собак, волков и серых гусей. Его популярная книга «Об агрессии» привлекла к себе всеобщее внимание и положила начало новой бихевиористической школе. Наблюдения, изложенные в этой книге, сводятся, главным образом, к тому, что агрессия является врожденным инстинктом, генетически заложенной реакцией, необходимой для добычи пропитания, для занятия определенного или даже доминирующего положения в группе себе подобных и для обеспечения и защиты своей территории. Все эти виды агрессии связаны между собой как у человека, так и у животных, но с одной весьма существенной разницей.

Животные убивают только для добычи пропитания и в случае самозащиты, если они доведены до крайности. Они редко убивают себе подобных. В целях сохранения своего вида, они ограничивают свою агрессию «ритуальными» действиями, угрожающими позами и дракой, не доходящей до убийства. Только человек, обладающий исключительными дарами языка и изготовления орудий, нарушает это биологическое ограничение. Последователи Лоренца предупреждают, что, если человечество не вернется на путь обращения своего агрессивного инстинкта в ритуальные или сублимированные формы поведения, то ему при все увеличивающейся смертоносности современного оружия грозит полное истребление.

Многие ученые признают эти исследования полезными, поскольку они раскрывают генетическое происхождение агрессии, — что социальные науки до сих пор игнорировали или отрицали, — но, с другой стороны, считают такой взгляд сильно упрощенным. Причины агрессивности человека различны, и огромную роль тут играет большой и разнообразный компонент усвоенного поведения, сложившегося под влиянием запутанных социальных факторов и условий окружающей среды. Так, например, антропологи указывают на то, что некоторые примитивные племена, равно как и некоторые развитые народы (скажем, швейцарцы и шведы), совершенно

миролюбивы по своему характеру. В индивидуальном плане известно, что дети, которых строго наказывают за агрессивность, становятся более агрессивными, чем дети, которых наказывают не так строго. Насилие порождает насилие. В общественном плане бессмысленная агрессия и насилие часто вызываются подавлениями и разочарованиями, которых не знает животный мир.

Принимая во внимание все эти осложнения, большинство специалистов, изучающих поведение, считают, что проблемы человечества необходимо разрешать на человеческом уровне. Даже новые бихевиористы, опирающиеся на наблюдения над животными, не предлагают никаких других решений, кроме того, чтобы опять развить в себе привычку (прежде бывшую инстинктивной) избегать чрезмерной агрессии в пределах своего вида. Увлечение аналогиями с поведением животных только отвлекает внимание от серьезных задач, состоящих в том, чтобы ослабить атмосферу агрессии. Для этого необходимо пересмотреть систему народного образования, уменьшить прирост населения и перестроить городские условия жизни. Кроме того, надо добиваться более тесного сотрудничества в различных группировках и организациях, а также устранения вносящих в них разлад недоразумений.

«ОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ» ВНУТРИГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Главным новым течением в области личных отношений или «группового поведения» является теоретическое и экспериментальное изучение групповой динамики. Это течение основывается на теориях Курта Левина, родившегося в Германии психолога, принадлежавшего к школе «гештальтпсихологии». Этой доктрине он придал американский бихевиоральный оттенок, утверждая, что поведение является динамической функцией личности и среды. Основным рабочим методом групповой динамики является беседа, во время которой «ведущий» или наблюдатель просит членов маленькой группы с полной откровенностью высказать свои чувства относительно своего собственного поведения и поведения других членов группы. Этот обмен мнениями дает участникам возможность осознать, какое действие их поведение оказывает на других. Основной целью всего комплекса является противодействие увеличивающемуся «обесчеловечению» жизни большого города и крупных организаций путем пробуждения в людях большей чуткости к своему и чужому поведению.

Весьма спорно применение этих теорий к групповой терапии, в которой, под руководством психиатра, группа пациентов пытается преодолеть свои неврозы и психозы путем откровенных и часто резких взаимных высказываний. Идея групповой динамики также привела к пока еще плохо осуществляемой мысли привлечь самих бедняков к участию в составлении социальных программ, проводимых для блага бедных и обездоленных. Разные формы групповой динамики, включая тренировку чуткости, вошли в теорию преподавания и все больше ощутимы в новых подходах к управлению большими фирмами. Одним из таких подходов является система «сотрудничества групп», предложенная Ренсисом Лайкертом, главой Института социальных исследований при Мичиганском университете. По системе Лайкерта, организация должна состоять из групп, связанных между собой тем, что глава одной группы одновременно занимает подчиненное положение в другой группе. Влияние на принимаемые решения возможно как по нисходящей, так и по восходящей линии. Другая подобная система, разработанная Крисом Аргирисом из Йельского университета, предлагает еще более свободную коалицию прошедших тренировку чуткости групп (вместо старой весьма неэластичной системы довольно авторитарной иерархии) для достижения более человеческих отношений между личностью и организацией.

Общее стремление всех этих попыток сводится к демократизации учреждений, к более активному участию сотрудников, к новым нововведениям и к более открытым высказываниям. Авторы новых форм сотрудничества полагают, что практическое применение их принципов в столь различных организациях, как торговые фирмы, учебные заведения, исследовательские лаборатории и государственные учреждения, даст приток новых сил для разрешения существующих проблем.

Все больше людей, занятых практической деятельностью, и все больше специалистов по социальным наукам обращаются к этим новым теориям и течениям за помощью в разрешении повседневных трудностей. Биолог и гуманист Рене Дюбо сравнивает это положение с тем периодом XIX века, когда пришел срок устранить отрицательные последствия первой индустриальной революции, приведшей в плачевное состояние города, не рассчитанные на внезапный приток промышленных рабочих. Тогда видные общественные деятели сплотились, чтобы обеспечить население «чистый воздух, чистую воду и чистые продукты питания»: были изданы первые законы относительно санитарно-гигиенических условий жизни, детского труда и прочих новых проблем; ученые организовали первые исследовательские институты для изучения неотложных проблем. Сейчас, в разгар второй индустриальной революции, нам приходится разрешать более сложные вопросы. Специалисты по изучению поведения подходят к современным проблемам с научным оптимизмом, считая, что их тоже удастся разрешить.

СНОВА ФУРГОНОМ НА ЗАПАД

Фото КУРТА ГУНТЕРА

Следуя примеру первых поселенцев, Рассел Оливер, его жена Джин и четверо их детей под стук лошадиных копыт и скрип колес отправились на Запад, навстречу новой жизни.

Оливер — строительный рабочий из Охайо. Там у него были

друзья, с которыми он обсуждал эту поездку в течение семи лет. «Но никто из них не отважился на путешествие, — говорит он. — Так что мы решили поехать одни». За тысячу долларов он соорудил фургон и приобрел двух старых лошадей. Когда семья, наконец, тронулась в путь, в кармане

у Оливера оставалось всего-навсего 14 долларов.

Щадя лошадей, Оливер проезжает в день не больше 30 километров. Когда надо их подковать, он превращается

в кузнеца. На остановках он старается подработать, чтобы прокормить семью. «По дороге многие нам предлагают еду», — сказал он недавно одному журналисту на привале недалеко от Шайена (Вайоминг).

Единственное, что беспокоит Оливера — это автомобилисты, которые с изумлением оглядываются на фургон.

«У меня такое чувство, будто мы какие-то выставочные экспонаты, — пожаловался он. — Многие автомобилисты думают, наверное, что мы — странная разновидность хиппи».

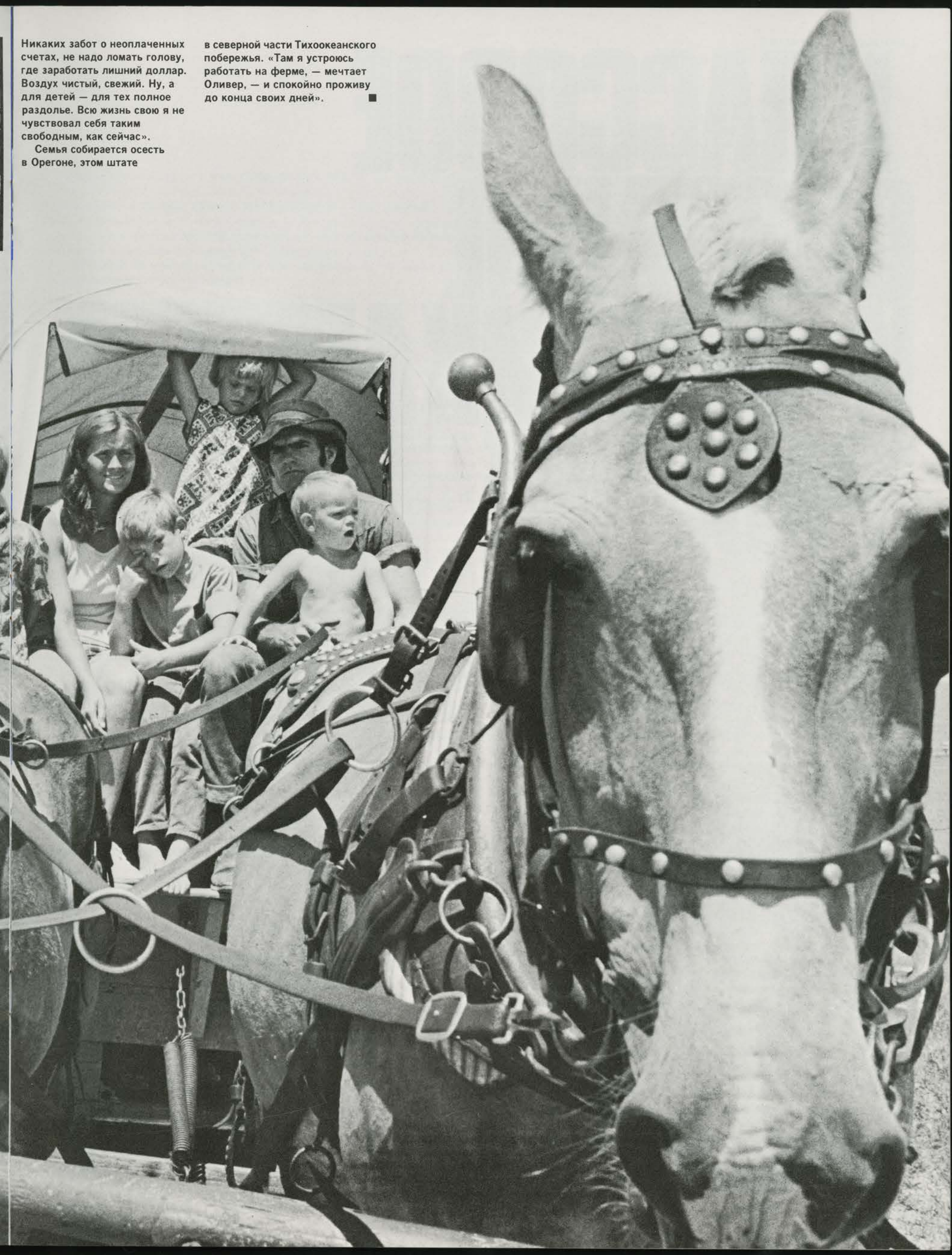
«В общем это замечательная жизнь, — продолжал Оливер, уписывая свой завтрак. —

Никаких забот о неоплаченных счетах, не надо ломать голову, где заработать лишний доллар. Воздух чистый, свежий. Ну, а для детей — для тех полное раздолье. Всю жизнь свою я не чувствовал себя таким свободным, как сейчас».

Семья собирается осесть в Орегоне, этом штате

в северной части Тихоокеанского побережья. «Там я устроюсь работать на ферме, — мечтает Оливер, — и спокойно проживу до конца своих дней». ■

КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ РАБОЧИЕ

Профессор Гарольд Л. Виленский преподает социологию в Калифорнийском университете в Беркли и там же, в Научно-исследовательском институте по вопросам промышленных отношений, занимается исследовательской работой. Он хорошо известен своими трудами по изучению структуры государства, общего благосостояния, рабочих рынков, вопросов профессионального труда и образа жизни и досуга различных социальных групп. В числе его работ следует отметить «Анализ организационной структуры: к познанию аппаратов государственной власти и промышленности и их политики» и «Индустриальное общество и социальное обеспечение».

Наше понимание мира веками строилось на основе тех представлений, которые нам преподносились социологами и критиками общественных отношений. К числу наиболее дезориентирующих понятий, осложнявших наши поиски познания социальной реальности, нужно отнести определения «общественных классов» и «классового сознания». Европейские специалисты в области трудовых отношений принимают эти представления как аксиому. Научные журналы и пресса в Соединенных Штатах полны ссылок на «средний класс» или «рабочий класс». Утверждения об автоматическом переходе хорошо обеспеченных рабочих в «средний класс» стали у нас обыденным явлением. А ведь еще совсем недавно уставы многих профсоюзов горячо призывали к классовой борьбе.

Такая терминология лишь затемняет, а никак не выявляет структуру американского общества. В Соединенных Штатах и в других богатых странах классовое сознание стало явлением преходящим, характерным только для рабочих, еще не освоившихся с условиями жизни в крупных городских центрах и с работой в современной промышленности. Четко разграниченного рабочего класса, как такового, больше не существует, даже если он и был когда-то в прошлом, а поведение и мышление, якобы определявшиеся классовым сознанием, в основном, по-видимому, обуславливаются расовым или этническим происхождением, вероисповеданием, образованием, возрастом и семейным положением. И в самом деле, почти в любой из этих традиционно сложившихся групп населения наблюдается куда больше единообразия во взглядах и поведении, чем среди «рабочих», если под этим мы понимаем всех лиц, занимающихся физическим трудом, или даже всех членов профсоюзов.

Если подойти к вопросу с позиции принятой в экономике классификации, группирующей людей по признаку общности мировоззрения и мышления, то нам придется оперировать такими категориями, как «мелкие предприниматели» (незначительная часть нижней прослойки среднего класса), «рабочие специалисты» (незначительная часть верхов рабочего класса) или «профессиональные работники умственного труда» (меньшинство в верхнем слое среднего класса). Если вообще можно пользоваться категориями классового деления, то граница, разделяющая постоянно трудоустроенных, хорошо образованных и высокооплачиваемых рабочих и низкооплачиваемых, частично занятых или безработных, окажется куда более четкой, чем та грань, которая отделяет верхний слой рабочего класса от нижней прослойки среднего. Наблюдаем ли мы процесс «обуржуазивания» рабочих или, наоборот, пролетаризацию среднего класса, мы видим, что верхи первого и низы последнего, очевидно, сливаются в некую новую

среднюю массу населения, объединяемую быстро растущим сознанием общности взглядов и вкусов. Развитие этого процесса, по-видимому, наблюдается во всех благоустроенных государствах.

Представление о социальном классе

Необходимость в разграничении — универсальной классификации по признаку пола, возраста, рода занятий и объема власти — везде приводит к расслоению общества. Люди классифицируют друг друга по категориям, определяя уровень каждой по отношению к собственному положению. Критерии при этом бывают различными. Все, что ценится и распределяется в неравной мере, может служить таким критерием: богатство, власть, личный шарм, успех у женщин и т. д. Несмотря на постоянно возрождающуюся мечту о полном равенстве — например, о «бесклассовом обществе», — в каждом обществе, как в прошлом, так и в настоящем, складывается система социального расслоения. Различия возникают всегда. Некоторые занятия считаются почетными, другие — нет. Некоторым достается большая власть, чем другим. Кто пользуется уважением, а кто им не пользуется: священник, рабочий, ученый, воин? Какова дистанция между самым высоким и самым низким социальным положением, между богатым и бедным, между лидером и рядовым обывателем? Эти и иные признаки системы социального расслоения меняются в зависимости от времени и места. Но различия во власти и престиже наблюдаются везде.

Все исследователи социальных структур интересуются вопросом распределения привилегий в обществе: кто удостоивается чего-то всеми ценимого и почему? Они также интересуются и влиянием привилегий на поведение людей. Но нет, однако, общего согласия в вопросе о том, какие именно привилегии, разделяемые каким именно слоем, и какое положение, занимаемое какой именно группой, исчерпывающе объясняют социальную структуру и перемены. Как, например, решить вопрос: принадлежит ли человек к рабочему классу или же сам рабочий класс превращается в средний?

Давая определение общественного класса, Карл Маркс в большинстве своих трудов подчеркивает не столько источники доходов (зарплата, прибыль, рента), размеры дохода и род занятий, сколько то, что он называет «производственными отношениями», то есть власть, основывающуюся на распределении прав собственности, политическое влияние, зиждущееся на экономической власти. Люди объединяются в класс исключительно постольку, поскольку они находятся в политической борьбе с другим общественным классом. Марксистское учение о «классовом сознании» с тех пор всегда исходило с этих позиций, подчеркивая три положения. С марксистской точки зрения,

человек обладает классовым сознанием, когда он, во-первых, ясно сознает интересы своего класса и отождествляет их со своими собственными, во-вторых, сознает интересы другого общественного класса и отрицает их как незаконные и, в-третьих, сознает эффективность коллективных средств политической борьбы и готов их использовать в целях осуществления интересов своего класса.

Обладают ли американские рабочие классовым сознанием в таком марксистском его понимании?

Ранний период воинственности

Нет сомнения, что на этапе наиболее быстрого роста индустриализации были короткие периоды, когда американское рабочее движение проявляло воинственность, вполне отвечающую описанной Марксом модели, имеющей и в наши дни свое отражение в рабочих движениях менее развитых стран. В продолжение последней четверти XIX века протест американских рабочих выражался попеременно то умеренно, то бурно, то в форме экономической, то в политической. Но рабочие организации были еще недостаточно устойчивы и легко поддавались соблазну широковещательных политических программ.

В 1880-х годах, в особенности во время экономической депрессии 1884–85 годов и сразу же после нее, волна рабочих протестов начала охватывать всю страну. Никогда еще американские рабочие, квалифицированные и неквалифицированные, мужчины и женщины, родившиеся в Америке и иммигранты, не проявляли такого стремления к самоорганизации. (Подобное повторилось лишь в 1930-х годах.)

Приток иммигрантов в это десятилетие достиг апогея, и волна протестов захлестнула и увлекла широкие массы прибывающих иностранцев. По словам историка рабочего движения Селига Перлмана, «рабочие организации приняли чисто классовый характер... Всеобщие стачки, забастовки солидарности... охватывающие всю страну политические движения вошли в порядок вещей». Ассоциации работодателей отвечали на это локаутами, черными списками, вооруженной фабричной охраной и засылкой в рабочую среду своих агентов. Тогда забастовки уступили место стихийно вспыхнувшему и достигшему эпидемических масштабов движению бойкота товаров потребления. То было время великих потрясений. Увлечкая широкие слои рабочих организация «Рыцарей труда», поставившая своей целью создание производственных кооперативов, подняла массовое движение, приведшее в середине 1880-х годов к неудачной всеобщей забастовке за введение восьмичасового рабочего дня.

Неудача этого движения привела к созданию Американской федерации труда (АФТ) в целях организации рабочих на позициях чистого тред-юнионизма: борьбы за увеличение зарплаты, сокращение рабочего дня и улучшение условий труда путем коллективных договоров с работодателями. Так были заложены основы той системы, в рамках которой и по сей день рабочие добиваются своих требований. Мощный натиск со стороны бедноты и низших слоев населения с новой силой повторился в ранний период рузвельтского «нового курса», вызвав такую же враждебность и такой же страх в кругах промышленников и денежной аристократии. В порыве почти революционного действия рабочие автопромышленности в городе Флинт (Мичиган) захватили в 1930-х годах завод и начали сидячую забастовку.

Ограниченные цели

Марксистское классовое сознание? Пожалуй, было и такое, но проявлялось оно в Америке спорадически, неорганизованно и по мере того, как увеличивалось в стране благосостояние, отошло в область преданий. В наши дни ветераны «итальянских забастовок» — или их сыновья — мирно ведут переговоры с работодателями, заседают в городских советах по вопросам социального обеспечения, выставляют свои кандидатуры (и, порой, успешно) на выборные муниципальные должности и живут комфортабельной жизнью людей среднего класса, занимая ответственные посты в профсоюзном руководстве. Стихийные движения протеста прошлого уступили место плодотворной работе «деловых юнионов» — мощных и прочных организаций, действующих в рамках коллективных договоров и законов. Цели американско-

го рабочего движения сегодня ограничиваются требованиями улучшения рабочих условий, повышения оплаты труда и сокращения рабочего дня. Средства борьбы, в основном, экономические: заключение коллективных договоров, которые частично осуществляются путем арбитражного решения конфликтов. В случае недовольства условиями договоров иногда вспыхивают забастовки, которые стали своего рода приемлемой альтернативой контролю государства над развитием трудовых отношений. Члены профсоюзов, да и рабочие в целом, все реже прибегают к забастовкам. Они, правда, остаются еще оружием борьбы, но оно заметно притупилось.

Ранний период индустриализации ознаменовался также и многими попытками создания политических партий строго классового профиля, преследующих чисто классовые интересы. Но в последние десятилетия американское рабочее движение в защите своих интересов вошло в коалицию с другими группировками, обеспечив себе решающее слово в Демократической партии по всей стране и в обеих партиях на местных уровнях.

Современное отношение к классовой борьбе

Утверждение, что классовое сознание затухает в среде американских рабочих, вполне согласуется с наблюдаемым в Соединенных Штатах отношением населения к понятиям «общественный класс» и «классовая борьба». Опросы общественного мнения указывают, что большинство американцев признает наличие в обществе различных классов, но свою принадлежность к ним люди даже с одинаковыми доходами и занимающие в профессиональном отношении примерно одинаковое положение зачастую оценивают весьма по-разному. Около 20 процентов рабочих причисляют себя к среднему классу. Зато более 20 процентов всех служащих, независимых предпринимателей и профессиональных работников умственного труда считают себя принадлежащими к рабочему классу. Имеется значительное ядро, состоящее из бизнесменов, лиц свободных профессий, технических специалистов (плюс известный процент конторских служащих и работников торговли), которые — как их ни спрашивай — упорно относят себя к среднему классу. Люди с развитым классовым сознанием встречаются главным образом среди квалифицированных рабочих.

Если вы попросите американцев, признающих существование общественных классов, дать характеризующие их определения, то получите целую гамму весьма неясных мнений. Очень мало американцев склонно делить общество на два основных класса — рабочих и капиталистов, — и среди них очень немногие считают эти классы антагонистическими. Деление на классы, как правило, определяется общей ценностью имущества, родом занятий или профессиональным потенциалом, объемом полученного образования, размером дохода или степенью экономической обеспеченности (в низших слоях населения этому признаку придается особое значение), утонченностью вкусов и поведения (люди с высшим образованием это считают основным критерием), «нравственностью» поведения (в низах среднего класса бережливый человек, например, многими противопоставляется людям расточительным) или по признаку социального происхождения. На работе американцы склонны классифицировать людей по объему доверенной им власти, по квалификации и опыту, а в частной жизни — по количеству и качеству потребляемых товаров.

Хотя у нас и имеются рабочие с высокообразованным — даже в марксистском понимании — классовым сознанием и хотя нельзя отрицать большого политического влияния рабочих организаций, с которыми считаются идущие на выборы прогрессивные кандидаты, не следует, однако, забывать о существовании в американском обществе и других, не менее важных, факторов. Американские рабочие организации охватывают всего лишь одну треть всех трудящихся, не занятых в сельском хозяйстве. По сравнению с английскими рабочими (половина из них состоит в профсоюзах) и шведскими (две трети — члены профсоюзов), американские рабочие весьма консервативны. По сравнению со всеми европейскими рабочими, у американских трудящихся классовое сознание развито значительно слабее. Лидеры рабочего движения стали органической частью иерархической структуры экономики, построенной на принципах свободного предприниматель-

ства, и социально-политической системы, действующей в результате согласования влияний общественных групп, которые являются представителями различных интересов. А масса, не охваченная профсоюзами рабочих и служащих, столь же активно включилась в общий поток общественной жизни страны.

Влияние специализации

Указанная характеристика американских рабочих в большой мере обуславливается процессом постоянного расширения возможностей, открывающихся в результате неуклонного экономического роста. Изменения в роде занятий и размере заработков привели к чрезвычайно разносторонней специализации рабочих кадров. Особенно заметен этот процесс проявляется в толще средних слоев американского общества: в новом среднем классе, охватывающем работников умственного труда и специалистов свободных профессий, а также в верхнем слое квалифицированных рабочих. Высокая специализация привела к более тонкому разграничению социального положения и к возникновению множества новых профессиональных сфер деятельности. Вместо двух армий, противостоящих друг другу на индустриальном фронте, — «рабочих», с одной стороны, «капиталистов», с другой, — мы наблюдаем ныне громадное разнообразие позиций и интересов в рядах каждой из армий, а следовательно, падение в них чувства внутренней солидарности.

В лагере рабочих даже члены профсоюзов, и те делятся по возрасту, полу, стажу и уровню квалификаций, не говоря уже о таких признаках различия, как вероисповедание, национальность и раса. Как среди членов профсоюзов, так и среди рабочих, в них не состоящих, наблюдается большое разнообразие и в убеждениях, и в образе жизни, и в устремлениях.

Многие из отличительных черт культуры, да и самой структуры американской жизни, а в особенности «рабочего класса», сильно стерлись под влиянием друг друга опровергающих мифов о зажиточном рабочем и о не прекращающемся бедственном положении трудящихся. Как и во всех мифах, в них есть какая-то доля правды. Проанализируем сперва миф о зажиточных рабочих, а затем миф о так называемой «другой Америке» — единообразной в своей бедности.

«Зажиточны» ли американские рабочие?

По сравнению с рабочими других стран мира, многих квалифицированных американских рабочих, зарабатывающих в год от восьми до десяти тысяч долларов, безусловно можно причислить к категории «зажиточных» или даже «богатых». Но имеются семьи, в которых должны работать и муж и жена, причем часто сверхурочно (что американские рабочие, как правило, делают весьма охотно), чтобы вывести семью на уровень среднего достатка. Такого рода благополучие характерно своей нестабильностью. Хорошо зарабатывающий рабочий, подобно большинству своих собратьев, обычно долго не задерживается на одном месте; он переходит с одного места работы на другое и меняет род занятий, причем время от времени переживает периоды материальных трудностей, когда он остается без работы или обучается новой специальности. В силу этого нужно с осторожностью относиться к утверждениям о том, что американский рабочий полностью принадлежит к среднему классу. Явно стирается граница между рабочим классом и нижней прослойкой среднего, между массой прорабов, мастеров и высокооплачиваемых специалистов, с одной стороны, и массой торговых агентов, конторских служащих, мелких подрядчиков, менеджеров с малым количеством подчиненных, профессиональных и технических работников с недостаточным стажем — с другой. Но в культурном отношении многие черты, характерные для рабочего класса, сохраняются.

Система всеобщего обучения привела к тому, что, по крайней мере, среднее образование стало доступно каждому. И рабочие, и служащие — все стремятся послать своих детей в колледж. Однако у каждого слоя имеется свой взгляд на образование. Рабочий далеко не всегда посылает свою дочку в колледж, а сыновьям он старается дать образование с чисто профессиональным уклоном. Родители же из семей среднего класса считают колледж одинаково обязательным как для сыновей, так и для дочерей, и смотрят на образование значительно шире. По их мнению, высшее образование обеспечит не только детям хорошую специальность, но и обогатит их жизнь и приучит их «ладить с людьми». Хотя процент детей из рабочих семей в колледжах постоянно увеличивается, он пока все еще пропорционально ниже, чем для молодежи из среднего класса. Высшие учебные заведе-

ния, куда часто поступают дети рабочих — городские или двухгодичные младшие колледжи или университеты штатов, — не принадлежат к категории лучших, зато обучение там стоит много дешевле.

То же самое можно сказать и о жилищах. Для рабочих приобретение дома в предместье равносильно выходу из тесной городской клетки на свободу; для средних слоев — это местожительство, соответствующее их положению.

Различие во взглядах на значение и качество образования и жилищ приводит к различиям в том, как каждая из этих групп тратит деньги. Все они покупают схожие по стоимости дома, такие же автомобили и бытовые приборы, но рабочие расходуют намного меньше на бытовое обслуживание, чем семьи среднего класса. Плотник, в отличие от банковского кассира, не нанимает мастеров для ремонта дома или починки автомобиля. С такими задачами он старается справляться самостоятельно. Его жена сама занимается стиркой, она не посылает белье в прачечную и не пользуется услугами фирм, поставляющих детские пеленки. Проводя свой досуг, рабочий чаще пользуется своим автомобилем для воскресных поездок за город, кончающихся обедом в закусочной или просмотром фильма в кино для автомобилистов. Он не поедет ужинать в дорогой ресторан в центре города. Свой отпуск он коротает либо дома, либо в гостях у родственников и вряд ли когда-либо соберется отправиться в далекое, заранее запланированное путешествие.

Я считаю, что признаки, отличающие верхний слой рабочего класса от нижнего слоя среднего класса, — различия в выборе специальности, в качестве жилища и отношения к нему, в расходовании денег и в проведении досуга, — не столь разительны, как тот контраст, который наблюдается между стабильной верхней половиной рабочего класса и его малообеспеченной нижней половиной. Процент безработных значительно выше среди полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих и рабочих сектора обслуживания, чем среди остальных рабочих. История их трудовой жизни хаотична. На пути продвижения вверх перед ними стоит больше препятствий. Они менее разборчивы в своих покупках, очень многое приобретают в кредит на якобы «льготных условиях» и потому часто запутываются в долгах, становясь жертвами недобросовестных торговцев. На их долю приходится значительно меньше материальных благ, предоставляемых современным обществом.

Устойчивые различия в структуре и культуре между верхней половиной рабочего и нижним слоем среднего классов и еще больший разрыв между ними и малообеспеченным нижним слоем общества не влияют на существование столь же значительных различий в толще каждой из прослоек. Справедливость этого утверждения станет ясна в результате анализа социального состава американской бедноты.

Многоликий облик бедности

Обследование жизненных условий 464 семейств в четырех жилых комплексах для малоимущих в Нью-Йорке (доход каждой из этих семей в 1960 году не превышал 3000 долларов) показало, что, несмотря на их тяжелое экономическое положение и очень ненадежную кредитоспособность, только пять процентов не имело хотя бы одного телевизора, из пяти семей три имели также радиолы, две из пяти — швейные машины, две из пяти — автоматические стиральные машины; одна из четырех — пылесосы и одна из семи — автомобили.

Ясно, что американская беднота далеко не испытывает той изнурительной нужды, в которой проживают две трети всего населения земного шара. «Бедными» их можно назвать, лишь сравнивая с высоким уровнем благосостояния большинства американцев. Но от этого их «бедность» не становится менее угнетающей, менее нестерпимой. Бедное меньшинство, окруженное богатством, ощущает свою нужду значительно острее, чем бедные жители Азии, Африки и Латинской Америки, где нищета — явление обычное. Такое меньшинство может с большим успехом взывать к совести богатых. И в этом мы убедились — даже сравнительно консервативный в своих убеждениях Президент почувствовал себя вынужденным объявить «войну бедности».

В развивающихся сейчас дебатах по вопросу о ликвидации бедности в обществе, живущем в атмосфере изобилия, выяснилось, что уровень жизни 20—25 процентов американцев находится ниже того, что принято в Соединенных Штатах считать «границей бедности». Кто же эти обездоленные люди?

Если годовой доход в 3000 долларов для семьи из четырех человек принять за критерий бедности, то мы найдем, что в 20 процентах таких семей глава семьи принадлежит к «небелой» расе, в 25 процентах семья возглавляется матерями-одиночками, а в 35 процен-

тах — людьми старше 65 лет. Фактически в половине бедных семей (то есть около десяти процентов всего населения) кормильцы принадлежат к одной, двум или даже трем из этих категорий.

Несмотря на высокий среди бедных процент стариков, матерей-одиночек и негров, следует отметить и другой важный фактор: большинство всех необеспеченных, в особенности хронически принадлежащих к числу людей бедных, представляет собой белое население сельскохозяйственных районов Юга.

Некоторые из бедных живут на пособия социального обеспечения или на пенсии; некоторые работают, другие — нет; одни больны, другие здоровы; часть из них выходцы из обнищавших сельских районов, часть представляет собой многолетних жителей городских трущоб; есть среди них странствующие рабочие, кочующие с места на место в зависимости от времени года и урожая, а есть и люди оседлые, работающие за малую плату — сторожами, домработницами и т. д. К быстро уменьшающейся категории бедняков относятся пожилые иммигранты из Южной и Восточной Европы. На смену им приходят растущие миллионы представителей других меньшинств: пуэрториканцы, мексиканцы и новая волна выходцев из юго-восточных районов США: от белых жителей горных районов до негров горожан.

Критерии «класса»

Такая «разношерстность» рабочего класса или, вернее, всех слоев общества, является основной причиной того, что большинство американских социологов отказываются от марксистского подхода при анализе возникающих в американском обществе политических конфликтов. Чаще всего они рассматривают классы как слои иерархической системы, ступени которой определяются постепенным изменением признаков. Наиболее характерными признаками социального расслоения американского общества служат власть и авторитет, профессиональный престиж, доход и богатство, образование и происхождение (этническое, расовое, а подчас и религиозная принадлежность). Социологи иногда оперируют сразу двумя или несколькими из этих критериев для оценки общественного положения (чаще всего сочетая профессию с доходом) и пользуются термином «социально-экономический статус». Поступают они так не из-за своего консерватизма, а потому, что такой детализированный анализ наиболее полно соответствует широкому разнообразию американской жизни.

Однако социологи еще недостаточно хорошо разбираются в составляющих класс компонентах, и порой они слишком рано прекращают свои поиски границ, имеющих существенное значение. Конец идеологических расхождений, конец классовой борьбы вовсе не означает конца общественных конфликтов. Имели ли когда-либо социальные противоречия в США экономическую основу или нет, в данном случае не важно. Важно то, что в жизни современного американского общества главную роль в определении «классового сознания», по-видимому, играют два следующих основных фактора: во-первых, профессиональные группировки и учебные заведения, из которых первые набирают свои кадры, и, во-вторых, группы меньшинств по этническому, религиозному и, в особенности, по расовому принципу.

Образование и род занятий

Классовое сознание развито в высших слоях общества сильнее, нежели в других, и это объясняется тем исключительным значением, которое имеет образование для создания личного авторитета, в особенности авторитета знатока. Образование приобретает все большую важность в качестве базы, определяющей социальное положение, — как источник влияния и как фактор, обуславливающий стиль жизни. Есть основания полагать, что аналогичная обстановка сложится и во всех других зажиточных странах.

Уровень и качество образования имеют решающее значение по следующей причине: в американском обществе увеличивается разрыв между той частью верхней прослойки среднего класса, которая получает образование в лучших колледжах и университетах страны, и остальной частью населения, включая сюда и многих выпускников высших учебных заведений. Широкие массы, принадлежащие к среднему классу, с завистью взирают на стоящих в общественной иерархии выше их врачей, адвокатов, профессоров и менеджеров. Они с тревогой следят за демонстрациями протеста, возглавляемыми сыновьями и дочерьми таких привилегированных семей. Рабочие и служащие, составляющие среднюю массу населения, боятся людей, хорошо образованных, и возмущаются их особым положением в обществе, их свободными нравами и образом их жизни.

Раса, вероисповедание, этническое происхождение и местное окружение

Исследователи общественной структуры часто говорят о классах или классовом сознании и в тех случаях, когда правильнее было бы говорить о расовом сознании или о сознании религиозных общин и этнических групп, сосредоточенных в общем для них окружении. «Классовое» сознание развивается в особо интенсивной форме только тогда, когда марксистское понятие о «классе», в его экономическом аспекте, сливается с обостренным осознанием расового, религиозно-этнического происхождения и культурно-бытовых интересов.

Религиозно-этнические и расовые группы оказывают сильное влияние на политические убеждения своих членов, — и это подтверждается не только заключениями каждого городского политического деятеля, но также и результатами каждого исследования итогов выборов. В самом деле, на всех президентских выборах, начиная с 1948 года, раса и вероисповедание оказывались значительно более важными факторами, чем классовая принадлежность.

Мобильность и класс

Если, кроме присущего меньшинствам чувства солидарности, существует какая-либо иная сила, способная оказывать такое же влияние на развитие в рабочем классе разнообразия идеологических взглядов, то такой силой следует считать мобильность: частые передвижения рабочих. В некоторых случаях мобильность влечет за собой коренную ломку жизни. Перемещение при перемене работы — вниз, вверх или по горизонтали — бывает резким, неожиданным, непредвиденным, обрывающим связи с близкими и друзьями. Тягостный процесс превращения крестьянина в пролетария, фермера в фабричного рабочего, иммигранта в гражданина США, наблюдавшийся при начальной стадии индустриализации Америки, относится к типу такой нарушающей привычный быт мобильности и, как мы видим, может порождать классовое сознание и политический протест. Но другие формы мобильности могут быть упорядоченными, предвиденными и планомерными, как, например, при развитии хорошо обеспеченной и стабильной служебной карьеры, и такая мобильность приводит к угасанию классового сознания. Во всяком случае, высокие темпы мобильности способствуют выдвижению способных людей из рабочего класса и менее заметному, но все же значительному, движению неудачников вниз из рядов среднего класса.

Выводы

Некритичность подхода европейских ученых и политических активистов к учению Маркса вполне компенсируется игнорированием или искажением его американскими исследователями общественных классов. В настоящее время обе группы начинают приближаться к центральной позиции, с которой ясно видно наблюдающееся в толще каждого общественного класса огромное разнообразие в образе жизни и политической ориентации. Это позволяет осознать значение и фактора власти, и фактора столкновения противоречивых интересов.

В Соединенных Штатах мы наблюдаем медленное слияние верхов рабочего класса с низами среднего, резкую грань между ними и беднейшими 20 процентами населения и увеличивающиеся подразделения в толще каждого из широких слоев общества. Эти тенденции предопределяют границы любого «классового» анализа. Когда, выискивая политические выражения классового сознания, мы выделяем соответствующие группы и затем анализируем их происхождение и их дальнейшее логическое развитие, то мы убеждаемся, что упрощенный взгляд на классы просто теряет под собой почву.

Мы вынуждены, поэтому, искать других, более веских признаков социальной дифференциации. Правильнее всего, представляется нам, рассматривать современное общество как комплекс частично перекрывающихся сообществ, сложившихся на базе работы, вероисповедания, этнического, расового или классового происхождения и общего местожительства, сообществ, сплоченных, главным образом, взаимной экономической зависимостью, правовыми, военными и политическими установлениями, а также массовыми средствами информации и развлечения. Вместо классовой борьбы мы наблюдаем развитие более сложного и эластичного процесса согласования противоречий между меняющимися коалициями общественных групп, представляющих различные интересы.

Миннеаполис

город поразительный

N
W

Небоскреб
«Фошей тауэр»
(32 этажа)
украшает силуэт
города.
Это самое
высокое здание
в Миннесоте
напоминает
obelisk памятника
Вашингтону.
Слева —
разноцветные
огни города.

Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, Сан-Франциско — при одном упоминании этих городов сразу возникает представление об оживленной, культурной и разнообразной городской жизни. Но Миннеаполис в штате Миннесота? Кому придет в

голову подумать подобное об этом сравнительно небольшом промышленном городе, затерянном в глубине американского континента? Разве может жизнь быть интересной в Миннеаполисе — северном центре Среднего Запада, самом

большом (434 000 жителей) городе Миннесоты, центре производства сельскохозяйственных машин и мукомольного оборудования, торговли зерном и скотом из окрестных прерий и речного торгового транспорта по верхней Миссисипи?

аполис

ных неожиданностей

Фото Дона Гетсуга

Но, как ни странно, может. Несмотря на небольшие размеры, удаленность от крупных центров и относительную молодость (115 лет), Миннеаполис необычайно интересен, многолик, современен, красив и окружен живописной приро-

дой. В самом деле, когда его жителям приходит охота развлечься и отдохнуть душой, им предоставляется такой богатый выбор возможностей, что обитателям более крупных городов есть чему позавидовать.

Миннеаполис по праву гордится своим новым театром Тайрона Гэтри, основанным в 1963 году с помощью этого известного английского режиссера, которого город попросил создать профессиональный театр. Театр сразу добился

1

Миннеаполис отличается большим разнообразием культурных начинаний.

1. В праздничной обстановке проходит ежегодный Водный фестиваль.

2. Танцовщицы балетного ансамбля Андахазы перед выходом на сцену Миннесотского университета.

3. Театр Тайрона Гэтри.

4. Посетители выставки французских художников XIX века в Институте

искусств рассматривают картину Гюстава Кайеботта

«Площадь Европы в дождливый день».

5. Сцена из греческой драмы «Дом Атрея»;

артисты Миннесотской драматической труппы в соответствующих костюмах и гриме выглядят как сюрреалистические статуи.

6. Дирижер Станислав Скровачевский управляет Миннесотским оркестром, который он возглавляет уже 11 лет.

больших художественных успехов. Там, кроме Миннесотской драматической труппы, репертуар которой крайне разнообразен — от античных трагедий до новейших бродвейских мюзикалов, — выступает также и Центральный опер-

ный ансамбль, известный своими авангардными спектаклями и смелыми экспериментами. В прекрасном концертном зале «Нортроп» любители классической музыки могут послушать Миннесотский симфонический оркестр, основанный 68

лет тому назад и пользующийся репутацией одного из лучших музыкальных коллективов страны. В свое время во главе Миннесотского оркестра стояли такие знаменитые дирижеры, как Юджин Орманди, Дмитрий Митропулос и Антал

Город, где процветают искусства

Дорати, сейчас им руководит Станислав Скровачевский.

Не забыты и любители изобразительных искусств. Особой популярностью пользуются Миннеаполисский институт искусств и Уокерский центр искусств,

где собраны образцы культурного наследия всех эпох — от произведений мастеров Древнего Египта, полотен Рембрандта и Эль Греко вплоть до картин наших современников. Те жители Миннеаполиса, которых обуревают **жажда знаний,**

могут удовлетворить свою любознательность **в Миннесотском университете, насчитывающем около 52 000 студентов.** Этот университет, являющийся как бы городом в городе, по числу учащихся стоит на седьмом месте в стране.

French Room Shoes

Joan Bari
BAGS & GEMS

Миннеаполис — город красивый и элегантный

Построенный в современном стиле, Саутдэйлский торговый центр — первый в городе торговый комплекс, расположенный под одной крышей.

А тот, кому нравится атмосфера большого города, может приятно провести время на бульваре Николлет. Там, где раньше проходил главный поток автомобильного движения, городское управление создало зеленый оазис, обрамлен-

ный зданиями ультрасовременной архитектуры. На бульваре Николлет разрешается ездить только автобусам и такси. Люди гуляют по бульвару, делают покупки в элегантных магазинах, обедают в хороших ресторанах и наслаждаются

весельем ночной городской жизни. В распоряжении любителей отдыха на свежем воздухе в Миннеаполисе имеется 152 парка, 22 озера (в пределах городской черты) и, конечно, величественная Миссисипи. Летом в Миннеаполисе ус-

Над бульваром
Николлет возвышается
новый небоскрёб,
выстроенный ссудо-
сберегательной кассой.

траивается десятидневный Водный фестиваль, сопровождаемый пышными процессиями, балами и конкурсами красоты. Этим фестивалем город отмечает свою тесную связь с реками и озерами — недаром он и называется Миннеаполи-

сом: «минне» на языке индейского племени сиу значит вода, а «полис», как известно, по-гречески город. В течение суровой зимы энтузиасты спорта увлекаются коньками, ловлей рыбы в лунках, санками, лыжами — в самом городе или

Жители Миннеаполиса отдыхают на живописных озерах

Купальщики
(справа)
наслаждаются
на пляже
солнцем
озера Калхун
в Миннеаполисе.
Внизу: катанье
на лодке
по озеру Миннетонка,
расположенному
под самым
городом.

поблизости от него. Не скучно и «большим»: в городе постоянно проводятся состязания университетских команд, а также профессиональные матчи на стадионах «Метрополитэн» и «Спортс-сен-тер». Ведущими местными спортив-

ными командами считаются «Миннесота-туинс» (баскетбол), «Вайкингс» (футбол) и «Норт старс» (хоккей).

Вот какое неожиданное разнообразие развлечений таит в себе Миннеаполис, этот малоизвестный город, обычно не

вызывающий тех волнующих ассоциаций, которые возникают при упоминании крупных городов. Жители Миннеаполиса широко пользуются всеми возможностями и находят, что жить на Среднем Западе вовсе не скучно. ■

ДЖОН ДЕВЛИН

СТАНЕТ ЛИ КОМПЬЮТЕР ГРОССМЕЙСТЕРОМ?

Несмотря на то, что очередной шахматный турнир электронных вычислительных машин, запланированный на 1971 год, будет благодаря чисто техническим усовершенствованиям куда острее предыдущего, мастерам шахматной доски опасаться компьютера пока что не приходится, ибо даже это электронное чудо стоимостью до десяти миллионов долларов не лишено погрешностей. Фактически, если судить по первым матчам, ЭВМ допускают чисто человеческие промахи.

Итак, 31 августа 1970 года между шестью компьютерами, находившимися в Техасе, Иллинойсе, Нью-Джерси, Нью-Йорке, Мэриленде и канадской провинции Альберта, началось шахматное сражение, закончившееся 2 сентября. Турниром руководили профессор отделения электронно-вычислительной техники Колумбийского университета Монро Ньюборн, штаб-квартира которого находилась на втором этаже гостиницы «Хилтон» в Нью-Йорке.

Победителем турнира стал компьютер Северо-Западного университета в Эванстоне (Иллинойс), который запрограммировали аспиранты Кит Горленд, Ларри Аткин и Дэвид Слейт. Их электронный шахматист выиграл все три партии.

В Нью-Йорке второй вечер турнира привлек около трехсот зрителей, с интересом наблюдавших за течением партий, ходы

которых воспроизводились на демонстрационных досках.

Первую партию, начавшуюся по техническим причинам с запозданием на 45 минут, выиграл компьютер Колумбийского университета, запрограммированный Гансом Берлинером, чемпионом США в соревнованиях по переписке. Студент отделения компьютерной техники университета имени Карнеги и Меллона в Питтсбурге Берлинер рассказал, что «обучение» ЭВМ шахматной стратегии заняло до двух лет.

Противником был компьютер университета Альберты, запрограммированный Тони Марслендом, студентом отделения электронно-вычислительной техники. Канадец сдался после девятого хода нью-йоркской ЭВМ, которая обрушилась двойным ударом на его короля и королеву.

Как и в обычных турнирах, поединок между ЭВМ подчинялся лимиту времени — в данном случае на облуживание хода давалось три минуты. Каждый компьютер проходил усиленную «тренировку»: программисты подготавливали машины задолго до начала турнира, вводя в них шахматные программы, дающие компьютеру выбор стратегических решений. Пользуясь этими программами, ЭВМ анализирует возможные варианты, выбирает лучший и делает ход. Партию выигрывает наиболее умело запрограммированный компьютер.

Во время игры компьютер не может обойтись без человеческой помощи. Например, сделанный в Нью-Йорке ход передается оппоненту по телефону. Полученные данные программист вводит в машину. Когда та про-

анализирует положение и делает ответный ход, он передает его в Нью-Йорк. И так далее.

В тот же вечер компьютер Северо-Западного университета разгромил ЭВМ, принадлежащую лабораториям фирмы «Белл телефон» в Уиппани (Нью-Джерси). В третьей игре компьютер, запрограммированный Христофором Дэйли из Центра космических полетов имени Годдарда в Гринбелте (Мэриленд), одержал победу над компьютером Техасского агротехнического университета, подготовленным группой, возглавляемой Франклином Церути и Рольфом Смитом.

Программирование компьютеров обходилось весьма недорого, так как для программирования это было своего рода хобби.

Совершенно случайно дата турнира совпала с двухсотлетием выступления первого в мире шахматного автомата, известного под именем Турок. Изобретенный бароном Вольфгангом фон Кемпеленом, он впервые продемонстрировал свое мастерство в императорском дворце в Вене. Автомат побил всех своих оппонентов, включая Наполеона, чем произвел сильный переполох в шахматном мире Европы.

Автомат изображал собой наряженную в костюм турка фигуру, сидящую перед ящиком, на котором лежала шахматная доска. В действительности движениями автомата управлял человек, спрятанный в ящике.

Горовиц, шахматный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс», так прокомментировал партию между ЭВМ университетов Колумбийского и Альберты:

«Первый ход белых определил английское начало, и в развитии все шло своим чередом до третьего хода. Выступление белого ферзя имело целью завоевание контроля над центром, однако достичь этого можно было лучшим ходом.

«На шестом ходу черные теоретически делают промах: они просто могли выиграть пешку (б. ...Ф : d4). С восьмым ходом белые допускают серьезную ошибку — король оголяет себя и попадает в связку, что влечет за собой потерю фигуры».

Если бы девятый ход белых был сделан шахматистом, это был бы человеческий зевек, но, поскольку играл компьютер, иначе, как электронным, зевек не назовешь. После ответного хода черных белые сложили оружие. Приводим эту партию.

АНГЛИЙСКОЕ НАЧАЛО
Альберта
1. c2—c4
2. d2—d4
3. Фd1—d3
4. Kgl—f3
5. Kf3—e5
6. Фd3 : c4
7. Cc1—d2
8. Kpel : d2
9. Фc4—c5
Белые сдались.

Касаясь научной стороны шахматного соревнования между ЭВМ, проф. Ньюборн говорит: «Нас всегда интересовал вопрос, может ли компьютер думать. Наш турнир до некоторой степени продемонстрировал, как машина справляется с решением сложной проблемы».

«Выдающийся советский шахматист Михаил Ботвинник, — продолжает Ньюборн, — пред-

сказывал, что настанет день, когда ЭВМ будут побеждать даже международных гроссмейстеров. Другие утверждают, что этого никогда не случится. Я лично склонен согласиться с Ботвинником. Серьезное шахматное программирование компьютеров лишь начинается, и возможности его усовершенствования чрезвычайно широки. Думаю, что лет через пять компьютеры, возможно, уже будут побеждать сильнейших шахматистов мира».

По словам Ньюборна, победивший в состязаниях Северо-Западного университета планирует в этом году очередной турнир ЭВМ и собирается предложить ряду стран, в том числе Советскому Союзу, принять в нем участие. На этот раз ходы, возможно, будут передаваться с помощью спутника связи.

Шахматные матчи между ЭВМ уже имеют свою историю. В 1967 году состоялся поединок компьютеров Станфордского университета и московского Института экспериментальной и теоретической физики. Советский компьютер выиграл две партии, а две закончились вничью. Игра велась по телеграфу и продолжалась больше года, так как на «обдумывание» ходов давалось неограниченное время.

Турнир 1970 года Ньюборн считает «очень интересным, увлекшим всех к нему причастных». По его словам, все шло без заминки, за исключением одного случая, когда компьютер Техасского агротехнического университета временно выбыл из строя по уважительной причине — ему нужно было приготовить платежную ведомость университета.

В нью-йоркском центре. Сделанные компьютером ходы передаются по телефону оппонентам и воспроизводятся на шахматной доске.

ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ В КИНО

Иза Капп

Телеоператор-документалист, герой фильма «Равнодушный наблюдатель» (1969), постепенно отходит от самозабвенного увлечения техникой своего дела и проникается растущим сочувствием к судьбам ближних. В поисках интересного «объекта» он попадает в одну из квартир негритянского района. Своим приходом он надеется обрадовать всех присутствующих, однако, вопреки его ожиданиям, незваного гостя встречают враждебно. Агрессивно настроенная негритянка требует, чтобы оператор заснял ее для телехроники. Какой-то негр читает ему нравоучение: «Трудно догадаться, зачем ты пришел сюда, — ищешь ли ты объект, интересный для других людей, или же ты считаешь человеком только того, кто тебя интересует?»

Эта ошеломляющая сцена представляет собой интересную смесь эмоций. Здесь, с одной стороны, насмешка, гнев, неприязнь и тревога, с другой — внезапное облегчение от сознания того, что негры готовы поведать свои чувства белым, которые имеют возможность (в данном случае с помощью телевидения) предать их эмоции широкой гласности. «Равнодушный наблюдатель» — лишь один из многочисленных фильмов, свидетельствующих о коренных переменах в подходе к расовому вопросу, которые произошли в американском кино, да и по всей стране.

Кино, как правило, не выдвигает новых идей, влекущих за собой социальные перемены. Оно лишь откликается на уже совершившиеся события. Фильмы о расовых проблемах развивались параллельно с прогрессом в борьбе за гражданские права, и сейчас они отражают наше растущее убеждение, что расовый вопрос — это вопрос не только политический или юридический. Некоторые последние фильмы — «Путни Суоп», «Равнодушный наблюдатель», «Домовладелец» —

отражают, каждый по-своему, растущее у негров чувство собственного достоинства и стремление к самоутверждению. Эти фильмы не боятся признать, что и неграм присущи такие общечеловеческие черты, как негодование и раздражительность, — ведь все мы люди, все человеки. Вопрос, который напрашивается при виде описанной выше сцены — «Каково суждение негров о белых и белой культуре?», — никогда не поднимался в ранних фильмах о неграх, где отношения между расами неизменно изображались со снисходительной терпимостью и расплывчатой благожелательностью.

«Спокойный» (1949). Фильм, в центре которого стоят не расовые проблемы, а личные переживания подростка... Здесь со всей реальностью показаны уличные эпизоды Гарлема, без подчеркивания бедности и неприглядности трущоб, без навязывания выводов социального характера.

«Городская окраина» (1957) существенно отличается от традиционных фильмов 40-х годов. В нем не рассуждают об интеграции, а демонстрируют ее в повседневной жизни. Здесь показана в естественной обстановке дружба белой и черной супружеских пар.

«Не склонившие головы» (1958). Лента произвела на зрителей очень сильное впечатление, пожалуй, как ни один другой фильм ни до, ни даже после него. Блестящая игра Сиднея Пуатье и Тони Кэртиса, исполнивших роли белого и черного заключенных, во многом способствовала его успеху.

«Изюминка на солнце» (1961) и подобные ей ленты уравнивают остро драматические конфликты с бытовыми ситуациями. Они апеллируют скорее к любознательности и художественному вкусу зрителя, чем к его идеологии.

«Раз картошка, два картошка» (1964). Лента, рассказывающая о фактическом событии с обстоятельностью работника социального обеспечения. Хотя фильм и не обладает особой кинематографической увлекательностью, действие его развивается правдоподобно и естественно.

РАННИЕ ШАБЛОНЫ

В течение тридцати лет, прошедших после появления фильма «Рождение нации» (1915), — этого шедевра Д. У. Гриффита, в котором негры в годы, последовавшие за Гражданской войной, изображались насильниками или пучеглазыми шутами, — негры выступали в американском кино главным образом в роли слуг, порой забитых и напуганных, порой развязных и жизнерадостных, но всегда примирившихся со своим подчиненным положением в мире белых господ. В фильме «Путни Суоп», высмеивающем нынешнее увлечение рекламой и расовым вопросом, смысленный сирота негр-теноч, которого собирается усыновить зажиточная негритянская семья, предупреждает своих благодетелей: «Делайте, что хотите, но только не потому, что считаете себя виноватыми».

Двадцать лет назад Голливуд действительно пытался избавиться от подсознательно-го чувства вины. Это ощущается в таких фильмах, как «Страна смелых» (1949), «Светлокожая» (1949) и «Утраченные границы» (1949), — душераздирающих мелодрамах, которым надлежало, на худой конец, хотя бы вызвать у белой публики сочувственные всхлипывания. «Трусилы ли негры солдаты?» («Страна смелых»), «что лучше для светлокожей негритянки — выйти замуж за белого или посвятить свою жизнь братьям по крови?» («Светлокожая»), «примет ли в свою среду белое общество Новой Англии врача мулата?» («Утраченные границы») — вот какие вопросы ставили фильмы. Вопросы эти, считает негритянский писатель Ралф Эллисон, являлись, по сути, лишь попыткой опровергнуть предвзятые мнения белых, но отнюдь не были вопросами, которые терзали самих негров. Тем не менее, фильмы показали, что такая тематика глубоко волнует широкого зрителя. Вместо негра слуги на экране появился негр врач, негр солдат и негритянка медсестра, и это позволило зрителю впервые ощутить, какие трудности встречаются на жизненном пути негров в США.

Некоторые продюсеры и режиссеры, однако, сумели перешагнуть через эстетические и социальные барьеры своего времени, о чем свидетельствуют два фильма 40-х годов, которые пролили свет на подлинную жизнь негров в США. Поставленный на скромные средства документальный фильм «Спокойный» (1949) рассказывает о мальчике, убежавшем из дому и шатающемся по улицам Гарлема. В центре фильма стоят не расовые проблемы, а отношение самого подростка к пуританизму его бабушки и любовным похождениям матери. Постановщик фильма стремился к правдивому показу уличных эпизодов, не подчеркивая неприглядности трущоб и не навязывая выводов социального характера.

ГОРДОСТЬ И ДРУЖБА

Другим первоклассным фильмом того десятилетия был «Осквернитель праха» (1949), поставленный по одноименному сложному роману Уильяма Фолкнера и заснятый в родном городе писателя — в Оксфорде (Миссисипи). Фолкнер воздаст должное черной расе в образе Лукаса Бошампа, старого негра, величественное самообладание которого выдвигается и в книге, и в фильме на первый план. Актер Хуано Эрнандес

изображает Лукаса почтенным, бесстрастным, полным хладнокровного героизма человеком, который не желает унижаться даже в минуту смертельной опасности, когда, подозревая негра в убийстве белого, толпа уже готова его линчевать.

Фильм пронизывает неуловимое, трудно передающееся в кино качество: ореол внутренней силы, излучаемой героем негром.

В начале фильма белый мальчик Чик проваливается в замерзший ручей на ферме Лукаса. Негр забирает мальчика к себе в дом, чтобы обсушить и накормить. Там Чик бросает на пол монету и не может понять, почему старый негр отказывается подобрать ее. Воспоминание о неоплаченном долге долго терзает Чика, и впоследствии, уже шестнадцатилетним, он приходит на помощь Лукасу, когда того несправедливо обвиняют в убийстве. Хотя сцена в доме и отражает всю противоречивость человеческих взаимоотношений, которыми пронизана жизнь американского Юга, этот поединок мальчика и старика в спокойной бытовой обстановке и беспричинность возникшего между ними конфликта вызывают сочувственную улыбку. С тех пор ленты о неграх, затрагивающие более сложные вопросы и поражающие зрителя своей смелой трактовкой, никогда не достигали такой верности ни в изображении быта, ни в изображении людей, способных совершать непредвиденные поступки.

Продолжая проявлять интерес к негритянским персонажам и быту, Голливуд в последующие годы добился в каком-то смысле большей верности и правдивости в их изображении, чем в фильмах, более поздних, когда газетные заголовки неустанно напоминают американцам о существовании «расового вопроса». Фильм «Городская окраина» (1957) значительно отличался от своих предшественников 40-х годов. В нем не рассуждают об интеграции, в нем ее показывают. Две молодых пары — черная и белая — попадают в обстановку, естественно приводящую их к дружбе. Мужья, железнодорожные рабочие на сортировочной станции, беседуя в обеденный перерыв, привыкают делиться друг с другом своими заботами и радостями. К разнице в цвете кожи обе пары относятся совершенно естественно, то есть вообще не думают о ней. В отличие от прежних фильмов, негритянская пара здесь твердо стоит на ногах. Ее жизнь сложилась счастливо, и молодые супруги беспокоятся лишь о том, что их белые друзья не могут обрести душевного спокойствия. Сидней Пуатье (в одной из своих первых ролей) лихо отплясывает с женой и советует белой паре учиться у них искусству жить. Это добродушное пародирование шаблонного утверждения белых о чувстве ритма, свойственном неграм, в устах негра звучит непринужденно и весело.

После «Городской окраины», однако, дружба белых и негров в кино становится все более и более натянутой, и в ратующих за интеграцию голосах появляются нравоучительные нотки.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЧУВСТВА

Кино не пытается всерьез разобраться в политических или экономических аспектах расового конфликта. Этот конфликт оно рассматривает, в основном, в рамках человеческих чувств и самоанализа. По всей вероятности, это наилучшее решение вопроса, ибо такие фильмы лучше доходят до зрителя и подсознательно оказывают на него сильное влияние.

Волнующий фильм Стэнли Крамера «Не склонившие головы» (1958) четко проводит

черту между отношениями личными и социальными. Двум заключенным (негру и белому), скованным одной цепью, удастся в дождливую ночь бежать с перевозящего их грузовика. Эти обиженные жизнью люди преисполнены подозрений и ненависти друг к другу. Но вынужденные рука об руку пробираться через трясины и ручьи, они волей-неволей должны не только разговаривать, но и заботиться друг о друге. Джокер Джексон вытаскивает тонущего негра из воды, Ной Каллен лечит компрессами опухшую руку Джексона. Вместе они перелезают через канавы, воруют еду, жарят и едят лягушек и встречаются с готовой их линчевать толпой. И к тому времени, когда сковывавшая их цепь наконец распадается, они уже готовы пожертвовать своей свободой, только бы не расстаться. Ожидая, когда их настигнет погоня, Каллен поет над раненым белым другом негритянский блюз «У нас все хорошо». Два представителя двух враждующих станок заключают сепаратный мир.

Фильм этот произвел на зрителей очень сильное впечатление — пожалуй, как ни один другой фильм ни до, ни даже после него. Причиной тому, вероятно, была блестящая игра Сиднея Пуатье и Тони Кэртиса. И, конечно, ни в одном другом фильме столь явно не ощущалась физическая близость и дружба между белым и негром.

ОТХОД ОТ ПРЯМОЛИНЕЙНОСТИ

В 60-е годы прямолинейная страстность уступила место интеллектуальной многогранности. Голливуд, видя растущий интерес страны к борьбе за гражданские права и повышенное внимание американцев к расовому вопросу, понял, что и белые и черные зрители ждут фильмов на эти темы. Начиная с «Изюминки на солнце» (1961) и кончая лентой «Коттон появляется в Гарлеме» (1970), столкновение негра с белым становится основной темой фильмов, которые стремятся не только воспитать зрителя, но и доставить ему удовольствие. Идея в них подается без нажима и с большей изобретательностью, хотя, в сущности, сдержанность таких фильмов вызвана не опасениями оскорбить зрителя, но, скорее, боязнью наскучить ему. Остро драматические конфликты уравниваются бытовыми ситуациями, и фильм апеллирует скорее к любознательности и художественному вкусу зрителя, чем к его идеологии.

«Изюминка на солнце», экранизация бродвейской пьесы покойной Лоррейн Хэнсбери, выводит негритянскую семью, которая должна решить, что делать с 10 000 долларов, полученных после смерти отца по страховому полису. Дочери деньги нужны, чтобы поступить в медицинский институт, сын же хочет в компании с какими-то проходимцами открыть винную лавку. Мать, однако, использует значительную часть полученной суммы на покупку дома в «белом» районе. Некоторые критики были недовольны «буржуазными» устремлениями действующих лиц, так как это роднило их с белыми представителями среднего класса.

Однако изображать жизнь негров в Америке в рамках реальных бытовых вопросов — заботы об образовании, о деньгах и о собственном доме, — ничуть не менее важно, чем разжигать страсти вокруг нее. Ведь

сейчас более 300 000 негров учатся в высших учебных заведениях, тысячи стали адвокатами, врачами и священниками, сотни избраны на должности мэров, конгрессменов, шерифов и членов городских советов. Уже возник многочисленный средний класс негров со всеми достоинствами и недостатками, всегда присущими этой прослойке независимо от цвета кожи и национальности. Многие негры уже приняли решение по центральному вопросу «Исюминки на солнце» и для начала стали покупать дома в белых районах, неодобрительно встречающих «цветных» вторженцев. Можно вспомнить и другое место фильма: ухаживающий за дочерью красивый негр студент из Нигерии, приехавший в США по программе культурного обмена, уговаривает ее носить африканские наряды и учиться танцам Африки. В этой части фильм пророчески предсказал события ближайшего будущего.

Сын, возмущающийся окружением, которое не соответствует его честолюбивым запросам, горячится по любому поводу. В исполнении Сиднея Пуатье этот образ человека, живущего нормальной семейной жизнью, пререкающегося с женой и по утрам наспех глотающего яичницу, гораздо ближе и понятнее белому зрителю, чем герои негры предыдущих фильмов, возвышающиеся темными одинокими силуэтами на фоне американского общества.

СИДНЕЙ ПУАТЬЕ

В перечисленных фильмах не раз упоминается имя Сиднея Пуатье, и здесь уместно будет задержаться на нем. Пуатье — первый негр, ставший в США кинозвездой, а не просто популярным киноартистом, как, скажем, Луис Армстронг или Сэмми Дэвис-младший. Гибкий, полный внутренней силы, как сжатая пружина, Пуатье излучает невидимую энергию и выказывает нравственное превосходство, которое обычно и необходимо для его амплуа. В то же время блестящая мимика актера позволяет ему с необычайной легкостью передавать тончайшие нюансы человеческих переживаний — от гнева и отчаяния до восторга и заразительного веселья. Его лицо отвечает самым строгим требованиям кино: природа позаботилась о том, чтобы черты соответствовали характеру. Операторам остается только уловить эти черты. Сейчас начинают выдвигаться и новые актеры — Раймонд Сент-Жак, Калвин Локхарт и комик Годфри Кембридж, но, насколько можно судить, белая публика предпочитает впивать идею интеграции в работах Сиднея Пуатье.

Очень типичен Пуатье в роли привлекательного героя фильма «Полевые лилии» (1963). Фильм этот свеж и радостен, как утренняя роса, и неправдоподобен, как детская сказка. Демобилизованный ветеран Второй мировой войны останавливается на минуту у обветшавшего монастыря, чтобы наполнить водой радиатор своего автомобиля. Там он встречается с монахинями, которые уговаривают его пожить в монастыре и выстроить им часовню. Голливуд обладает удивительной способностью преподнести зрителю любой сюжет или любую точку зрения и в то же время, соблюдая все предосторожности, оставаться в стороне. Здесь негр впервые показан в обществе застенчивых и беззащитных монашек, которые не только не смотрят на него свысока, но и черпают в нем нравственную и физическую поддержку. И тем не менее, в этом пасторальном окружении Пуатье все же остается добрым слугой, в котором монашки души не чают. «Полевые лилии» в суш-

ности мало содействуют делу интеграции, они скорее отсрочивают ее. Фильм переносит способного, brave, смелого негра из его естественного окружения в безмятежную жизнь среди белых, и завязавшиеся отношения оказываются благотворными для обеих сторон.

БЕЗ РИТОРИКИ

Спокойным тоном отличается также «Раз картошка, два картошка» (1964) — фильм, рассказывающий о фактическом событии с обстоятельностью работника службы социального обеспечения. В одном городке на Западе США брошенная мужем белая женщина выходит замуж за негра, с которым познакомилась, работая на фабрике. Суд, однако, решает отдать ее ребенка бывшему мужу на том основании, что, живя в черно-белой семье, даже в счастливой и не бедной, белый ребенок не избежит психологической травмы. Хотя фильм и не обладает особой кинематографической увлекательностью, действие его развивается правдоподобно и естественно — на ферме и на фабрике, то есть в местах, где в США можно встретить немало негров.

Герои изображены робкими, одинокими людьми, словно зритель брак людей разных рас может показаться естественным лишь в том случае, если у людей не остается другого выхода. Однако самое развитие сюжета подано весьма убедительно и с большой правдивостью.

Типичные детали — нежелание родителей негров принять белую невестку в свою семью и тщетные поиски мужем негром доброжелательного адвоката — без излишнего нажима доказывают, что недружелюбное отношение общества может омрачить счастье отдельных его членов. Черно-белая пара, чуждая борьбе за гражданские права и пышных фраз, замыкается в свой личный мир, находит счастье друг в друге, играет «в классы» на дорожках парка и разгуливает по темным улицам городка, держась за руки. Это умение сохранить свое личное счастье и наполняет фильм большой внутренней силой.

Также лишен пышных фраз, но более сложен, полнокровен и занимателен фильм о неграх Юга «Только человек» (1965), поставленный на скромные средства двумя телеоператорами-документалистами по собственному сценарию. Герой фильма, сезонный железнодорожный рабочий, живет трудной жизнью члена рабочей бригады. Спит он в вагоне и в негритянский район города заходит лишь в поисках выпивки и женщин. Но, женившись по любви на дочери местного негритянского священника, пресмыкающегося перед белыми, он лишается своего звания чужака, служившего ему защитной оболочкой: ему приходится сопротивляться давлению, побуждающему его слиться с общей жизнью, и отстаивать свою независимость. Он поговаривает об организации профсоюза на своей новой работе на фабрике, но лишается места и, ожесточившись и отчаявшись, уходит из дому. В конце фильма герой возвращается, но упорно держится за право жить спокойно в своей семье. Фильм предоставляет зрителю гадать, удастся ли герою осуществить свое намерение или нет.

Фильмы о жизни негров на Юге, как «Только человек» или «Осквернитель праха», с художественной стороны обладают тем преимуществом, что действие их разы-

«Только человек» (1965) отличается отсутствием патетики, безыскусственностью и демонстрирует не только проявление расовых предрассудков, но и диалект негров южан, их юмор и чувствительность, которые противопоставляются лицемерию белых.

«Догадайтесь, кто придет к нам на обед» (1967). Фильм с участием Катрин Хепбэрн (в центре), ознаменовавший начало более светлого изображения расовых взаимоотношений. Острая тема смешанного брака в нем смягчена изрядной дозой оптимизма.

«В душевной южной ночи» (1967) — это поединок самодовольного южанина-начальника полиции (Род Стейгер) и мягкого, но упорного детектива-северянина (Сидней Пуатье). В этом фильме зреет схватка двух рас, но в воздухе уже реют предвестники победы идеи равенства.

«Домовладелец» (1970) — расовый конфликт в сочетании с легкомысленными нотками и комическим элементом (отлично переданными Бо Бриджесом и Пэрл Бейли). Киноискусство переросло свою застенчивость и смущение перед расовым вопросом: фильм свободно подшучивает над обеими расами.

«Древо познания» (1969). Фильм, поставленный негритянским фотографом Гордоном Парком по его собственному сценарию, который базируется на воспоминаниях автора о его детстве в Канзасе, успешно перенес на экран красоту и силу негритянской жизни в США.

грывается в четких рамках определенной общественной структуры. С историей развития американского Юга (как это признал Уильям Фолкнер) негр связан органически, и связь эта рождает отклики и возможности, которых не найти на безличном, менее устойчивом Севере.

«Только человек» отличается отсутствием патетики, безыскусственностью и демонстрирует не только проявление расовых предрассудков, но и диалект негров южан, их юмор и чувствительность, которые противопоставляются лицемерию белых.

ПОРЯДОЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНОСТЬ

Фильм «Догадайтесь, кто придет к нам на обед» (1967) Стэнли Крамера ознаменовал начало более светлого изображения расовых взаимоотношений. Острую тему смешанного брака Крамер смягчает изрядной дозой оптимизма. Действие разыгрывается в доме богатого либерального издателя сан-францисской газеты (Спенсер Треси) и его жены (Катрин Хепбэрн), заведующей модной художественной галереей, то есть в обстановке, совершенно чуждой расизму и нетерпимости. Расовый вопрос, нависающий неясной угрозой, деликатно переводится из жестокого мира ненависти и предрассудков в удобную область личного знакомства и разговоров, позволяющих надеяться на разумное его решение. Тем временем Крамер приглашает нас, впервые в фильме на эту болезненную тему, полюбоваться одеждой хозяев, их манерами, картинами на стенах гостиной, видом на залив. Фильм словно намекает зрителям, что и они в подобном положении вели бы себя с достоинством, как и полагается людям порядочным и культурным.

Когда дочь этих порядочных людей приводит на обед своего жениха, приехавшего из Гавайского университета, она с удивлением открывает, что родители, воспитавшие ее на принципе равенства всех людей, сами не могут скрыть смущения и растерянности, увидев, что дочь выходит замуж за негра. Талантливый человек, известный ученый, работающий в Организации Объединенных Наций, жених обладает импозантной внешностью, прекрасными манерами и непринужденной уверенностью в себе — Голливуд, видимо, решил наградить негра всеми добродетелями сразу за столь долгое пренебрежение к нему. Большинство критиков (но не зрителей этого имевшего исключительный успех фильма) высмеивало такую идеализацию героя, равно как и ансамбль из трех известнейших кинозвезд и изящные декорации. Однако режиссер Крамер откровенно использовал все козыри киноискусства для пропагандирования важной социальной идеи. Знаменитая пара — Треси и Хепбэрн, — снимавшаяся во многих фильмах, давно уже стала в глазах зрителей воплощением американской порядочности и культуры, и на этой репутации их и основывалось действие фильма.

Несколько мутных брызг печальной действительности все же пятнают блестящую поверхность этой идиллии. Достопочтенные родители жениха, негры среднего класса, ничуть не стремятся к интеграции и предпочли бы, чтобы сын женился на чернокожей. Самоуверенная служанка негритянка в доме невесты возмущается непринужденностью и свободой, с которыми представитель ее расы врашается в мире белых. Культурнейшая мать невесты чуть ли не без со-

знания падает в кресло, увидев, что будущий зять черен как сажа. Таково правдивое отражение неловкости и колебаний, существующих в обществе в период социальных сдвигов. И основной вопрос фильма — не лицемерят ли либералы, заявляя о своей теоретической преданности принципам дегрегации? — свидетельствует о новой гибкости и самоанализе кино в подходе к расовому вопросу. Фильм заканчивается тем, что обе стороны в конце концов одобряют этот черно-белый брак. И зритель, внутренне соглашаясь с таким решением, видит и самого себя в новом свете. Небольшая реформа в нашем образе мышления помогает нам, хотя бы в воображении, подняться на высшую ступеньку.

ШАБЛОН НАИЗНАНКУ

Совершенно непохожа на либерально-космополитическую атмосферу Сан-Франциско обстановка фильма «В душевной южной ночи». Сцена действия — захудалый городок штата Миссисипи, где сохранились еще все демаркационные линии между черными и белыми и уцелели в девственной чистоте стереотипы старой Америки — надменный владелец плантации и самодовольный начальник полиции. В этом захватывающем, напряженном фильме на расовую тему зреет схватка двух рас, но в воздухе реют предвестники неминуемой победы идеи равенства. Проезжающего через городок Сидней Пуатье арестуют по подозрению в убийстве. Но когда негра приводят в полицию, он хладнокровно и с апломбом предъявляет документы, удостоверяющие, что он — детектив филладельфийской полиции, а в эти края приехал навестить мать.

Эту роль можно назвать шаблоном наизнанку: превращением негра в одного из любимых героев Америки — полицейского, отстаивающего интересы закона с помощью смекалки, а не дубинки. Весь фильм создан по принципу выворачивания шаблонов наизнанку. Пуатье мягок, но упорен в своем поединке с разложившимися местными властями. Обладая безошибочным чутьем, он вскоре раскрывает преступление. Озадаченный начальник полиции, сочно сыгранный Родом Стейгером, нехотя проникается уважением к профессиональному мастерству Пуатье и даже уважением и любовью к самому негру. В этой трогательной притче о неизбежности социальных сдвигов слышен голос американского Юга, в раздумье говорящего: «Да, может быть».

Если детектив Пуатье приезжает на Юг с полным знанием расовых противоречий, пронизывающих этот край, то Элгар, юный белый герой фильма «Домовладелец» (1970), появляется в негритянском районе Нью-Йорка с более чем туманным представлением о тамошней жизни. В цветистой розовой рубашке, с невинными, как у теленка, глазами, он приходит в купленный им многоквартирный дом, собираясь устроить в нем обитель артистической богемы с абстрактными картинами на стенах и кормушкой для птиц во дворе. Негритянская молодежь, собравшаяся у парадного, встречает его улюлюканьем; пышная матрона в цыганском наряде, с гигантскими серьгами в ушах (джазовая певица Пэрл Бейли) приглашает его позавтракать с нею; жильцы жалуются на то, что в квартирах не закрываются краны и обваливаются потолки. Он принимает приглашение на вечеринку и в конце концов проводит время с хорошенькой негритянкой парикмахершей, муж которой сидит в тюрьме за гражданское неповиновение. Несмотря на пустой сюжет, фильм верно изображает некоторые черты

негритянского быта — то, что критик Гарольд Круз называет «этничностью», — нечто в нем, связанное не только с бедностью, расовой солидарностью и недоверием к белым, но и с жизнерадостностью, бурным темпераментом и колоритной речью.

В одной граничащей с фарсом и, конечно, «этнической» сценке неподражаемая Пэрл Бейли приглашает прекрасно сохранившуюся, но несколько тшедушную мать Элгара позавтракать с нею, произнося загадочную фразу: «Как же вы, белые люди, будете защищаться, если отказываетесь от еды?» Обе садятся завтракать, и вскоре белая женщина отбрасывает напускную сдержанность и, разлегшись на полу, начинает петь песни и рассказывать о романах своей молодости. Это, конечно, напоминает старые фильмы с белыми богачками, расхаживающими простоволосыми, не стеснясь негритянской прислуги. Но в «Домовладельце» спокойно и непринужденно держится негритянка, а богачка нервничает и заискивает перед ней.

«Домовладелец» не смог воздать неграм должное, не отняв при этом у белых то, что им причитается. Отец героя изображен не просто расистом, но и карикатурой на расиста. Мать — лицемерка. Отпустив колкое замечание о негритянке, за которой ухаживает сын, она тут же замечает: «Впрочем, мы, конечно, либералы. Разве мы не ходили всем семейством смотреть фильм «Догадайтесь, кто придет к нам на обед»? Тот факт, что в одном фильме упоминание о другом служит характеристикой культурного уровня действующих лиц, весьма любопытен. Это еще раз свидетельствует о способности киноискусства вызывать в нас невидимые глазом, но существенные изменения.

Наиболее радикальными новинками в таких последних фильмах, как «Домовладелец» и сюрреалистический «Путни Суоп», можно считать введение в расовый конфликт легкомысленных ноток и комического элемента, подчеркиваемых пародийностью и фрагментарностью современного кино. Киноискусство переросло свою застенчивость и смущение перед расовым вопросом: фильмы могут свободно подшучивать и над белой, и над черной расой, не боясь никого обидеть, и наши обоюдные страхи заменяются целительным смехом. Ибо, как говорит Симпл, персонаж произведений негритянского писателя Лангстона Хьюза: «Белые люди расценивают расовый вопрос по тем трудностям, которые они преодолели. А мы, негры, расцениваем расовый вопрос по тем трудностям, которые нам еще предстоит преодолеть». Если подумать о том, сколько энергии, талантов и надежд связано с расовым вопросом, то трудно поверить, что существует еще обширная территория, куда не ступала нога ни одного кинодеятели. Еще не появились ни фильмы, отражающие роль негров в политике, в университетах и в деловой сфере, ни экранизации таких замечательных романов, как «Человек-невидимка» Ралфа Эллисона, «Кэйн» Джин Тумер или «Иди поведай об этом на горе» Джемса Болдуина. И только фильм «Древо познания», поставленный негритянским фотографом Гордоном Парком по собственному сценарию, который базируется на воспоминаниях автора о его детстве в Канзасе, успешно перенес на экран красоту и силу негритянской жизни в США со всей ее горечью и весельем. Может быть, приход в кино юмора, по природе своей не чуждого противоречиям, открывает нам новые пути подхода к этой многогранной проблеме.

ФОТО АРНО ДЕ РОНЕЙ
С разрешения журнала «Vog»

ДЛЯ ЛЕТНЕГО ОТДЫХА

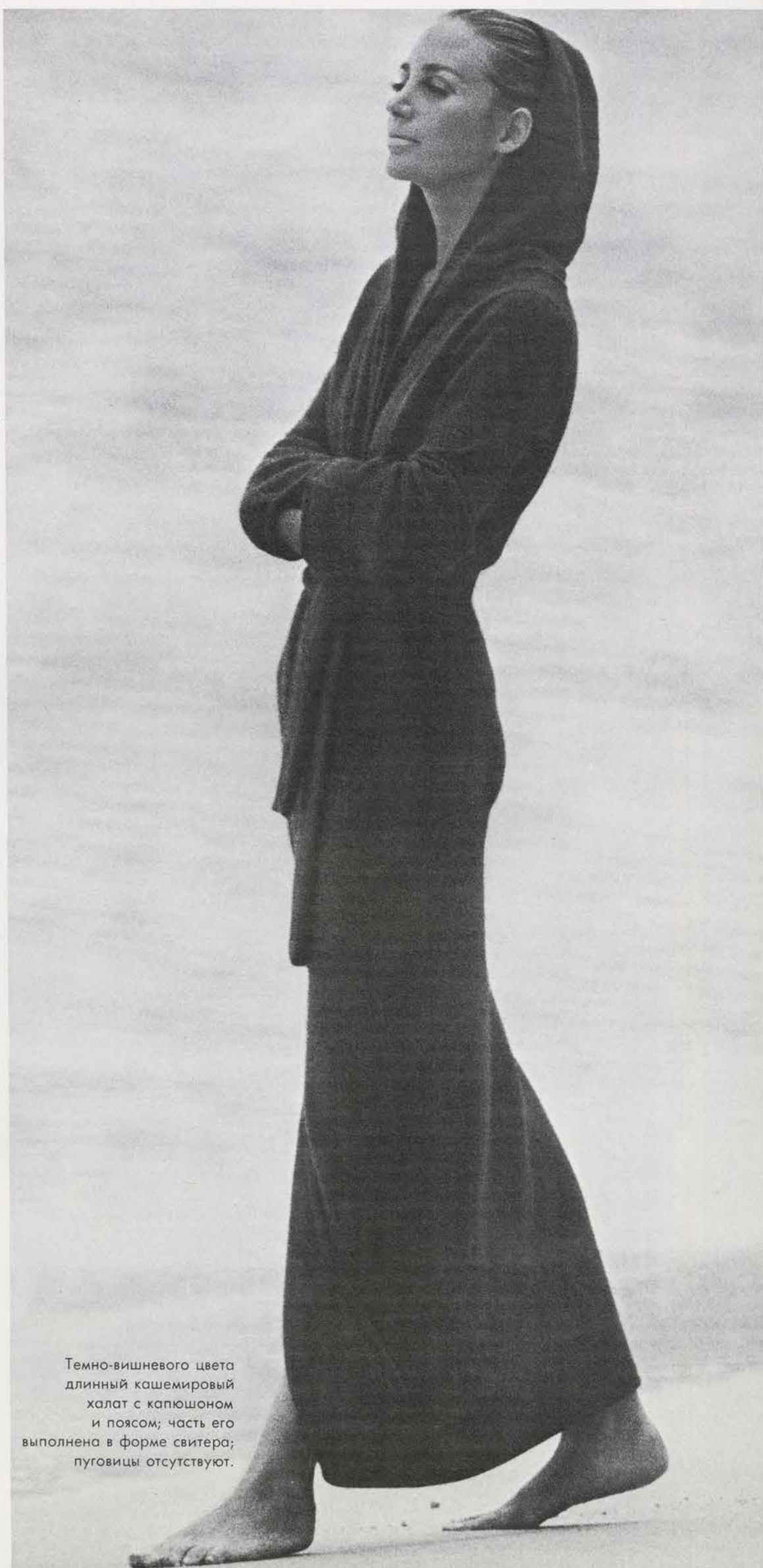
Лето, как известно, — время отпусков, а отпуск каждому хочется провести легко и беззаботно. И вот тут на помощь отдыхающим пришли модельеры, создав легкие и удобные наряды. И будь то пляжный комплект или костюм для прогулок при луне, женщина всегда выглядит в них привлекательной и элегантной.

Акт. право: изд-во «Конде Наст» под лицензией.

Шелковые брюки цвета бирюзы с набивными розовыми рыбками; к ним бирюзовая рубашка из хлопчатобумажной ткани.

Темно-вишневого цвета длинный кашемировый халат с капюшоном и поясом; часть его выполнена в форме свитера; пуговицы отсутствуют.

Легкое и изящное
черное платье, выполненное
из джерсе, поражает
своей простотой. Наряд
дополняют белые
пластиковые браслет и кольцо.

РОБЕРТ ПЕННА УОРРЕН

ЗНАТОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ЛУИС Д. РУБИН

Из американских писателей по разнообразию творчества Роберта Пенна Уоррена можно сравнить лишь с Эдгаром Алланом По. Ибо если трудно определить, в какой именно области больше всего проявил себя Эдгар По — в поэзии, в новелле или в критике, — то и Роберта Пенна Уоррена невозможно втиснуть в рамки одного жанра. Недаром последнюю премию —

Национальную медаль за литературу — он получил в 1970 году по решению Национального книжного комитета не за какое-либо одно произведение, но за все свое обширное и многогранное творчество. Уоррен известен как романист, и его роман «Вся королевская рать» удостоился Пулицеровской премии по литературе. Уоррен известен и как поэт, начавший писать стихи еще студентом Вандербилтского университета в 20-х годах, получивший Пулицеровскую премию по поэзии и ставший первым в США дважды лауреатом этой премии. Как литературный критик Уоррен тоже пользуется большим влиянием, а учебники, которые он редактировал вместе со своим другом Клинтон Бруксом, способствовали перевороту в преподавании поэзии в американских колледжах и университетах.

Но и это еще не все. Неослабевающий интерес Уоррена к проблемам американского общества побудил его написать несколько небеллетристических произведений, содержащих анализ и толкование прошлого и настоящего США. Он написал стихотворную повесть, несколько пьес в стихах, одну биографию и ряд детских книг по истории Соединенных Штатов. С 1935 года до 1942 года он был соредактором «Саутерн ревью», наиболее значительного, по мнению многих, литературного журнала того времени. И, наконец, Уоррен — талантливый преподаватель, почти всю жизнь читавший лекции в различных университетах.

Потому-то так трудно зачислить «Рыжего» Уоррена (прозванного так за гриву рыжих волос и усыпанное веснушками лицо) в одну определенную категорию. И не только потому, что он проявил себя с блеском в различных литературных жанрах, но и потому, что он внимательно ко всему присматривается, чужд критического догматизма и охотно готов признать достоинства всех видов литературной деятельности. «Хотя его как критика и причисляют обычно к «формалистам» и «классицистам», — сказал о нем английский литературовед Эрик Бентли, — но в действительности Уоррен гораздо ближе к романтикам — буйный, стремительный, разнообразный, сочетающий в худших своих образцах ум с неуклюжестью, в лучших — блеск с глубиной». Но вслед за этим Бентли поспешно добавляет: «С другой стороны, Уоррен обладает высокой самодисциплиной».

Литературные вкусы Уоррена отличаются широтой и разнообразием. Никто другой не писал с такой проникательностью о нравственных коллизиях Американского Юга в романах Уильяма Фолкнера, одного из крупнейших стилистов американской и английской литературы XX века. И тот же Уоррен оказался автором шумевшей статьи с высокой оценкой творчества Теодора Драйзера, которого можно ценить за что угодно, только не за стилистические красоты. Стихи Уоррена зачастую отличаются изощренностью слога и интеллектуальной насыщенностью, требующими от читателя пристального внимания, но его самый известный роман «Вся королевская рать» написан намеренно грубым языком, с массой просторечий и даже вулгаризмов. И хотя ни один американский писатель нашего века не отражал с большей силой борьбу идей, чем Уоррен, и не уделял больше внимания вопросам познания, эстетики и этики, — темами его романов и стихов служат обычно происшествия, которые попадают на первые страницы ежедневных газет: головокружительная карьера и гибель политического демагога-реформатора, зверское убийство негра в штате Кентукки в прошлом столетии, яростная борьба объединения табачников с пытающимися их задушить трестом, пестрая жизнь промышленного магната, трагедия человека, заваленного под землей, и изменения в жизни соседнего городка, вызванные этим несчастным случаем.

Связь между умозрительными формулировками и теориями, с одной стороны, и неприглядной реальностью будничной жизни, с другой, отнюдь не случайна для Уоррена: именно она и есть центр и ось его творчества. В различных планах и на различных уровнях он как романист, поэт, критик и эссеист отображает эту взаимосвязь между идеей и событием, между гибкостью теорий и упрямством фактов. В одном из своих самых известных критических очерков Уоррен охарактеризовал писателя Джозефа Конрада словами, которые можно отнести и к нему самому:

«Для писателя философского склада, как и для поэта, стремление к непосредственному переживанию, даже цепко и живо захватывающему его, есть не что иное, как стремление к познанию смысла этого переживания».

Конфликт между тягой к познанию и необходимостью следовать велениям желаний и чувств является для Уоррена центральным конфликтом жизни, в котором, как в фокусе, пересекаются все линии человеческих переживаний.

В первом романе Уоррена «Ночной всадник» (1939) молодой адвокат Перси Манн присоединяется к борьбе фермеров-табаководов против табачных трестов, пытавшихся в начале нашего века установить в штатах Кентукки и Теннесси низкие закупочные цены на листовую табак. С большим искусством Уоррен изображает сложные причины, побуждающие героя отрешиться от спокойной кабинетной работы и ринуться в бурные и гибельные сражения «табачной войны». К идеализму Перси Манна подмешиваются стремление к власти и желание обрести смысл жизни и себя самого на арене общественной борьбы. Постепенное моральное падение Манна, жертвующего принципами ради популярности, превращает его в виновника одного убийства и, в конце концов, в жертву другого. Это роман о конфликте между идеалами человека и его поступками, и в нем нравственная стойкость героя подвергается испытанию в борьбе, достигающей высокого накала.

События, описанные в «Ночном всаднике», не придуманы Уорреном: писатель родился и рос в городе Гатри (Кентукки), оказавшемся в самом центре разгоревшейся в начале века табачной войны. Уоррен не раз строил сюжеты своих произведений на отдельных эпизодах истории Американского Юга, где он родился и прожил большую часть жизни до 35 лет. Местом действия его второго романа «У небесных врат» (1943) стал город Нашвилл (Теннесси), где автор учился в Вандербилтском университете. Герой романа финансист Боган Мэрлок, не видя смысла в своей жизни, пытается найти его в положении, дающем ему право распоряжаться действиями и судьбами других людей.

В Вандербилтском университете Уоррен присоединился к кружку молодых поэтов «Беженцы с Юга». По меньшей мере трое «беженцев» — сам Уоррен, Джон Кроу Рэнсон и Аллен Тэйт — стали известнейшими американскими поэтами века. Впоследствии Уоррен продолжал образование в Калифорнийском и Йельском университетах, а затем на несколько лет поехал в Англию, в Оксфордский университет. Там он и обратился к художественной прозе. По возвращении в Соединенные Штаты он сначала преподавал в Юго-Западном колледже и в Вандербилтском университете, а затем присоединился к своему другу Клинту Бруксу, профессору Луизианского университета в Батон-Руже.

В те годы самым известным политиком в Луизиане, державшим в руках весь штат, был Хьюи Пирс Лонг, сперва губернатор Луизианы, а затем сенатор США. Этот динамичный, опытный оратор-демагог пришел к власти и удержался на ее вершине благодаря тому, что в своей борьбе с заправилami штата, защищавшими интересы большого бизнеса, опирался на широкие массы американских рабочих и фермеров. Сделавшись фактическим диктатором Луизианы, Лонг не обращал внимания на конституцию штата; он нарушал или обходил мешавшие ему законы и понуждал законодательное собрание и суды одобрять его действия. Лонг сдержал обещание повысить налоги на фирмы и корпорации и развернуть строительство шоссеиных дорог, больниц и школ, и его сторонники, с восторгом указывая на эти успехи, просили ему взяточничество, коррупцию, растраты и нарушения законности. В середине 30-х годов, когда Уоррен приехал в Батон-Руж, влияние Лонга уже не ограничивалось пределами штата Луизианы, а угрожало распространиться на всю страну. Но 8 сентября 1936 года в вестибюле величественного 32-этажного здания капитолия штата Луизиана, которое Лонг выстроил в Батон-Руже, на жизнь Хьюи Лонга было произведено покушение, и вскоре он скончался от полученного огнестрельного ранения. Созданный им политический аппарат развалился, как только исчез сам Хьюи Лонг и окружавший его ореол.

Когда в 1946 году появился роман «Вся королевская рать», память о Лонге была еще свежа, и многие называли это произведение беллетризованной биографией Хьюи Лонга. Автор в конце концов запротестовал против такого мнения и заявил, что герой романа Вилли Старк не только не списан с Лонга, но что «даже если бы я и хотел взять Лонга прототипом Старка, то не знал бы, как за это дело взяться». Уоррен подчеркивал, что, хотя в основу сюжета и положены некоторые события жизни Хьюи Лон-

га, роман этот не беллетризованная биография: автор вывел похожего на Лонга героя, чтобы показать, на чем основана популярность политических деятелей такого типа и к каким последствиям могут привести демагогические призывы в условиях демократии. Повествование в романе ведется от первого лица. Джек Бэрден описывает жизнь Вилли Старка и размышляет о том, какую роль тот сыграл в его жизни и в жизни других людей. С помощью этого приема Уоррен анализирует миф о «сильной личности» в политике и характер человека, создающего политический аппарат для собственного употребления и злоупотребления.

Вилли Старк, «человек из народа», задается целью свалить опавшихся в правительстве штата политиков старой школы, ориентирующихся в своем бесконтрольном управлении штатом главным образом на интересы привилегированного меньшинства. Старк, с одной стороны, идеалист, с другой — трезвый реалист в политике. Он понимает, что для того, чтобы прийти к власти, а затем удержать и расширить ее, необходимо играть на эгоистических чувствах людей. Для достижения своих целей Старк не брезгует ничем: взяточничество, шантаж, запугивание — все средства оправданы, коль скоро они приводят его к цели. Но жажда власти неотвратимо подтачивает и разъедает искренние намерения Вилли Старка сослужить службу простым людям. И только когда властолюбие и честолюбие приводят Старка к личной трагедии, он начинает понимать, что компрометирует благородные цели. Чтобы укрепить пошатнувшуюся веру в самого себя и в чистоту своих намерений, губернатор решает построить бесплатную больницу, причем сделать это так, чтобы никакие соображения о политической или личной выгоде не повлияли на ее постройку. Однако, настаивая на этом, Старк забывает, что все его успехи до сих пор были связаны именно с умелой игрой на сложном переплетении эгоистических человеческих интересов. Отказ от такой игры при постройке больницы, нежелание извлечь при заключении контракта политическую и финансовую прибыль приводит в движение цепь событий, кончающихся гибелью самого Старка и крахом созданной им империи.

Рассказчик Джек Бэрден, немного циничный молодой аристократ, соглашается, не строя себе иллюзий, работать на Вилли Старка, потому что только так находит возможность делать какое-то настоящее дело в мире власти и денег. В качестве помощника губернатора Джек выполняет поручения Старка и не возражает против того, что Вилли прибегает к любым средствам, лишь бы добиться поставленной цели. Именно Джек по требованию Вилли проводит расследование, которое губит в конце концов Вилли Старка, а также отца Джека и его друга детства — человека, от руки которого погибает Вилли Старк. И именно Джек, скорбя о случившемся и жалея других, приходит к пониманию того, что личную нравственность и этическую ответственность не заменить ничем и что его готовность следовать во всем за такими личностями, как Старк, в надежде избавиться от собственной ответственности могла привести всех близких ему людей только к трагедии.

Таким образом, «Вся королевская рать» вскрывает противоречие между притязаниями на политическое руководство и личной моральной ответственностью в демократическом обществе. Этот роман о сильной личности, о человеке, готовом одобрить дурные средства для достижения благородных целей и своей жизнью подтверждающем слова английского историка Актона: «Всякая власть развращает человека, а абсолютная власть развращает его абсолютно». И роман не потерял своего значения даже сейчас, спустя четверть века после своего появления в печати.

Уоррен написал с тех пор еще пять романов, замечательную повесть в стихах, пять сборников лирики, многочисленные критические статьи и три небеллетристических произведения. Хотя ни один из его романов не имел такого успеха, как «Вся королевская рать», некоторые принадлежат к его лучшим произведениям. В частности, общее внимание привлек к себе роман «Мира достаточно и времени» (1950), сюжетом которого стало нашумевшее убийство 1825 года в штате Кентукки. Роман показывает, какие социальные и личные причины толкнули молодого человека, нашедшего защиту и покровительство у старшего друга и влюбившегося в его бывшую любовницу, в сообщничестве с ней отправить друга на тот свет. Приговоренный за убийство к смертной казни, герой бежит на запад и скрывается на острове в дельте Миссисипи, но не может уйти от самого

себя, избавиться от чувства вины и моральной ответственности. Уже решившись вернуться и отдаться в руки правосудия, он сам становится жертвой убийства. В этом романе Уоррен опять использует действительное событие американской истории для того, чтобы поднать тему личной вины и нравственного долга.

Американская история — давнее увлечение Уоррена. Особенный интерес у него вызывает противоречие между идеологической целенаправленностью и насущной необходимостью. «Америка, — сказал он в одном интервью, — возникла из большого обещания — большого-большого обещания: Декларации Независимости. Но, живя этим в повседневной жизни, сталкиваясь с целым рядом осложнений, в особенности когда приходится зарабатывать деньги, заботиться о карьере, обеспечивать мировые рынки, выполнять обязанности, воспитывать детей и так далее...» Творчество Уоррена неразрывно связано с темой совести, с противоречиями, возникающими в американском обществе между личными интересами людей и их нравственными идеалами. В основу повести в стихах «Брат драконам» (1953) положен действительный случай с племянником Томаса Джефферсона, осужденного за исключительно зверское убийство беспомощного негра раба. В воображаемом диалоге между Джефферсоном и рассказчиком творец Декларации Независимости старается примириться с человеческой способностью к злу в чистом виде, проявившей себя в преступлении, которое было совершено его племянником.

Как и следовало ожидать от уроженца Кентукки, оба деда которого сражались на стороне южан в Гражданской войне, Уоррен уделяет много внимания положению в американском обществе негра — и раба, и будущего гражданина. В начале своей писательской деятельности Уоррен представил в 1930 году на аграрный симпозиум эссе «Моя точка зрения», в котором защищал сегрегацию на Юге. Однако, советуя неграм Юга занять свое место в «раздельном, но равном» обществе, Уоррен с такой настоятельностью подчеркивал всю важность соблюдения условий равенства для обеих сторон раздельного общества, что некоторые участники симпозиума протестовали против включения этого эссе в сборник. Вскоре после этого Уоррен полностью изменил свой взгляд на сегрегацию. В 1955 году, через год после того как Верховный Суд США объявил расовую сегрегацию в общественных учебных заведениях противозаконной, Уоррен выступил с требованием обеспечить полное равенство негров в США — в книге «Сегрегация: внутренний конфликт». Спустя десятилетие он написал книгу «Кто говорит от имени негров?» (см. «Америка» № 127), где анализировал положение негров в американском обществе и призывал страну покончить с последними остатками расовой дискриминации. Как всегда, внимание Уоррена привлекла в первую очередь психологическая необходимость преодолеть противоречие между американским идеалом равенства всех людей и действительностью расового неравенства.

Сейчас, в 1971 году, 66-летний Уоррен живет вместе с женой, писательницей Элеонорой Кларк, и двумя детьми-подростками в пригородном районе Коннектикута поблизости от Йельского университета, в котором он преподает. Писательским трудом он занимается неуклонно и регулярно и проводит почти каждый день несколько часов за пишущей машинкой, даже во время путешествий или отдыха в Белых горах или в Италии. «Рыжий обладает совершенно невероятной способностью к концентрации, — сказал однажды один из друзей Уоррена. — Где бы он ни находился — у себя дома или в шумной гостинице, — он там запирается, отключается от шума остального мира и с головой погружается в работу».

Последняя книга Уоррена, цикл стихотворений «Одубон: мечта» (1969), навеяна скитаниями орнитолога Джона Джемса Одубона по Югу и Западу Америки в XIX веке. И здесь Уоррена, конечно, больше всего привлекают нравственные конфликты и их роль в американской жизни: первобытная красота дикого, девственного материка, открывающего безграничные возможности для исследующего и покоряющего этот материк человека — безграничные возможности творить добро или зло. Уоррен уже несколько лет работает над новым романом. Ни один американский писатель не отобразил еще с такой верностью этические проблемы американской жизни, как Роберт Пенн Уоррен. И ни один современный американский писатель не вызывает такого уважения и восхищения своей бескомпромиссной честностью, как этот художник и мыслитель. ■

ПОЭТ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ

РОБЕРТ
ПЕНН
УОРРЕН

Речь в Библиотеке Конгресса в связи с получением Национальной медали за литературу, присужденной Национальным книжным комитетом.

Со всех сторон нам твердят, что мы переживаем кризис — кризис западного мира, кризис иудео-христианских традиций, кризис американского прогресса. Что же мы делаем здесь, собираясь в такую минуту по поводу этого — или любого другого — литературного события? Можно ли назвать нашу деятельность (воспользуемся модным словом) актуальной?

Когда я впервые вступил в это здание летом 1944 года, я не чувствовал в себе актуальности, то есть тесной связи с событиями эпохи. За несколько лет до того, в час тогдашнего кризиса, я просил зачислить меня в Военно-морской флот, но получил вежливый отказ. По слабости зрения, объяснили мне. С течением времени я все дальше и дальше отходил от актуальности и в конце концов занялся самым неактуальным делом — стал консультантом по вопросам поэзии при Библиотеке Конгресса.

Но вот однажды утром у меня зазвонил телефон, и капитан Икс, назвав себя, сказал, что хочет поговорить с консультантом по вопросам поэзии. Я ответил, что слушаю его. Видите ли, объяснил он, генерал Игрек написал песню для наших бойцов и хотел бы выверить размер стихов. И вот на одном конце провода генерал, отстукивая пальцем такт, начал читать мне свои стихи, а на другом конце такт отстукивал пальцем я.

Мы проделали эту операцию несколько раз, и я заверил генерала, что размер не оставляет желать лучшего. За время консультации я запомнил почти весь текст, но сейчас в памяти уцелели только две строчки, которыми я и поделюсь с вами:

И хотя хвастунов-гордецов не найдется меж нами,

Мы горды, что у нас — наше славное звездное знамя.

Этот случай меня очень обрадовал. Если в разгар Второй мировой войны генерал мог заниматься стихотворством, то, может быть, мое дело не совсем лишено признаков актуальности. Кто знает, не приносил ли генерал больше пользы своими стихами, чем принес бы, командуя армией? Вреда он, во всяком случае, мог причинить меньше.

Применив этот метод рассуждения к собственному состоянию, я пришел к выводу, что и в моем занятии есть актуальность, но актуальность особого рода. Я назвал ее негативной актуальностью. С тех пор я не расстаюсь с этой концепцией. Временами, когда у меня разыгрывает тшеславие, я даже подумываю о том, что мир стал бы гораздо более пригодным для жизни местом, если бы мой принцип негативной актуальности получил широкое распространение. Ведь сколько есть на свете людей, которые гораздо лучше выполняли бы свой гражданский долг, если бы удовлетворились состоянием негативной актуальности.

Но, вообще говоря, утешения такого рода недостаточно утешительны. Ощущение кризиса охватило все слои и прослойки общества. Даже дурманящие себя марихуаной недоучки бормочут вместе с поэтами о душевном кризисе, вызванном поисками «я», а взвинченные героиноном налетчики оправдываются в суде ссылками на свое отчуждение от общества.

Было время, когда печальные выводы шпенглеровского «Заката Европы» муссировались лишь среди романтически настроенных выпускников Гейдельбергского университета, глубочайших мыслителей Гринич-Вилледжа и разочаровавшихся в жизни аспирантов. Однако сейчас, если верить таким публицистам, как Чарлз Рейх («Зеленеющая Америка») и Льюис Мамфорд («Культура

больших городов», «Миф о машине» и др.), экс-юмористические журналы распространяют радостные вести о грядущем унынии среди домохозяек, распиивающих коктейли, и среди банковских дельцов, печалющихся о том, что их потомство не интересуется ни твердой валютой, ни делами Республиканской (или Демократической) партии.

Я совсем не хочу сказать, что Рейх и Мамфорд преувеличивают размеры охватившего нас кризиса, сказывающегося в загрязнении планеты, военной угрозе, расовом вопросе, урбанизации, образовании и всем прочем. Собственно говоря, я даже склонен думать, что они недооценивают серьезности кризиса, что их диагноз недостаточно решителен, а предложенные средства борьбы, не учитывающие некоторых важных аспектов нашего отношения к науке и технике, временами напоминают смесь проповеди со знахарством.

Короче говоря, они пренебрегают природой человеческого существа, тем, что в старину называли первородным грехом. Другими словами, мы нуждаемся в «актуальном» больше, чем утверждают литературные пророки гибели. Но что же такое актуальность?

Говоря о литературе, а именно о ней ведь мы сейчас и говорим, следует поставить очевидный вопрос: «Какие темы отвечают нашему времени?»

Почти 150 лет назад юный Натаниел Хоторн, отгородившись от реального мира, писал у себя в мансарде рассказы. Не говоря о том, что сам факт писания рассказов заслуживает порицания, рассказы эти были о давнем прошлом.

Впоследствии, все еще занятый размышлениями о прошлом, Хоторн переехал в Конкорд. Там соседом его оказался человек, поглощенный актуальными вопросами. Сосед не писал вымышленных историй — он учил людей жить и к прошлому относился крайне пренебрежительно. Он был пророком с магическим кристаллом и, пользуясь им, нужно признать, не раз верно предсказывал будущее.

Хоторн, вполне естественно, был не особенно высокого мнения о своем соседе, и тот платил ему тем же. Порой Хоторн и Ралф Уолдо Эмерсон встречались, гуляя по лесистым тропам Конкорда, и расходились — Эмерсон с актуальными мыслями о современности и о светлом будущем, Хоторн с неактуальными мыслями о прошлом. «Эмерсон, — как сказал о нем впоследствии Генри Джемс, — будучи своего рода духовным солнцепоклонником, не придавал большого значения кошачьей способности Хоторна вглядываться в темноту».

Мы высоко цтим Эмерсона, пророка, предсказания которого сбылись. Но сбывшись однажды, они в дальнейшем перестали сбываться. И по мере того как предсказанное Эмерсоном будущее становится для нас все более и более далеким прошлым, сам Эмерсон величественно отступает на задний план в глубины истории. Но то, что увидел во тьме своим кошачьим зрением Хоторн, распахнуло перед ним будущее и сделало его актуальным для нас. Он умер более ста лет назад, но его творчество дает нам сложный, многогранный и новаторский анализ человеческой души, в которой мы узнаем свою собственную.

Эмерсон перед актуальностью преклонялся. Хоторн ее собою воплощал.

Мораль этой истории та, что современникам нелегко определить, в чем заключается актуальность. То, что рекламируется как актуальное, может иметь к подлинной действительности такое же отдаленное отношение, как длина юбки к женской анатомии или — возьмем другое сравнение — может быть откликом на симптом, а не на самую болезнь. Дело ведь не в злободневности сюжета. Дело в том, насколько прочно писатель связан корнями со своим временем, насколько чувствительно он реагирует на него и, как это ни парадоксально, насколько упорно он ему сопротивляется.

Ибо писатель обязан сопротивляться своей эпохе. Настоящее произведение всегда рождается в драматическом процессе слияния автора с эпохой и сопротивления ей. Джон Мильтон был в самом глубоком смысле слова человеком XVII столетия, но, создавая «Потерянный рай» в эпоху короля Карла II, разве он шагнул в ногу с временем?

Вопрос о соотношении между злободневностью и актуальностью весьма увлекателен. Станет ли в конце концов «Энеидой» нашего нового Рима «Голый завтрак» Уильяма Берроуза или «Жалоба Портного» Филипа Рота? Но поставим вопрос еще более остро: актуальна ли в наше время поэзия, как таковая, понимая под этим термином всю художественную литературу?

Можно, конечно, просто сказать, что без поэзии не обошелся ни один век, что людям обязательно нужна поэзия того или иного рода, и затем поспорить о том, какой именно должна быть поэзия сейчас. Действительно, если мы под поэзией в самом широком смысле будем понимать речь, стремящуюся к эмоциональному воздействию, то никогда еще в мире не было столько поэзии, как в наш век средств массовой информации и связи.

Эфир наполнен поэзией, трибуны ломаются от нее, магазины ежегодно распродают миллионы грампластинок с так называемыми народными балладами в исполнении какой-нибудь знаменитости; без поэзии замер бы в воздухе палец сидящего за машинкой составителя реклам, прилип бы к гортани язык пресс-агента, а «Вестник Конгресса», наполненный речами ораторов, приобрел бы легкость крылышка стрекозы, порхающей в солнечном свете.

Задумаемся на минуту о поэзии, которая порой слышится на другой стороне этой улицы — в Капитолии. Марианна Мур как-то сказала, что ее поэзия имеет дело с воображаемыми решениями воображаемых проблем. На другой стороне этой улицы слышится поэзия иного рода, кажущаяся иной раз близкой к той, о которой говорит Марианна Мур. Эта поэзия имеет дело с реальными решениями воображаемых проблем.

Иногда, впрочем, поэзия ищет воображаемые решения реальных проблем. Когда гений начинает разгораться, поэзия берется за воображаемые решения воображаемых проблем. Но иногда она поднимается над смертной мыслью и берется за воображаемые решения воображаемых проблем воображаемых людей — то есть людей, у которых черпают сведения для опросных листов социологи, людей более бесплотных, чем абстрактные схемы экономистов.

Но если поэтические упражнения такого сорта, как стихи Рода Маккуна и других подобных поэтов, скользят по жизни, почти не задевая нас, что же мо-

жет нас задеть? Ответ ясен: все, что «реально», ибо болезнь нашего века заключается в чувстве отрыва от реальности. Человек ощущает, что какое-то средостенье воздвиглось между ним и природой, между ним и другими людьми, между ним и его собственной сущностью. Это ощущение и порождает обшную жизнь хиппи, влечение молодежи к «культуре наркотиков» и прочее.

Однако оставим в покое злободневность и актуальность и подумаем теперь о качестве, неотъемлемом от поэзии, от всякой нашедшей себя художественной литературы. Начнем с того, что «реальна» всякая поэзия, связанная с подлинностью языка.

В нашем глухом от собственной крикливости обществе нас совершенно захлестывает поток речи. Но это речь сниженная, в которой слова случайно-приблизительные вытесняют слова подлинные, точные. Еще хуже то, что язык становится только удобным способом указать на вещь. От этого язык выцветает, теряет присущую ему выразительность. Он перестает быть частью переживаемого и сопереживаемого, показателем реальности говорящего и реальности читателя или слушателя, физически ощущающих шевеление чужих слов в собственной гортани.

«Скоростное чтение» — метод, может быть, и пригодный для некоторых специальных целей, — это последняя и окончательная деградация языка. Поэзия, как и вся художественная литература, достойная этого звания, противится «скоростному чтению», ибо в художественном слове (приспособим лозунг Маршалла Маклуана для нашей цели, которой он вряд ли посочувствует) содержанием становится «среда».

Для первобытного человека слово не было абстракцией, способом указать на вещь. Выкрикивая слово, на его языке означавшее «тигр», он не просто указывал буквально или символически на далекого предка зверя, ныне определяемого как *Panthera tigris*. Он выражал страх, трепет и восхищение. Так и Уиллям Блейк не просто указывает на особь вида *Panthera tigris*, когда восклицает:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши...

Безусловно верно, что только благодаря специализированному языку, пригодному для работы с абстрактными понятиями, мы получили доступ к обширным залежам познаний, которые, например, скрываются уже в самом ярлыке-названии *Panthera tigris*, и колоссально расширили свои возможности. Мы можем купить дальнобойную винтовку, полететь в Непал и, без всякого страха, трепета, восхищения и риска, как и подобает цивилизованному человеку, ухлопать там тигра. Но ради этого и других подобных преимуществ мы пожертвовали языком, способным питать связи, которые мы, как видно из наших жалоб, утратили — связи с природой, друг с другом и с самим собой.

Но не можем ли мы сохранить оба языка? Будучи художником, писателем творит новый язык, объединяющий первобытную чуждость абстракции и глубину чувства со способами цивилизованного человека к абстракции. Вильям Блейк уже в следующих строчках своего стихотворения ставит сложный теологический вопрос:

Кем навеян огневой
Соразмерный образ твой?

В простейших метафорах стихов или в детально разработанных сценах романов мы встречаем другой пример этого странного и целительного слияния примитивности с изощренностью. В них параллельно сосуществуют два языка: язык слов и первобытный язык образов (образов-метафор или образов-сцен), дословесный «язык», уходящий корнями в младенчество и первобытную тьму, но остающийся нагим языком нашей эмоциональной жизни, языком, которым мы изображаем предмет нашего вожделения, ненависти или страха.

В то же время поэзия не только говорит на языке, напоминающем нам о нашей глубинной сути, но и воплощает идеи и ценности; так и образы ее в одном из своих измерений развивают тонкую диалектику. Поэтическое или прозаическое художественное произведение в итоге открывает нам «смысл» — нет, само становится «смыслом».

Процесс литературного творчества в большей или меньшей степени представляет собой движение к смыслу. Работа писателя, как и всякого художника, отличается от работы плотника, строящего, курятник по разработанному проекту. Плотник, получив чертежи, точно знает, как будет выглядеть будущий курятник. Но писатель, с какой бы он полнотой ни ощущал зародившийся замысел, никогда не знает, какой окончательный вид примут форма и содержание его произведения, пока не найдет последнее слово — ибо каждое слово, каждый образ, каждый ритм определяет «бытие» произведения и, в конечном итоге, его «содержание». И читатель принимает в этом участие.

Весь день, с утра до вечера, нас осыпают абстрактными «истинами» рекламные агенты, политиканы и проповедники. Но мы вдруг догадываемся, что каждая истина, не добытая собственным опытом, действительным или воображаемым, оказывается ложью. Мы избавляемся от своих самозванных спасителей — в особенности от тех, кто хочет спасти нас, чтобы набить себе карман или пробраться к власти, — и догадываемся, что спасти себя мы должны сами. Что же нужно сделать для этого? Научиться уважать себя самого и уважать опыт. Отрезвляемые ясным представлением о стоящем перед человечеством выборе — спастись или погибнуть, — мы можем яснее представлять себе и условия, определяющие судьбу одного человека. Если нынешняя цивилизация отвергает нас от самих себя, от природы и от других людей, мы можем вспомнить слова Анри Бергсона о беллетристике, приложимые и ко всей художественной литературе: она «возвращает нас самим себе».

Не впадаю ли я сам в проповеднический тон, не предлагаю ли я собственные знахарские снадобья? Не совсем. Я не утверждаю, что достаточно прочитать несколько хороших книг — и мы спасем страну. Я говорю только, что они могут пробудить нас и пробудить в нас врожденную отзывчивость как к хорошему, так и к дурному. Пробудить нас, то есть вывести нас из столбняка, в котором мы сейчас пребываем, пробудить от того, что Блейк называл «единственной мечтой и Ньютоновым сном».

Отголосок далекого ветра

Он скитался по миру. Обладая ненасытным зрением.

Писал: «С детства меня поразительно влечет к тому, чтобы как можно больше увидеть в мире и, в особенности, как можно лучше изучить птиц Северной Америки».

Он мечтал поохотиться с Буном, придумал и написал его портрет. Доказал, что беркут отыскивает добычу не чутьем, а зрением. Смотрел в глаза раненому белоголовому орлу.

Писал: «...гордая птица глядела на недругов взором, исполненным презрения».

Он взбирался в сумерках на утес и слышал в мычанье бизонов Рокот далекого океана. В полдень смотрел, Как от костей белела залитая зноем долина.

Видел индейца и ощущал величие Творца.

Писал: «...ибо там я вижу человека в первородной наготе, но все же свободного от нажитых забот и печалей».

Он сживал на тычке за обедом у богачей и знал вкус обиды. Дождался в передних у сильных мира сего И сталкивался с высокомерием.

Писал: «Моя милая мисс Пирри Окли прошла сегодня мимо, не вспомнив, как однажды, по ее просьбе, я написал с нее пастелью прелестный портрет».

Писал: «...но скромный мой талант поможет мне пробраться сквозь шпицрутены мира и без ее помощи».

И шагал сквозь строй, не прельщаясь ни легкой жизнью, Ни даже снисходительным вниманием Даниэля Уэбстера.

Писал: «...и буде я соглашусь, предоставят мне теплое местечко; только я ценю независимость и покой превыше денег и прочего вздора».

Вот так и жил он, но под конец все же прославился. Вдали от родины, в заморских странах, в пышных салонах, С волосами до плеч, как у охотника, блестя глазами, Он шепетал, свистел, шелкал, чирикал На все голоса своих далеких лесов.

Писал: «...мне беспрерывно снятся птицы».

Из цикла «Одубон: мечта» (изд-во «Рандом хаус», Нью-Йорк).
Авт. права: Роберта Пенна Оррена, 1969 г.

А под конец поселился в честно заработанном доме
И спал на мягкой постели и с Люси.

Но потом
Скрипка больше не покидала полки, а мундштук флейты
Пересох, как и его кисти.

Разум
Уже угасал, и последней радостью в жизни
Была колыбельная, что на закате пели ему по-испански.

Так умер и был оплакан тот, кто любил мир.

Кто писал: «...мир, хотя и весьма злонравный,
но, по совести говоря, вряд ли хуже
миров иных».

Средиземноморье. День после бури.

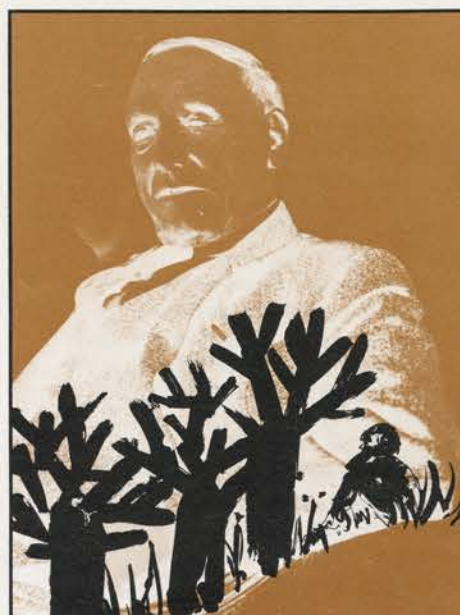
Как радость быстра, как смел,
Буен солнца звон, как
Моря вал бел — о! —
Белее, чем
Ярого снега блеск,
Пена, прянь
Ввысь!

Пусть бьет выше бурун,
В плеск, в синь, в звон, в шум,
Пусть луч солнца поет,
Пусть мир мчит к нам
Пыль, соль, неба туман
В грот и фок, пусть
Парус скрипит белее и
Ярче, чем
Пена солнечных песен — ого! —
Ветр бодр.

Ветер души вплетай,
Как бесконечный трос,
В солнечный — вечный — свет.

Дай мне руку твою.

Из сборника «Избранное: новое и старое, 1923–1966 годы»
(изд-во «Рандом хаус», Нью-Йорк). Авт. права: Роберта Пенна Уоррена,
1966 г. Впервые опубликовано в журнале «Сатеразэй ревью».

О чем ты размышляла, мамочка?

О чем ты размышляла в детстве, лежа
В час козодоя в замершей траве,
Когда садилось солнце в гушу бора?
Ты шла домой, где зажигались лампы.

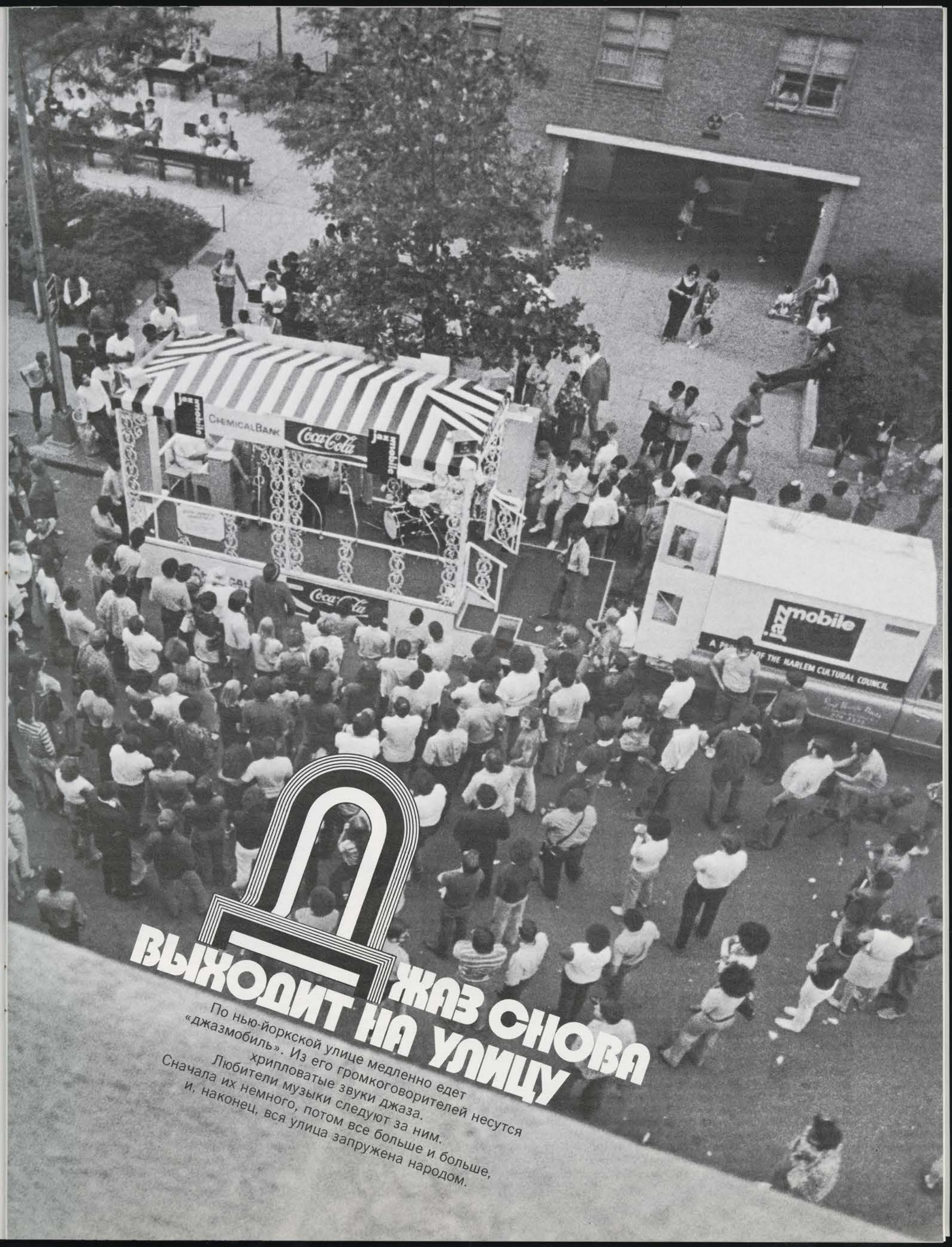
О чем ты размышляла под напевы
Вечерней горлинки в зеленых темных елях?
О чем ответно сердце ворковало?
Отец был занят книгой у лампы.

О чем ты размышляла в час заката,
Сменявшего шафранную полоску
На синеву с мерцающей звездой?
Ты поняла, что нужно возвратиться

Домой и храбро жить, как прежде,
И донести сияющую тайну
В наш одержимый век, в котором позже
Ты родила меня, в котором ныне

В безумии, общественном и личном,
Живу и я, но помню: в раннем детстве
И я лежал в траве на том же месте
Под козодоя песнь в раздумчивых ветвях.

Из сборника «Избранное: новое и старое, 1923–1966 годы»
(изд-во «Рандом хаус», Нью-Йорк). Авт. права: Роберта Пенна Уоррена,
1966 г. Впервые опубликовано в журнале «Энкаунтер».

ВЫХОДИТ ЖАЗ С НОВА НА УЛИЦУ

По нью-йоркской улице медленно едет
«джазмоби́ль». Из его громкоговорителей несутся
хрипловатые звуки джаза.
Любители музыки следуют за ним.
Сначала их немного, потом все больше и больше,
и, наконец, вся улица запружена народом.

Джазмоби́ль остано́вился, изве́стные арти́сты джа́за настраива́ют свои инстру́менты. Публи́ка — и ста́р и мла́д — жде́т нача́ла полу́часово́го кон́церта. Все́ знают, что́ сейча́с услы́шат джа́з са́мых разл́ичных стили́й. Кон́церт начина́ется. Кто-то си́дит на ступе́ньках, кто-то ного́й отбива́ет ритм, бо́льшинство стои́т. Музы́ка прекра́щается, и все́ в о́дин го́лос тре́буют продо́лжения.

Про́грамма «Джа́змоби́ль» была́ органи́зована се́мь ле́т тому́ наза́д Гарле́мским ку́льтурно-просве́тительным сове́том. Заду́мана она́ была́ как ци́кл ле́тних кон́цертов под откры́тым небе́м. Про́грамма сра́зу встре́тила ши́рокий откли́к, и про́шлым ле́том со́стоялось 98 та́ких выступле́ний.

Бла́годаря ще́дрым поже́ртования́м со сто́роны горо́дских у́чрежде́ний и ча́стных предприя́тий, про́грамму уда́лось расше́рить. Тепе́рь она́ та́кже вклю́чает беспла́тные кон́церты с объ́яснения́ми для уча́щихся нача́льных шко́л. Та́ким обра́зом, де́ти зна́комя́тся с исто́рией разви́тия джа́за.

В 1969 го́ду откры́лась студия́ «Джа́змоби́ль», где́ раз в неде́лю под ру́ководством лу́чших джа́зистов Нью-Йо́рка занима́ются око́ло ста́ мо́лодых музы́кантов.

ФОТО
МАРГОТ
ГРАНИЦАС

На лужайке перед зданием Массачусетского технологического института, окруженные своими экипажами стоят 34 машины — участники трансконтинентальных гонок «Чистый воздух» 1970 года.

В ПОИСКАХ АВТОМО НЕ ЗАГРЯЗНЯЮЩЕГО ВОЗДУХ

Автомобили,

Даниэл Б. Московиц

Автомобили на международных соревнованиях легко развивают скорость свыше 200 км/час. Прошлым летом, в 1970 году, американцы с интересом наблюдали за автомобильной гонкой через весь континент по трассе протяженностью в 5600 километров — от Кембриджа в Массачусетсе до Пасадены в Калифорнии. Первая машина финишировала через семь дней, а победителем оказался авто-

мобиль, пришедший к финишу одним из последних. Дело в том, что в этих гонках учитывалась не только быстрота езды, но и коэффициент загрязнения воздуха. Среди участников был и паровой автомобиль «Большой чайник», использовавший пар под давлением 70 кг/см², который приводил в движение подвесной шестицилиндровый лодочный мотор, установленный на шасси обычного автомо-

бия, и двухместный спортивный электромобиль с кузовом из стеклопластика, оснащенный 26 шестивольтовыми батареями. Автогонки «Чистый воздух» были организованы учащимися средних и высших школ с целью наглядно доказать старшему поколению, что создание экономичного, надежного и не загрязняющего воздух автомобиля — вещь вполне осуществимая.

Начало гонкам «Чистый воздух» положило состязание двух электроавтомобилей, устроенное три года тому назад, когда один из студентов Калифорнийского технологического института вызвал на соревнование студента Массачусетского технологического института. Трасса пролегла между побережьями двух океанов в соответствии с местоположением этих двух учебных заведений. Озабоченность американского общества в связи с загрязнением воздуха продолжает расти, и если в студенческом соревновании 1968 года участвовало всего лишь два автомобиля, то в прошлом году гонки привлекли 50 участников. Молодежь получила поддержку автомобильных компаний, а также и Федерального правительства США, которые выделили для этого мероприятия более 250 000 долларов. В гонке приняли участие команды учебных заведений самого различного профиля. Здесь были два инженерных училища (они же инициаторы гонок), команды знаменитых старых университетов Восточного побережья, учащиеся небольших колледжей и средних школ, вроде средней школы Инклайн-вилледж.

Гонка оказалась весьма успешным мероприятием, подчеркнувшим всю важность вопроса борьбы с загрязнением воздуха выхлопными газами и значение исследовательских работ по их обезвреживанию. Фактически автопромышленность США, а также федеральные и местные власти, обеспокоенные загрязнением воздуха, угрожающим здоровью людей и органическому миру, уже давно занимаются проблемой очистки выхлопных газов от вредных примесей.

Выхлопные газы автомобильного двигателя содержат более 200 химических соединений, и процент содержания наиболее опасных из них ограничен правительственными постановлениями. С каждым годом требования становятся жестче. Машины, участвовавшие в соревновании 1970 года «Чистый воздух», должны были отвечать стандартам 1976 года: так, например, содержание углеводорода на миллион частиц не должно было превышать 0,5, окиси углерода — не более 11 и азотистых окисей — не более 0,9.

Из Вашингтона на разработку экспериментальных моделей, которые могут стать прототипами «чистой» машины, средства поступают как от Министерства транспорта, так и от Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Исследовательские работы в этой области проводят шесть нефтяных компаний совместно с компанией «Форд». Кроме того, поисками нового типа двигателя заняты сотрудники фирмы «Дженерал моторс» и других представителей автомобильной промышленности США. Свой вклад вносят и такие предприятия, как «Дженерал дайнамикс», «Вестингауз электрик» и другие фирмы.

Все изыскания в основном сконцентрированы вокруг четырех типов двигателей, которыми и были оборудованы машины, участвовавшие в студенческих гонках «Чистый воздух».

Паровой двигатель. Братья Калвин и Чарлз Уилльямс — самые активные сторонники паровых автомобилей в Соединенных Штатах. Всю свою жизнь они посвятили разработке системы паровой тяги. Сконструированные братьями экспериментальные модели расходуют всего один литр керосина на десять километров пути. Однако ведущие автомобильные компании, ознакомившись с результатами их работ, пришли к выводу, что их машина нерентабельна.

Нужно сказать, что автомобильные компании не удовлетворены и собственными попытками в этой области. «Форд» в сотрудничестве с небольшой

Жидкий пропан был самым популярным заменителем бензина, им воспользовалось 13 машин. Шесть участников употребляли природный газ в жидкой форме, а остальные — «чистый» бензин.

Калифорнийский технологический институт представлял на гонках автомобиль «Хорнет» фирмы «Американ моторс», двигатель которого приспособлен к работе на природном газе в жидком виде.

Этот электромобиль пришлось толкать к линии финиша. По общему мнению сторонников гонок, в соревнованиях зарождаются замечательные идеи, которые позволят в будущем очистить воздух.

компанией «Термо-электрон» работает над созданием парового двигателя, однако надежды на его широкое использование пока невелики: двигателем будут оснащены лишь тележки для передвижения игроков по гольфовому полю. Фирма «Дженерал моторс», сконструировав две паровые машины, пришла к выводу, что, по словам ее президента Эдуарда Кола, «у пара никаких практических возможностей нет».

По мнению руководителей автомобильной промышленности, проблема заключается в мощности для семейного автомобиля со всем дополнительным оборудованием — фарами, радио, очистителями ветрового стекла, отоплением и т. п. — придется соорудить слишком громоздкий двигатель. Если же машину сделать малогабаритной, то это сильно усложнит конструкцию мотора, что в свою очередь увеличит его стоимость.

Тем не менее, паровой двигатель в основе своей прост, и поэтому многие исследователи, не связанные с промышленностью, проявляют к нему большой интерес, а профессора некоторых вузов, включая университет Карнеги-Меллона, по-прежнему работают в этом направлении, надеясь сделать открытие, которое поможет создать экономически выгодный паровой автомобиль.

Электроэнергия. Настоящих профессионалов автомобильного дела привлекают двигатели, работающие на аккумуляторных батареях. В создании электромобиля также заинтересованы и предприятия коммунального обслуживания, которые будут снабжать владельцев новых машин электроэнергией для перезарядки батарей. Компания «Вестингауз», производящая энергетическое оборудование для предприятий коммунального обслуживания, построила уже более ста электромобилей.

Главным препятствием для быстрого роста электромобильного парка является ограниченность срока службы ныне существующих источников питания. Поэтому в настоящее время основные усилия направлены на улучшение батарей. Так, например, фирма «Дженерал электрик» вместо стандартных свинцовых аккумуляторов экспериментирует с никель-кадмиевыми, а «Дженерал моторс» пробует комбинацию серебра и цинка. Другие исследователи работают над батареей из лития и хлора (пока еще остающейся весьма опасной взрывчатой смесью), а также пытаются использовать цинк-воздушные элементы. Но, пожалуй, только с применением пополняемых топливных элементов, — на разработку которых понадобится лет пятнадцать — электромобиль станет популярным транспортным средством.

Существует еще так называемый гибридный вид автомобиля, сочетающий в себе обычный двигатель и электротягу. Он, возможно, появится раньше. Правительство США финансирует исследовательские работы по созданию такого автомобиля. Во время езды по городу, когда приходится делать частые остановки — а при таких условиях развить большую скорость невозможно, — гибриды будут работать на электромоторе, что сократит загрязнение воздуха. Автомобиль с бензиновым двигателем, идя на малой скорости (35 км/час), отравляет воздух выхлопными газами в два раза больше, чем при скорости в 70 км/час. Потому двигатель внутреннего сгорания можно будет включать на шоссе и больших автомагистралях; в это время он будет подзаряжать батареи.

Турбинный двигатель. Применение турбореактивной тяги в городском транспорте ближе к коммерческому осуществлению, чем использование паровых или электрических двигателей. Уже осенью этого года в США начнется выпуск грузовиков, автобусов и строительных машин, оснащенных турбинными двигателями, которые, вероятно, будут употреблять керосинное топливо. Но так как турбины работают при очень высоких температурах, то строить их приходится из редких сплавов, в настоящее время слишком дорогих для легковых автомобилей. К тому же машина с турбинным двигателем требует больше времени для разгона, а это

многим не нравится. Но, тем не менее, правительство намерено заключить несколько договоров на предварительные исследовательские работы с целью создания прототипа турбинного легкового автомобиля к 1975 году.

Модифицированные двигатели внутреннего сгорания. Проблема чистого воздуха, по крайней мере в ближайшее время, может быть решена путем усовершенствования двигателя внутреннего сгорания — по всей вероятности, бензинового двигателя. Несмотря на исследовательские работы, ведущиеся в различных направлениях, двигатель внутреннего сгорания и бензин — комбинация наиболее удобная и знакомая американским инженерам, ибо они уже успели вложить в нее немало труда и усилий. «У нас имеются технические возможности создать двигатель внутреннего сгорания, практически не загрязняющий воздух, — заявил президент фирмы «Дженерал моторс» Эдуард Кол. — И мы твердо отстаиваем именно это положение, так как видим в нем решение проблемы».

В настоящее время существует два основных способа обезвреживания выхлопных газов: часть выхлопа проходит через воздушный фильтр (что несколько ослабляет мощность машины) или выхлопные газы пропускаются через катализатор, который очищает их перед выходом наружу.

Одновременно ведутся поиски наиболее удовлетворительной топливной смеси. Сейчас изучается более двухсот присадок с целью уменьшения выброса вредных веществ или замены наиболее опасных компонентов, добавляемых в горючее. Президент Никсон старается поощрять подобные начинания и предлагает облагать особым налогом компании, которые выпускают горючее, содержащее соединения свинца, — и таким образом заставить их отказаться от его применения. Кроме того, чтобы способствовать успеху нового горючего на рынке, он приказал всем гаражам государственных учреждений заправлять машины только этим горючим, не содержащим свинца. Д-р Ли Дюбридж, занимавший должность советника по научно-техническим вопросам в течение первых 18 месяцев пребывания Ричарда Никсона в Белом Доме, категорически заявляет, что «никто еще не изобрел полноценной замены существующему двигателю внутреннего сгорания, которая была бы достаточно надежной, безопасной и рентабельной».

Неудивительно поэтому, что руководители автомобильной промышленности в Детройте, связанные с бензиновым двигателем, так обрадовались, когда в гонке «Чистый воздух» первое место досталось «Меркури-Капри» — модели Форда с бензиновым двигателем, оснащенной глушителями с каталитическим нейтрализатором и системой повторной циркуляции выхлопа; машина работает на топливной смеси, не содержащей соединений свинца. Ли А. Йакокка, президент компании «Форд», отметил, что победа «Капри» говорит в пользу модификации бензиновых двигателей: это будет наилучшим способом борьбы за чистоту воздуха.

Студенчество как будто с ним согласно. Несмотря на рекламную шумиху, поднятую вокруг автомобилей-новинок, основную часть участников гонки составляли, тем не менее, машины с двигателями внутреннего сгорания, и автомобильные компании работали в тесном сотрудничестве со студентами в разработке конструкции и оборудования именно этих машин. «Дженерал моторс» предоставил 20 студенческим командам по автомобилю и по 2000 долларов для оплаты расходов, связанных с гонкой. Победителю же — студенту Детройтского университета имени Уэйна — компания «Форд» предоставила возможность работать в своем конструкторском бюро и получать техническую консультацию у фордовских специалистов. Фактически некоторые члены команды университета имени Уэйна были инженерами компании «Форд», которые занимались на вечернем отделе-

нии университета с целью получения более высоких ученых степеней.

Победа была присуждена «Капри» не только по очкам в соответствии со сложной системой подсчетов, при которой учитывались время и нормы загрязнения воздуха, но и за изобретательность в конструктивных решениях и дизайне модели, которая оказалась вполне подходящей для серийного производства. Последнее обстоятельство, конечно, давало преимущество и другим участникам гонки, которые использовали машины со стандартными двигателями.

Вообще-то, строго говоря, состязание не было идеальным мероприятием для демонстрации положительных качеств двигателей нового типа и сравнения их с двигателем внутреннего сгорания — и об этом знали все участники. Так, например, у электромобилей запас хода между перезарядками очень мал. Поэтому машина Корнеллского университета, сконструированная тем самым студентом, который в 1968 году, когда он учился в Калифорнийском технологическом институте, своим вызовом положил начало гонкам, добралась до финиша в Пасадене лишь через два дня после победителя. Главной причиной опоздания были полчасовые остановки через каждые сто километров для перезарядки свинцово-кобальтовых батарей. Правда, в целом ряде случаев малый запас хода электромобиля совершенно не мешает делу. Например, для доставки на дом писем и посылок почта в США пользуется одностепенными трехколесными электрокарами; предприятия коммунального обслуживания США и Канады также намереваются к концу года приобрести для своих нужд в городских районах электромобили. Каждая машина, рассчитанная на одного водителя и одного пассажира, сможет перевозить до 200 кг различного груза, развивать скорость до 100 км/час и совершать при этом до 150 остановок в день.

Незавидная участь постигла и грузовик Массачусетского технологического института: турбинный двигатель машины работал на авиационном горючем, и на поиски аэродромов для заправки гонщики потеряли в пути много драгоценного времени. Ничего подобного, конечно, не произошло бы, если бы машины с турбинными двигателями были широко распространены в Соединенных Штатах — тогда на всех заправочных станциях продавали бы такое горючее.

У некоторых команд возникали более сложные проблемы, чем поиски горючего. Целый ряд студентов настолько технически усложнил свои модели, что они вообще не двигались. Так, например, «Большой чайник» и еще две паровые машины не добрались даже до старта. Один автомобиль-гибрид к окончанию гонок сумел покрыть лишь две трети дистанции. А из шести стартовавших электромобилей к финишу на собственной тяге пришли только два; остальных в Пасадену притащили на буксире грузовики.

Студентам университета имени Тафтса, которые участвовали в гонках на автомобиле «Шевелл» компании «Дженерал моторс», пришлось совсем плохо. Дело в том, что они приспособили двигатель машины к работе на жидком пропане. Когда они, преодолевая последний участок гонки Тусон (Аризона) — Пасаде́на (Калифорния), ехали через пустыню, пропан так нагрелся, что им стоило большого труда удерживать температуру ниже точки кипения. Сами же гонщики, чтобы перенести жару, все время обливали себя холодной водой.

Однако ни победителю гонок, ни другим автомобилям, набравшим большое количество пунктов, не удалось разрешить сложных проблем, стоящих перед автомобилестроителями в связи с загрязнением воздуха. Одна из них — это стоимость машины. Катализаторы, которыми были оснащены специальные глушители «Капри», выполнены в основном на базе платины, а это очень дорогой металл. Отсюда возникает вопрос: согласится ли покупатель на лишние расходы для приобретения такого оборудования ради очистки воздуха?

Существуют и специфические технические проблемы. Двигатель, работая на обогащенном бензине, выделяет больше окисей азота. Таким образом, при выработке общих правил для всей территории США нужно учитывать специфику каждого района: что приемлемо в одном, совершенно исключено в другом. В некоторых частях страны, как, например, в Лос-Анжелесе на юге Тихоокеанского побережья США, фотохимические реакции окисей азота с углеводородами создают в воздухе густой туман с копотью и дымом — «смог», который неизвестен в центральных сельскохозяйственных районах страны. Тут опять возникает вопрос, на который в Вашингтоне стараются найти ответ: стоит ли сокращать количество вредных веществ за счет увеличения окисей азота?

Подобная ситуация наблюдается и в других областях. Автомобили не являются единственными загрязнителями воздуха, существуют и иные источники, как, например, электростанции, особенно работающие на каменном угле или нефти. Статистики пытаются подсчитать, сколько понадобится дополнительной электроэнергии, если в стране произойдет массовый переход на электромобили как средства междугородного транспорта, и насколько увеличится загрязнение атмосферы электростанциями, которые должны будут поставлять энергию для зарядки батарей. Согласно некоторым расчетам, для перехода на электротранспорт в Соединенных Штатах придется удвоить производство электрической энергии.

Помимо проблемы загрязнения воздуха, специалистов продолжают волновать и другие вопросы. У многих возникают сомнения относительно безопасности некоторых видов нового транспорта. Возьмем, к примеру, машину с двигателем, работающим на пропане. Пропан легко взрывается, и организаторам гонок «Чистый воздух» пришлось получить специальные разрешения для пользования мостами и туннелями. Но, даже несмотря на разрешения, гонщиков из Буффало чуть не арестовали в штате Иллинойс за провоз легковоспламеняющихся жидкостей. Такой жидкий газ особенно опасен, если автомобиль стоит в закрытом гараже, что весьма распространено в США. Хранение же жидкого газа на заправочных станциях и заправка им автомобилей, по словам эксперта нефтяной компании «Стандарт ойл» Р. К. Маллатта, «представляется делом совершенно невозможным».

Проблемы создают не только поиски решений различных вопросов, но и самое время. Бурный рост населения и высокий жизненный стандарт значительно затрудняют проведение мероприятий по борьбе с загрязненным воздухом. Автомобильный парк США пополняется из года в год. Сегодня в стране насчитывается около ста миллионов машин, и число автомобилей возрастает на четыре процента в год — приблизительно в два раза быстрее, чем население. Получается странная картина: чем больше ученые трудятся в лаборатории над проблемой чистого воздуха, тем больше продается автомобилей.

Чтобы выйти из этого заколдованного круга, нужно просто отучить американцев всецело полагаться на автомобиль. Но это внесло бы резкую перемену в весь их образ жизни. Футурологи предупреждают, что, возможно, автомобилям придется запретить доступ в центральные районы крупных городов. Но подобный запрет сегодня повлек бы за собой целый ряд неудобств для множества людей, и поэтому сейчас он нереален.

Вот почему гонки «Чистый воздух» вызывают большой интерес у американцев. В них молодежь наглядно продемонстрировала свою решимость вести борьбу с загрязнением воздуха. Если решимость этих молодых людей не угаснет по мере того, как они станут старше и начнут активно участвовать в политической жизни страны, они не только согласятся на принятие надлежащих мероприятий, которые сегодня кажутся крайними, как, например, запрет пользования автомобилями в городах, но и потребуют их проведения. ■

По проступку и наказание:

ТАК ПОДРОСТКИ СУДЯТ ПОДРОСТКОВ

Присяжные задают вопросы, чтобы определить справедливую меру наказания.

Согласно американской системе правосудия, каждый обвиняемый вправе требовать, чтобы его дело рассматривал суд присяжных, людей, равных ему по социальному положению, ибо равные, как принято считать, лучше кого-либо другого могут вынести справедливое решение. Но как найти таких «равных», если обвиняемый несовершеннолетний? И тут в Данкерке (штат Нью-Йорк) нашли остроумный выход из положения: раз в месяц дела несовершеннолетних правонарушителей там рассматривают их сверстники-«присяжные».

Этих присяжных отбирают из 140 учащихся трех старших классов местных средних школ. Им поручают вынести «приговор», то есть определить справедливую меру наказания за разные свойственные молодежи проступки — на 90 процентов нарушения правил уличного движения. Такая система отлично работает: за два года только четыре правонарушителя вторично предстали пе-

ред юными присяжными. Под подростки выносятся приговоры лишь тем, кто уже признал себя виновным, когда его дело в обычном порядке рассматривал городской судья Огуст Р. Янковский. Таким образом, молодые присяжные не устанавливают факт вины или невинности подсудимых, а только рекомендуют более целесообразные взыскания вместо обычных денежных штрафов.

Инициатива организации такого суда принадлежит жителю Данкерка М. Г. Вандерхофу, который слышал, что подобная система успешно применяется в Джексоне (Флорида) и в соседнем городке Гамбург. Идея Вандерхофа понравилась судье Янковскому, и они вместе с директором местного Бюро по делам молодежи рассказали об этой системе ученикам трех городских средних школ. Всем заинтересовавшимся они предложили принимать участие в осуществлении программы. Записалось более двухсот учащихся, из числа которых составляются списки присяжных.

«Присяжные представляют все слои населения, — говорит судья. — Как, впрочем, и правонарушители».

Как и во всех американских судах, из этих списков присяжные отбираются по жребью. Каждый месяц заседают два жюри присяжных — по шести человек каждое. На всякий случай отбирают еще по три запасных члена для каждого жюри. Наличие двух жюри ускоряет процесс судопроизводства: когда первое, выслушав дело, удаляется на совещание, второе начинает слушать следующее дело.

По возможности «суд» следует обычным нормам судопроизводства. Все должностные лица — секретарь суда, судебный пристав, инспектор, наблюдающий за поведением осужденных условно, — подростки. Из взрослых в зале суда присутствуют только судья Янковский и родители подсудимого, которого должен сопровождать хотя бы один из родителей.

«Порой для родителей бывает откровением то, что они

узнают на суде, — говорит Янковский. — Дети очень часто совсем иначе описывают родителям случившееся. Но эту версию они не рискуют повторять на суде — они знают, что своих сверстников так легко не проведешь».

Судья Янковский по своему усмотрению определяет, кто из нарушителей имеет право предстать перед молодежным судом. Если, однако, виновный не желает, чтобы дело рассматривали его сверстники, то меру наказания устанавливает обычный суд.

В отличие от общепринятых норм судопроизводства, юные присяжные имеют право задавать вопросы и, по свидетельству Янковского, задают их весьма дельно и обстоятельно. После короткого разбора дела присяжные удаляются на совещание. По возвращении в зал суда они рекомендуют меру наказания. Успеху подобной системы способствует необычность налагаемых взысканий. Так, например, виновный в езде на машине с плохими покрывками должен был в на-

значенный день снова предстать перед судом и прочитать там пятиминутный доклад об опасности езды на неисправных автомобилях.

Обошедшему на машине школьный автобус, стоящий на остановке, пришлось составить схему осветительной системы автобуса и написать сочинение в пятьсот слов о безопасности уличного движения.

Многим суд предлагает написать сочинение или составить альбом из газетных вырезок на тему об опасности тех нарушений, которые они допустили.

Каждый виновный имеет право не подчиниться приговору молодежного суда, но тогда он должен понести наказание, установленное обычным судом. До сих пор, однако, только один воспользовался этой привилегией. Пожалуй, лучше всего выразил точку зрения подростков один из обвиняемых, который сказал: «Мне, признаюсь, было несравненно легче выслушать приговор моих сверстников, чем согласиться с решением судьи».

Всю субботу опоражнивать на улицах мусорные бочки — таков был приговор молодежного суда.

Вычистить полицейскую машину — другой пример решения юных присяжных.

СУРОВАЯ, НО ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ

«ПЯТИУГОЛЬНИК ВЛАСТИ»

Второй том труда «Миф о машине». Люис Мамфорд (изд-во «Харкорт Брейс Джованович», Нью-Йорк.)

Стоящий на пороге пятидесятилетия литературной деятельности Люис Мамфорд написал около двадцати книг, оказавших значительное влияние на техноведение, то есть изучение и осмысление техники, и на повышение требований к архитектуре и планированию городов. Известность, которой Мамфорд заслуженно пользуется в этих областях, особенно удивительна, если принять во внимание, что к градостроительству и технике он пришел из совершенно иных областей знания.

Идя по стопам своего учителя, шотландца Патрика Геддеса, Мамфорд в своем подходе опирается не на технику, а на биологию. Убеждение, которого он придерживается — принцип непрерывной эволюции, — требует строгого подчинения механического начала органическому; иначе говоря, он отдает предпочтение естественному равновесию перед техническим управлением, анархическому разнообразию перед коллективным единообразием и интуиции художника перед точностью инженера. Даже образы, в особенности же ритмы его прозы, отличаются удивительной органичностью: длинные, прочные предложения, мускулистые и жилистые, напоминают корни, упорно тянущиеся вглубь, к таящейся под землей влаге. Как ни парадоксально это звучит, но именно обостренное ощущение биологического начала и объясняет четкость и глубину проводимого Мамфордом анализа мира техники.

И, конечно, именно борьба механистического подхода с биологическим и рождает драматизм и яркость последнего труда Мамфорда «Миф о машине», вторым и заключительным томом которого является рецензируемый «Пятиугольник власти» (первый том «Техника и развитие человечества» появился в 1967 году). Труд этот в целом можно представить себе полем битвы (охватывающей всю историю и предысторию человечества), на котором Мамфорд следит за единоборством двух мифологических концепций о природе человека. С одной стороны, выступает организация машинного типа: извращенная страсть к коллективизированной, монолитной власти, началом которой Мамфорд считает провозглашение божественной власти царей в цивилизациях, возникавших по долинам рек. Эта концепция главным образом и рассматривалась

в первом томе. С другой стороны, ей противостоит жизнь, понимаемая как органическое цветение: естественный рост, свободная игра, здоровый секс, творческое развитие личности, стремление преодолеть ограничения — все, что человек унаследовал в процессе эволюции от своих прародителей.

Изображенное Мамфордом эпическое состязание механического и органического принципов под менее искусным пером могло бы выродиться в обычную манихейскую двойственность. Но Мамфорд, избегая этой ловушки, изображает органическую сущность человека, как некоторое всеобъемлющее единство, в рамках которого находят себе место наши механические склонности и свойства. Однако «фабричный человек» в нас, подобно Калибану, не довольствуется отведенным ему местом. Происходит злокачественное разрастание, восстание части против целого, бунт механистического стремления к господству против органического единства. В этом, по мнению Мамфорда, и заключается грехопадение человека.

Стремясь опровергнуть воинственно антиорганический «миф о машине», Мамфорд показал в первом томе своего труда, какую незначительную и несущественную роль играло производство орудий в биологической эволюции человека и раннем периоде развития культуры. Теперь, во втором томе, начинающемся с пронизательного обзора научного переворота XVI и XVII столетий, Мамфорд то и дело возвращается к мысли, что механизация, даже в наиболее изобретательных своих формах, представляет собой в лучшем случае лишь грубое и неполноценное подражание органическим процессам, спонтанно возникающим в природе. Даже самые хитроумные ухищрения автоматизации кажутся просто неуклюжей карикатурой на естественные формы саморегулирующихся процессов, протекающих в организмах. «Биотехника природы», даже если мы и не всегда осознаем это, непременно служит для нас образцом, которому подражает — и обязана с почти-тельным уважением подражать — техническая изобретательность. Ибо биология стремится к равновесию: изобилие она предпочитает преизбытку и симбиоз — господству. Органические стандарты, за которые ратует Мамфорд, соединяют возможности с целями и, таким образом, указывают путь к созданию здоровой культуры и доброкачественной экологии.

Однако первенствующее значение всего органического часто забывается в неукротимой погоне за тем, что Декарт назвал стремлением стать «хозяевами и владельцами природы». И вот анализу этого трагического заблуждения, ослепившего наше общество, Мамфорд и уделяет главное внимание в последнем труде.

Несмотря на всю элегантность слога, это книга суровая и даже

гневная, содержащая местами больше упреков, чем любое другое произведение Мамфорда. В особенности это сказывается в тех местах, где автор пишет о «культе антижизни», которым, по его мнению, в значительной степени проникнуты современное искусство и литература. Не следует думать, однако, что Мамфорд бросает нас на произвол судьбы в камерах ужасов с кондиционированным воздухом, которые он описывает с такой беспощадной откровенностью. Ничего подобного. Дальше, в конце книги, он говорит в одном месте:

«Когда-нибудь еще напишут книгу, в которой столкновение между механицизмом и витализмом предстанет в качестве глубокого религиозного влияния, берущего начало в XVI веке. И когда эта книга будет написана, она покажет также, как постепенное осознание качеств, отличающих мир организмов от мира машин, породило новый взгляд на весь космический процесс.»

Некоторые не в меру поспешные читатели несомненно сделают вывод, что книга Мамфорда представляет собой всего-навсего очередной выпад против засилья техники. Ничего не может быть ошибочнее такого вывода. Ведь всю свою жизнь Мамфорд посвятил изучению промышленного прогресса. Во всех его работах сквозит чисто американское восхищение техническими способностями и изобретательностью человека.

«Пятиугольник власти» — это не просто очередная новинка на книжном рынке: как и первый том, книга эта принадлежит к числу произведений, достойных быть включенными в круг обязательного чтения нашего поколения. Отныне и впредь серьезное обсуждение недугов нашего промышленно-технического века вряд ли сможет обойтись без многочисленных ссылок на внушительный и глубокий анализ Люиса Мамфорда.

ТЕОДОР РОШАК

С разрешения журнала «Бук уорлд». Авт. права: изд-во «Постриб корпорэйшн», 1970 г.

В век всеобщей специализации, когда человек, желающий, чтобы его принимали всерьез, обязан обзавестись полным комплектом ученых степеней, Люис Мамфорд не нашел времени даже для того, чтобы получить степень бакалавра, хотя и прослу-

шал достаточно курсов. Что касается мнения Мамфорда о ценности «специалистов», то вот что по этому поводу он сказал несколько лет назад одной комиссии Конгресса США:

«Я по профессии писатель, а не архитектор, не инженер и не градостроитель. Хотя я и занимаю должность профессора городского и регионального планирования в Пенсильванском университете, я не имею ни малейшего желания выступать перед вами в роли специалиста по градостроению, в роли эксперта, авторитета. Однако не примите эти слова за проявление ложной скромности. За последнюю четверть века все потрясающие ошибки в области реконструкции городов, дорожного строительства и транспорта, землепользования и курортно-культурного строительства произошли по вине в высшей степени квалифицированных специалистов и экспертов. Поэтому, когда речь заходит о планировании, я сторел бы от стыда, если бы меня приняли за одного из них...»

«Пятиугольник власти» многие критики считают лучшим произведением Мамфорда, посвятившего большую часть своих книг изучению роли техники в жизни общества. Пять сторон пятиугольника символизируют пять аспектов общества: власть, производительность, собственность, общественную информацию и платные удовольствия.

Можно удивляться тому, что Мамфорд (р. 1895 г.) ухитрился сохранить оптимизм после пятидесяти лет писательской и лекторской деятельности. На протяжении всех этих лет он нередко сталкивался с действиями, против которых он протестовал, но которые рекламировались в качестве единственно правильного пути к «спасению» человечества. Действительно, многие рецензенты «Пятиугольника власти» отмечали, что не могут полностью разделить оптимизма автора.

Невозможно, конечно, с помощью двух-трех выдержек передать всю сложность и глубину книги Мамфорда; однако некоторые наиболее яркие места можно процитировать — они дают представление не только о стиле автора, но и об основных положениях его труда.

«Я считаю первичным началом жизнь и высшим критерием биологического и культурного прогресса человека — творчество, а не «поколение природы».

• Если девизом последних столетий была «передача управления механизмам», то тему настоящей книги лучше всего характеризуют слова полковника Джона Гленна, спустившегося после орбитального полета на Землю: «Пусть управление перенимает человек».

• Этот анализ техники и развития человечества опирается на убеждение в необходимости примирить и слить воедино субъективный и объективный аспекты человеческого опыта с помощью методологии, которая сможет в конце концов охватить оба аспекта. Для этого требуется, не отказываясь ни от религии, ни от науки, освободить их от устаревших идеологических штампов, искажающих их развитие и ограничивающих поле их взаимодействия. Замечательные достижения человека в деле преобразования своих субъективных импульсов в формы общественных институтов, эстетических символов, механических систем и архитектурных сооружений во многом обязаны своим гигантскими масштабами применению стройно согласованных методов, разработанных и обобщенных наукой. Однако низведение приемлемой субъективности до идеального уровня электронной вычислительной машины привело бы только к отрыву разума и порядка от питающих их источников в глубинах организма.

• Подлинные «пророки гибели» — это люди, неспособные принять положение Уильяма Джемса, утверждавшего, что человеческая личность всегда была «отправной точкой новых явлений» и что самые прочные на вид структуры и учреждения неминуемо рушатся, как только начинают распадаться породившие их идеи. Если человечество примет навязываемые ему технократическим обществом условия, у него останется только одна возможность: дальнейшее следование по пути все ускоряющегося технического прогресса, хотя на этом пути, чтобы продлить бессмысленное существование сверхсложной машины, человеку придется пожертвовать жизненно необходимыми ему самому органами. Но те из нас, кто отвергает миф о машине, должны понимать, что сейчас слово за нами. Ибо врата технократической тюрьмы автоматически распахнутся, как бы ни заржавели их шарниры, едва мы примем решение покинуть ее.

ВООБРАЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ

КУРТ ВОННЕГУТ — ДРАМАТУРГ

Известный романист, кумир современной молодежи Курт Воннегут написал пьесу.

Называется она «С днем рождения, Ванда Джун», и автор характеризует ее как «простодушную пьесу о людях, которые любят убивать».

Воннегут обладает чисто студенческой способностью поднимать остроумие второкурсников на уровень аспирантского сарказма. Отчасти его мастерство можно объяснить замедленным интеллектуальным развитием, но нужно признать, что юмор его часто бывает и удачным, и уместным.

Он исключительно верно чувствует возможности тщательно обдуманного стороннего замечания и видит существенное в самых невероятных отступлениях. Многие в пьесе разочаровывают, немного по-настоящему веселит.

Замысел пьесы шире его выполнения. Новый Одиссей, обликом и речами удивительно напоминающий «папу» Хемингуэя, после многих лет скитаний возвращается к своей верной Пенелопе и никогда еще не виденному сыну.

Одиссей этот — Гарольд Райан, знаменитый охотник на крупную дичь, убийца мужчин и покоритель женщин (порой ненамеренный), миллионер, путешественник и герой. Он сквернословит, хлещет виски и пиво, отрезает головы такому количеству диких зверей, что обеспечивает работой половину чучельников Африки, и любит женщин с яростью и неуместной поспешностью водяного буйвола. Он считает себя сверхчеловеком и убежден в том, что всякий порядочный американец, в жилах которого течет кровь, а не вода, способен на все, в особенности, на убийство.

Есть у него друг — полковник Харпер. Жена Гарольда, ныне интеллектуалка, а в прошлом официантка, когда-то пленившаяся его бородатой мужественностью, по возвращении мужа начинает понимать, что ей просто не по силам мириться с этой концепцией героизма, втайне растущей из чувства неуверенности в себе как в мужчине. Тем не менее, Гарольд человек неглупый и даже порядочный, но внутренне искалеченный во многих отношениях.

Идея автора интересна, хотя и вполне очевидна. Утверждая, что героизм больше не в моде, и выводя Гарольда своего рода эволюционным пережитком, изживающим, если уже не изжившим себя, он показывает зрителям весьма забавную карикатуру. Гарольд и его

бледная тень — полковник Харпер — в Африке могли попробовать «голубой суп» — какую-то настойку из лотоса, приводящую человека в состояние блаженного забвения. Но они отказались от нее, чтобы вернуться в США.

Здесь их встречают не только утратившая иллюзии Пенелопа, но и ее жених — врач с пацифистскими настроениями, убежденный в могуществе слов, и инфантильный продавец пылесосов, тянущийся к папе Гарольду, как к отцу родному.

Все это принимается легко, но не удовлетворяет. Впрочем, не надо сбрасывать со счета совершенно замечательное чувство абсурдности у Воннегута и особый юмор его, построенный на забитом и сбито с толку чувстве человечности. Восхитило меня в пьесе немногое, но порадовало многое.

Забудем туманную напыщенность темы. Забудем рыхлость построения, зыбкость, искусственность развязки, драматическое несовершенство, единственным приемом которого служит отказ от всех приемов. Забудем все это и прислушаемся к тихому, робкому голосу вдохновенной абсурдности этой пьесы.

Обычно я не занимаюсь кражей шуток у авторов для приукрашивания своих рецензий. Но у Курта Воннегута столько шуток, что он не обидится, если я позаимствую одну в целях иллюстрации. В пьесе один персонаж, описывая драку, дает совет: «Надев роликовые коньки, не вздумайте с кем-нибудь задирайтесь». Это типично воннегутский юмор: смехотворность на высшем уровне.

Курт Воннегут написал не особенно выдающуюся, но в целом достаточно занимательную пьесу.

КЛАЙВ БАРНС

Авт. права: изд-ва «Нью-Йорк таймс», 1970 г. Переведено с разрешения изд-ва.

Накануне премьеры пьесы «С днем рождения, Ванда Джун», «Нью-Йорк таймс» поместил интервью с начинающим драматургом Куртом Воннегутом, отметив, что этой премьерой завершается «двадцатилетнее восхождение писателя от статуса «героя культа» к статусу «героя культуры».

Это, вероятно, преувеличение. «Герой культуры» — легендарная фигура, «которую люди ассоциируют с факторами, неотъемлемыми от национального существования и культуры». А это, надо полагать, означает, что «герой культуры» практически застрахован от ошибок. В действительности же, рецензенты находили в пьесе немало недостатков наряду с достоинствами. Несомненно, однако, что в течение двадцати лет, предшествовавших появлению пьесы, на Воннегута никто не обращал внимания, за исключением небольшой группы преданных поклонников; некоторые

книги его раннего периода выходили только в дешевых изданиях с мягкими обложками, а не в переплетках, которых удостоивалось большинство признанных писателей.

Но главное возражение в заявлении «Таймса» может вызвать слово «восхождение», дающее понять, что в произведениях Воннегута изменились содержание или форма, а может быть, и то, и другое. Этого не произошло. Произошло нечто иное: общество постепенно приблизилось к слегка астigmatическому мировоззрению этого писателя.

Само же мировоззрение не изменилось. Если пренебречь сотнями рассказов, написанных исключительно для заработка, произведения Воннегута в той или иной форме выражают уверенность автора в том, что мир свихнулся, что настоящий герой — это не человек, шагающий по трупам противников, а человек, отказывающийся убивать. О своей пьесе автор сказал:

«Первый вариант ее я написал десять лет назад. Я живу в Барнстейбле на Кейп-Коде, и там часто бывает зеленая скука. Поэтому мы с женой решили однажды записаться на курс классической литературы. Мы стали перечитывать Гомера, и Одиссей, возвращающийся с войны герой, задел меня за живое. Герой-воин. Для современности он безобразен. Тогда еще был жив Хемингуэй, который палил из ружья по всем попадавшим на пути львам и тиграм, набивал из них чучела и уговаривал читателей следовать его примеру. Мне это было противно. И вот я засел за пьесу отчасти с отчаяния, отчасти же потому, что хотел попробовать себя в драматургии. Назвал я пьесу «Пенелопа» [это имя автор сохранил за героиней и в новом варианте], и театр «Орлинс арина» на Кейп-Коде поставил ее в экспериментальном порядке. После спектакля я выбросил рукопись в пустой ящик из-под пива, вместе с ней еще две пьесы и на следующие десять лет забыл о драматургии.»

Но за эти десять лет Воннегут привлек к себе внимание. Английский писатель Грэм Грин назвал его «Кошкину люльку» «одним из лучших романов 1963 года одного из самых талантливых нынешних писателей». («Кошкина люлька» — самый известный роман Воннегута; тираж его превышает 200 000 экземпляров.)

Ко времени появления «С днем рождения, Ванда Джун» Воннегут

ДЕВЯТЬ УЧАСТНИКОВ ПЬЕСЫ КУРТА ВОННЕГУТА «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ВАНДА ДЖУН» ПЕРЕД НАЧАЛОМ СПЕКТАКЛЯ.

достиг зенита славы, и пьесу сразу же приняли к постановке; такого почта добиваются немногие драматурги, да и то лишь после нескольких пьес.

В сентябре 1970 года журнал «Эскайр», напечатавший в разное время ряд рассказов Воннегута, поместил критический дифирамб его творчеству, написанный одним из самых искусных современных критиков Лесли Фидлером. Он писал: «Совершенно неопровержимо выяснилось — хотя и с большим опозданием для университетов и писателей, — что Воннегут действительно принадлежит к тому, что опять стало в наших глазах главным потоком беллетристики; теперь это, впрочем, уже не «высокое искусство», но выдумка и мифы: поток, который был вынужден уйти под землю на несколько десятилетий, но сейчас с новой силой вырвался на поверхность».

Как говорит Фидлер далее, «Воннегут тяготеет больше всего к мифотворчеству будущего. И он, как и полагается творцам, а не комментаторам мифологии, пишет мелко и широко, а не глубоко и узко, пишет книги, достигающие фантастичности и магии с помощью линейного повествования, а не объемного анализа, и обретающие мудрость как случайную находку, а не как результат долгих и упорных поисков».

Уолтер Карр подытожил в «Нью-Йорк тайме» все, что написал Фидлер и что многие начинают замечать сейчас, когда сказал о пьесе: «Она вносит в театр то, в чем он сейчас отчаянно нуждается: воображение. Воображение это

совсем не то же, что изобретательность. Изобретательность создает новые вещи — любые и разные. Воображение ничего не создает. Оно оглядывается на наш безумный мир и повествует о том, что видит, о том, что мы и без него знаем. Но повествует оно нам в таких тонах, к которым мы сами не прибегли бы. Мы все это уже видели, всему этому сейчас верим, но сами никогда бы так не выразились. Воображение завязывает те же связи, которыми обладаем мы, но никогда не рассказывает о них нашими словами».

Студенты высоко чтут Воннегута, хотя он и не принадлежит к их поколению (он родился 21 ноября 1922 года в Индианаполисе). Фидлер, например, вспоминает, что ему самому студенты дважды подносили книги в знак признательности и оба раза в числе подаренных книг был и томик Воннегута. Воннегут, как и Люис Мамфорд, учился во многих местах, но (как и Мамфорд) не имеет никакой ученой степени, что, впрочем, не мешало ему (опять-таки, как и Мамфорду) заняться преподаванием в высших учебных заведениях.

Воннегут преподавал в нескольких университетах и выступал с лекциями во многих других. Временно он прервал свои выступления, так как был очень подавлен студенческими беспорядками. Весной 1970 года в речи на выпускном вечере Беннингтонского колледжа он сказал: «Я раньше думал, что нас спасет наука. Однако мы больше не выдержим колоссальных взрывов, будь то взрывы за демократию или против нее. Вся наша надежда теперь на предрассудок. И я молю вас поверить в самый смехотворный из всех существующих мифов: в центре

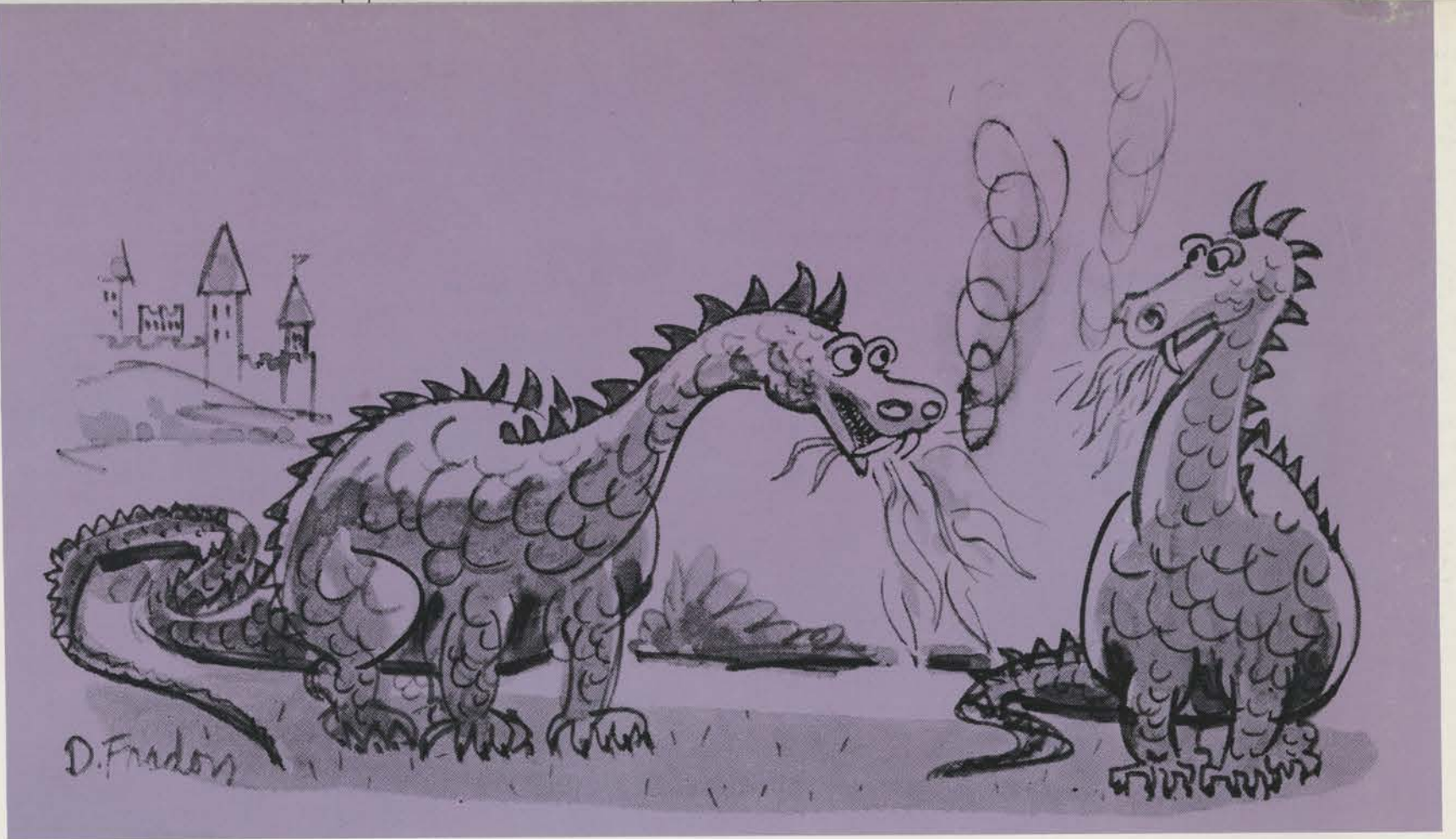
Вселенной находится человек — успех или провал великого замысла Всемогущего Бога».

В 1970—71 учебном году Воннегут стал вести курс писательского мастерства в Гарвардском университете. Из 215 подавших заявления он отобрал для курса 15 «в основе пригодных» писателей. Курс этот он, конечно, не «читает». «Это курс становления писателя, — объясняет Воннегут. — Я скорее открываю то, что студенты сами хотят делать, чем навязываю им предписания. Я руководствуюсь не своими желаниями или тем, чем литература была в прошлом, а тем, чем молодые писатели должны стать».

На будущее Воннегут строит, хотя и туманные, но все же планы. Он обдумывает новую пьесу — о порнографической писательнице; ему хотелось бы написать что-нибудь и о своем отце. Впрочем, осенью 1970 года он признался на интервью:

«Я ничего не планирую. Порой мне приятно думать, что я мог бы на время сделаться художником или даже отшельником. Я знаю, что завтра буду заниматься с гарвардскими студентами — и больше этого, по сути, ничего не знаю. Совершенно не представляю себе, что последует за этим, так что будущая жизнь остается для меня неизвестной, полной сюрпризов. И более выносимой, поэтому.»

«Думаю переключиться с нефти на газ».

Рисунок Дэна Фридона. Авт. права: изд-во «Нью-Йоркер магазин», 1969 г.

«Ура! Мы создали мотор, работающий на загрязненном воздухе!»

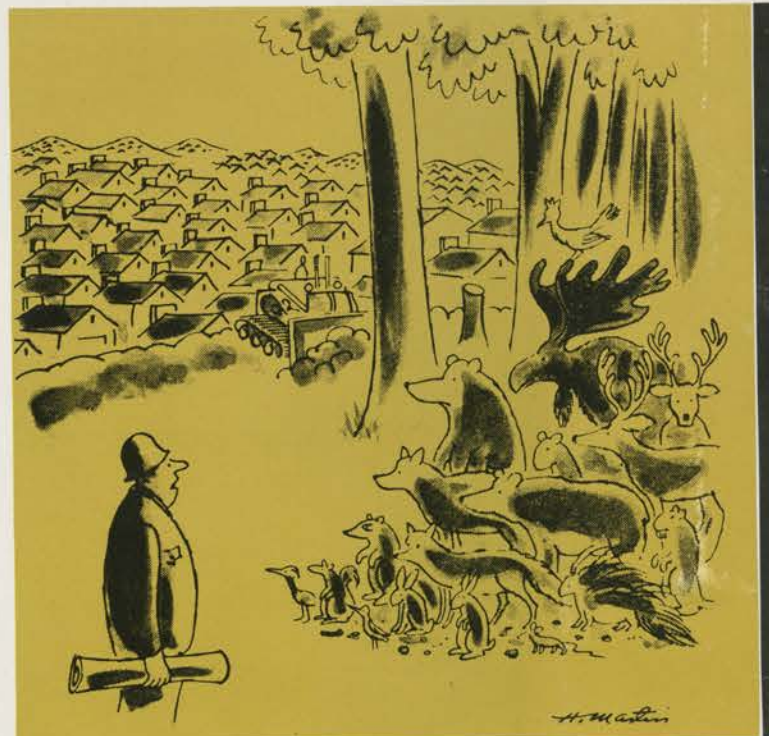
Рисунок Поля Суара. Авт. права: изд-во «Медикал трибюн», 1970 г.

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ...»

«Вымирание? Это когда не умеешь приспособиться к человеческому окружению».

Рисунок Генри Мартина. Авт. права: изд-во «Сатердэй ревью», 1969 г.

«Извините, братцы, леса больше не осталось».

Рисунок Генри Мартина. Авт. права: изд-во «Кэртис публишинг компани», 1967 г.

«Игра эта называется экологией».

Рисунок Генри Мартина. Авт. права: изд-во «Нью-Йоркер магазин», 1970 г.